

ОЛЕГ
СУКАЧЕНКО

ГОЛОВАСТИК ИЗ ИНКУБАТОРА

ДЕТСКИЙ ДОМ ГЛАЗАМИ
ВЫЖИВШЕГО В НЕМ МАЛЬЧИШКИ

18+

Портрет эпохи

Олег Сукаченко

Головастик из инкубатора

«Издательство АСТ»

2023

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сукаченко О. А.

Головастик из инкубатора / О. А. Сукаченко — «Издательство АСТ», 2023 — (Портрет эпохи)

ISBN 978-5-17-152115-8

«При такой степени взаимного безразличия, уверяю вас, совсем немудрено отбиться от рук, превратиться в самого отъявленного хулигана, натворить тех самых «жутких делов», о которых теперь все вы так лицемерно сокрушаетесь! Особенно когда тебе изначально немного лет и за спиной у тебя нет никакого мудрого наставника или хотя бы жизненного опыта, который сам по себе стоит ста советчиков. Ну а если говорить совсем честно, то именно факт этого суда над нами, каким бы справедливым и оправданным он вам ни казался, свидетельствует о полном вашем педагогическом поражении! Но вы никогда в этом, конечно же, не признаетесь, поскольку это означало бы расписаться в собственной профессиональной несостоятельности! Конечно, проще всего обвинить во всем ребенка, спихнуть на него вину за все свои взрослые прегрешения, но станет ли вам от этого легче?!» Так говорил я – маленький, отчаянный Головастик, бьющийся не столько за себя, сколько за всех несчастных детдомовцев, попавших в эту страшную интернатскую западню, больше похожую на мясорубку! А может, мне это только сегодня так кажется, а тогда я просто взволнованно мычал что-то нечленораздельное, поскольку не умел еще толком изъясняться и выражать свои мысли. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152115-8

© Сукаченко О. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	65
Глава 15	69
Глава 16	72
Глава 17	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олег Сукаченко

Головастик из инкубатора

© Олег Сукаченко, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Моим товарищам по несчастью, воспитанникам детских домов
посвящается.*

*«Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни
будешь».*

А. С. Пушкин

Глава 1

Родился, но не пригодился
Русская пословица

Я все думал, с какого эпизода из моего невообразимо ужасного и вместе с тем – бесконечно прекрасного детства начать эту книгу? Что ни говори, а первые слова в таком деле очень важны – как бы не ушибить ненароком замысел-то... Ведь столько всего было потрясающего в ту замечательную пору моей, еще только стартовавшей, жизни! А потом решил, что не буду ничего придумывать, а начну, как и полагается начинающему писателю, с самого начала.

Итак, я родился 16 июля 1973 года в Москве сильно недоношенным, да к тому же еще и очень болезненным ребенком, и моя мама не придумала ничего лучше, как отказаться от меня прямо в роддоме, что называется – «не отходя от кассы». Таким образом, еще не успев родиться, я стал «отказником», то бишь, сиротой при живых родителях (отец скрылся из виду задолго до моего рождения). Ощущение, доложу я вам, не из приятных. Но что уж тут поделаешь? Надо было как-то цепляться изо всех своих крошечных сил за жизнь и карабкаться дальше!

Говорят, что дети где-то там наверху выбирают себе родителей, но тогда меня следует признать просто отчаянным и очень смелым ребенком – ведь я выбрал себе отца, который не захотел даже увидеть своего сына, и мать, бросившую меня, как ненужную вещь, в первые несколько часов моего земного существования! Хорошего в этом все-таки мало, согласитесь?

Сразу после моего стремительного появления на свет – видимо, я так хотел жить, что выскочил прежде времени – меня отправили в специальный инкубатор, где выхаживают маленьких рахитиков, которые имели наглость вылупиться раньше положенного им срока. Сегодня я с ужасом представляю себе, как выглядел тогда: огромная, несоразмерная телу голова, тоненькие ножки, да еще и рост с весом значительно ниже нормы! В общем, тот еще «торопыжка». Уж и не знаю, кого конкретно благодарить за то, что мне посчастливилось выжить и стать хоть немного похожим на человека.

В принципе, я мог и не родиться, а вы могли бы и не открыть эту книгу – во всяком случае, мать моя, судя по всему, не очень-то этого хотела. Но меня и сегодня продолжает мучить вопрос: а каково, собственно, ребенку, еще сидящему в животе, чувствовать, что ему будут не рады в этом мире? Что обожаемая им мама (страшно даже представить себе такое!) его попросту не любит... И какое жуткое потрясение должен испытать только что родившийся малыш, от которого вдруг отказываются, как от излишней обузы?!..

Ведь это только взрослым кажется, что маленький кроха ничего не понимает и не помнит. На самом же деле, он просто не может выразить словами свой дикий ужас от происходящего, но та травма, которую наносят ему самые близкие, казалось бы, люди, калечит его на всю оставшуюся жизнь! Будучи совсем еще крохотным, он не может сказать им: «Любимые мои, хорошие! Что же вы делаете?!», а только постоянно кричит от страха, словно предчувствуя, на какие мучительные страдания обрекают его собственные родители.

Конечно, для ребенка предательство мамы и папы – это самая страшная потеря в его жизни, можно сказать катастрофа вселенского масштаба, поскольку именно в них и заключается для него весь мир! Вряд ли он когда-нибудь сможет от этой трагедии оправиться. Кроме того, не забывайте, что все события, имевшие место в жизни человека, от самого рождения и до смерти, записываются в его персональную «Книгу судьбы», откуда вы их уже никаким топором не вырубите! И если ребенку суждено было лишиться родителей, то сиротское детство навсегда останется скорбным и печальным фактом его биографии, который он уже никогда не сумеет ни забыть, ни простить...

Молодцы, конечно, мои родственнички, хорошо придумали, ничего не скажешь! Бросить меня в самый тяжелый момент еще только начавшейся жизни, когда я был на волосок от смерти, и мне так нужна была их любовь и поддержка! Странное дело – деньгами взрослые где попало не разбрасываются, а детьми – пожалуйста... Мы еще не успели, как говорится, на свет народиться, а нас уже окунули маленькими сморщенными мордашками в дерьмо беспросветного существования!

С другой стороны, а не слишком ли я строг к своим родителям? Ведь мне, по большому счету, дико повезло! Я, можно сказать, под счастливой звездой родился! Меня не выбросили на помойку, не оставили умирать на холодной улице или в обшарпанном подъезде; меня не били, не убили, в конце концов, как это бывает порой с менее удачливыми малышами, а довольно цивилизованно, вполне в духе нашего просвещенного века, оставили в роддоме на попечение государства. По известному принципу – на, тебе, боже, что нам негоже! Радоваться надо тому, что так все благополучно получилось, а не нагружать дополнительным чувством вины своих, и без того переживающих, наверное, родичей...

Но давайте пойдем уже дальше, в направлении Дома ребенка, куда меня определили после инкубатора для выхаживания недоношенных спиногрызов. Что видит обычный малыш в первые годы своей жизни? Улыбающиеся лица мамы и папы, разумеется! У меня же перед глазами были только железные прутья кровати, да голые казенные стены. Как там в песне поется: «Вы знали ласки матерей родных, а я не знал, и лишь во сне, в моих мечтаньях детских золотых мать иногда являлась мне». В то время, как вам, дорогие мои читатели, родители пели колыбельные песни, шептали ласковые слова и дарили свою нежную любовь, я месяцами лежал один-одинешенек и затравленно смотрел в облезлый потолок. А может быть и рыдал от горя. Ведь это на самом деле страшно – уже в самом начале жизни понять, что ты на хрен никому не нужен!

Представляю, как я лежу на своей маленькой железной койке и угрюмо молчу (я же не могу орать 24 часа в сутки, да меня и прибили бы сразу за такое явное неуважение к медперсоналу!). Вокруг совершенно замкнутое пространство, без каких-либо шансов выползти оттуда, с постоянно орущими подкидышами по соседству, которые крепко уцепившись крохотными ручонками за прутья своих кроваток, пытаются перегрызть их еще не сформировавшимися зубками.

Могу себе вообразить, как «радуется жизни» несчастный отказник, который изо дня в день видит перед глазами один и тот же мрачный и одуряющий до рвоты пейзаж! Я, естественно, не помню своих тогдашних мыслей на сей счет, но смею предположить, что они были близки к матерным. Попробуйте-ка получить удовольствие от пребывания в палате для брошенных или забытых в роддоме детей, когда до вас абсолютно никому нет дела!

Кстати, медсестры, работающие с отказниками, утверждают, что те фактически не плачут, поскольку знают, что никто не придет на их зов («ведь их так много – а я одна»). Они и не смеются – да и не до смеха, знаете ли, в таких экстремальных условиях! Все, что им остается – это замкнуться в себе и попытаться справиться со своим горем в одиночку. Но как совсем еще маленькому человечку вынести всю ту чудовищную тяжесть, которая на него давит?!

Ведь никто не возьмет несчастного малыша на руки, не станет укачивать его, когда он, задыхаясь от собственных страхов, не может заснуть. Все дело в том, что отказников запрещено брать на руки – хоть ты лопни от крика! И запрет этот введен для того, чтобы не происходило ненужного привыкания ребенка к медсестре. Потому что если приласкать хотя бы одного маленького террориста, то тут же все остальные бандиты потребуют свою долю любви и участия! А это уже выходит за круг непосредственных обязанностей персонала.

Но ведь такая связь со взрослым критически важна для малютки! Ему жизненно необходимо все время чувствовать, что его любят, о нем заботятся. А когда кроха, не по своей, кстати, вине, лишен этого чувства защищенности, тепла и покоя, он испытывает что-то навряд ли смер-

тельного ужаса, как если бы его, абсолютно беспомощного и неприспособленного к подобным испытаниям, окунули в ледяную полынью! Он, возможно, и выживет. Но поразивший малыша в детстве душевный холод будет сковывать его потом всю жизнь...

Впрочем, не будем о грустном. Я, например, почему-то уверен, что наибольшие мучения в Доме ребенка мне приносило банальное и всем известное пеленание – представляю, как дико колбасило меня от этой изощреннейшей пытки, применяемой обычно к младенцам! Мне почти наверняка, как и сегодня, кстати, хотелось улюлюкать, дергать ножками, петить и кричать – ведь это же такое счастье – родиться на Земле! А меня опутывали по рукам и ногам, может быть, даже засовывали кляп в рот, чтобы не орал.

И вот я лежу, слегка опечаленный такой наглостью взрослых, ползунок, и неуспевающая менять пеленки у «проклятых засранцев» нянечка от всей души мутузит меня ссаными тряпками, чтобы я впредь не нагружал ее лишней работой. А может она, напротив, жалела всех нас, украдкой смахивая слезу во время кормления из бутылочки? Кто знает, что нам довелось пережить и с кем встретиться в первые годы нашей жизни? Это могли быть как очень добрые, так и не до конца еще определившиеся с нравственными предпочтениями люди...

А вообще все это чрезвычайно скверно, конечно! Никто не вспомнит моего первого, осознанно произнесенного слова. Каким оно было? «Ньяня»? «Медьсися»? «Дем ебенка»? Может, я и говорить-то научился только спустя несколько лет после рождения, что среди детдомовских случается сплошь и рядом. Некому ведь было тогда заниматься с нами, обучать и развивать маленьких отказников.

Никого не обрадовал и мой первый, нетвердый шаг навстречу своему будущему. Да и когда он случился, этот шаг, при таком «заботливом уходе»? Сдается мне, что и ходить нас толком не учили. По крайней мере, до тех пор, пока не перевели из Дома ребенка в Детский дом. Скорее всего, мы так все эти первые два года своей жизни и пролежали в железных кроватках, что-то обиженно лепеча о превратностях судьбы-злодейки.

Не исключаю, кстати, что я и на улице не был ни разу лет до двух. Нет, и в самом деле, разве стала бы дежурная медсестра выносить всю нашу бестолково вопящую ораву на воздух? Делать ей больше нечего! Да и какой медсестре это было под силу? Попробуйте-ка вытащить всех отказников, а это 10–20 или сколько нас там лежало в отдельно взятом Доме ребенка, ползунков? Целый день ей пришлось бы заниматься только этим. Наверное, она просто клала свертки и кулечки с нами на подоконник, открывала окно, и мы таким образом «гуляли». А может быть, даже и этого не было...

Ну, что еще сказать? Домашние дети в определенном возрасте, обычно это происходит в 3–5 лет, начинают мучить родителей всякими дурацкими расспросами по поводу своего появления на свет. Дескать, «Мама-папа, а ну-ка признавайтесь, как я у вас нарисовался?». Ну и те, разумеется, поначалу смущенно скармливают малышу уже привычные всем небылицы, типа: «Тебя, душенька, нам аист принес!» или «Мы тебя, лапушка, в капусте нашли!». А потом, конечно, признаются, что появился малыш из маминого живота. Но как ты объяснишь все это отказнику, который и матери-то своей никогда не знал?

Возможно, я тоже что-то такое спрашивал у воспитательниц, однако могу себе вообразить, как тяжело им было ответить на этот вопрос, ведь будучи брошенным с самого рождения, я и понятия не имел, кто такая мама. Понятно, что в конце концов, мне все популярно объяснили, но так или иначе, представить себе маму я все равно никак не мог. В моем сознании мелькали десятки образов и все они были слишком сказочными, чтобы быть похожими на правду.

Однажды, какая-то не в меру любопытная воспитательница спросила у меня: «Олег, ты скучаешь по маме?». На что я ей честно ответил: «Нет». Помню, она очень сильно удивилась, хотя ничего странного в этом, если разобраться, не было – как я могу скучать по человеку, которого ни разу в жизни не видел?..

Я пишу про все эти печальные вещи не для того, чтобы вызвать у своего читателя жалость – уж в ней-то я всегда менее всего нуждался. Мне просто хочется, чтобы вы понимали, что на самом деле представлял тогда из себя среднестатистический Дом ребенка, и как себя в нем чувствовали малыши, от которых отказались родители. Но, даже брошенные на произвол судьбы, дети имеют свойство расти, и в какой-то момент их отправляют в следующее казенное заведение – Детский дом.

Глава 2

В сиротстве жить – лишь слезы лить
Русская пословица

Эх, что-то с памятью моей стало – хоть убей, ничего не помню. Она, как болото, засасывает в себя все случившиеся в твоей жизни события, скрывая их под черной водой забвения и оставляя на поверхности лишь маленькие кочки каких-то мимолетных ощущений и впечатлений, по которым ты еще можешь хоть как-то пропрыгать в свое прошлое...

Детский дом я помню очень плохо. Попал я туда в два года, сразу после Дома ребенка, пробыл до семи лет. Сами понимаете, в таком возрасте человек ничего толком фиксировать не может, а только бормочет себе под сопливый нос какие-то непонятные слова, радуется совершенно пустячным вещам, плачет без причины и удивляется всему сверх меры. Тем не менее, что-то в памяти все же осталось...

Первое, это то, что детский дом являлся заведением (чуть было не написал колонией) весьма строгого режима. Дело в том, что во всех сиротских учреждениях дети живут исключительно по графику, «любовно» составленному для них тиранами-взрослыми. Они встают и ложатся в строго определенные режимом часы. Для них есть время разбрасывать игрушки и время собирать их.

Они даже на горшки ходят по команде, а не по нужде. И не важно, что половина группы, к «радости» воспитательницы, уже сходила по большому и по-маленькому в свои кровати. Все равно, даже эти провинившиеся шалопаи должны вместе со всеми остальными пойти и исполнить соответствующий ритуал – порядок есть порядок!

Да и воспитательницам так удобнее, конечно. Представьте, если каждый спиногрыз начнет проситься в туалет, когда ему заблагорассудится? А там от 15 до 20 лютых зассанцев и засранцев в группе. Это какой же коллапс получится?! За всеми ведь не уследишь. Так что нас всегда гоняли строем на горшки – хочешь не хочешь, а обгадить их надо, потому что следующий раз будет не скоро.

Три раза в день детдомовцев кормят, причем отказаться от еды нельзя, если только сама воспитательница не решит оставить кого-нибудь из малышей голодным. Представить там выпендрож обычного домашнего ребенка, с его капризами: «Это не вкусно, я это есть не буду!» – просто невозможно. Если ты примешься изображать из себя «самого умного», то тебе, недолго думая, тут же выльют кашу или суп на голову («Жри, сволочь!») чтобы не будоражил других детей. И в следующий раз, будь уверен, ты вылижешь свою тарелку до зеркального блеска.

Прогулка у детдомовцев по расписанию, раз в день, где-то на час-полтора. Гулять нас выводят все время на одну и ту же, закрепленную за нашей группой, веранду, которая располагается прямо напротив главного входа в здание детского дома. Помню, как однажды я чуть не стал виновником ужасной трагедии. А дело было так.

На нас, как обычно, напялили куцые серые пальтишки, обули в уродливые «говнодавы», и выгнали на улицу – проветриться. Мы сидели под крышей уже набившей оскомину веранды и с тоской взирали на забор, за который у нас не было никаких шансов выбраться. Кто-то с помощью дырявого ведерка и лопатки лепил куличики в песочнице, кто-то откусывал кисленькие жопки у муравьев, я же от нечего делать взял кирпич, валявшийся неподалеку, и довольно-таки ловко перебросил его через дырку в стене на другую сторону веранды.

Спустя секунду после этого раздался истошный вопль, и вскоре мимо нас страшно перепуганные воспитательницы пронесли окровавленную девочку! Узрев дело рук своих, я не на шутку расстроился – ну, кто бы мог представить, что на той стороне веранды в это же самое

время будет гулять другая группа?! Метнув злополучный кирпич, я, конечно, ни фиги не подумал. Да и нечем мне было думать в четыре года...

Мое наметившееся глубокое раскаяние прервало вторжение нашей разъяренной воспитательницы – Зинаиды Петровны, которая тут же прискакала на разборки: «Кто бросил кирпич?!». Вся группа, не стовариваясь, мгновенно указала кривыми пальцами на меня (маленьким ушлепкам еще никто не объяснил, что «стучать», вообще-то, не хорошо).

«Ах ты, гадина такая! Ну, я тебе сейчас покажу кузькину мать!» – прорычала воспитательница, и, схватив меня за ухо, буквально поволокла по земле на уже придуманную ею экзекуцию. От боли я орал не хуже той девочки! И никак, честно признаться, не мог понять: кто такой Кузька?! Откуда он вообще взялся?! Что из себя представляет его мать, и почему ее надо кому-то показывать?!

Дотащив меня до своей комнаты и чуть не оторвав по дороге ухо, Зинаида Петровна принялась наносить мне удары специальной палкой, которой она обычно выбивала ковровые дорожки. Это меня несколько озадачило – я вроде не очень похож на напольное покрытие. «Будешь еще кидаться?!» – жутко вращая почти вылезшими из орбит глазищами, кричала воспитательница. «Нееееет, не буууууду!» – что есть мочи вопил я, хотя твердо решил при первом же удобном случае завалить метким броском кирпича мою мучительницу.

Наконец, Зинаида Петровна несколько подустала охаживать меня палкой – видимо избивающие устают от побоев не меньше, чем избиваемые – и, лишив меня приема пищи на весь оставшийся день, она решила, что этого педагогического урока мне будет достаточно. В принципе, мегера оказалась права – видите, как я все подробно и детально запомнил? Ну, а если говорить серьезно, то наказывали нас в детском доме довольно часто. И для этого совершенно не обязательно было кого-то зашибать кирпичом.

Достаточно было, например, просто воспротивиться мыть ноги воспитательнице (она очень любила по вечерам скинуть туфли, поставить тазик с горячей водой и заставить малышей массировать и обмывать ее натруженные в течение дня стопы). Я всегда отказывался это делать – мне была противна сама мысль, что я могу мыть чьи-то ноги – и «Зина-псина», как я «ласково» называл ее про себя, в качестве наказания за непокорность, била меня пластмассовой палкой по рукам! Это была очень болезненная процедура, и как я ни старался не плакать, слезы все равно ручьем катились из моих глаз.

Но однажды я увидел картину, которая буквально потрясла меня и чрезвычайно повлияла на становление моего дурацкого характера! В один из дней Зинаида Петровна, как обычно, устроила показательную порку моему однокласснику и самому верному другу – Толе Цыплакову. Не знаю, в чем он перед ней провинился, но меня поразило то, с каким невероятным мужеством Толька перенес назначенное ему наказание. Выдержав с десяток сильнейших ударов пластмассовой палкой, он ни разу не заплакал, чем довел воспитательницу-садистку до совершеннейшего иступления! Для меня подобное поведение Тольки стало просто чудом каким-то! Я никак не мог понять: как это вообще возможно вытерпеть?!

Феноменальная стойкость Толи Цыплакова произвела на меня столь неизгладимое впечатление, что я проникся к нему невероятным уважением! С одной стороны, мне было страшно жалко его, а с другой – я восторгался какой-то сверхъестественной выдержкой своего маленького приятеля. Вот откуда взялась такая необыкновенная сила духа у пятилетнего малыша?! Непонятно. По всей видимости, был в нем какой-то внутренний стержень, который еще тогда, в самом детстве, никто не мог перебить.

Через пару дней я, будучи от природы очень хулиганистым мальчуганом, снова огребал от воспитательницы. Ей, очевидно, нравилось бить нас, потому что она делала это весьма охотно и с большим удовольствием. Скажу больше: в этом, довольно-таки стремном деле, она была чертовски изобретательна! Самым безобидным наказанием у нее считалось поставить ребенка на крупу. Как правило – это была гречка. Но иногда Зинаида Петровна – добрая душа, не жалела

для нас и гороха. Провинившийся ребенок должен был стоять на всем этом рассыпанном на полу великолепии голыми коленками по несколько часов.

Помню, как тяжело давались мне эти изнурительные стояния в углу – крупинки больно впивались в кожу, а воспитательница строго следила за тем, чтобы я не опирался руками на стену, пытаясь уменьшить нагрузку на дико дрожавшие от непосильного напряжения и буквально ходившие ходуном колени!

Если же мы продолжали, как и всякие дети, чего-то упорно не понимать или баловаться, то здесь уже, наша воспитательница, которую правильнее было бы назвать терзательница, выкладывала свои главные козыри, на которые нам совершенно нечем было ответить. Господи, чем она нас только не била: и шваброй, и ремнем, и мокрым полотенцем, и вешалкой, даже снятым с ноги тапком припечатывала (последним, в основном, по лицу)! В общем, всем, что только ни попадалось ей под руку!

На сей раз, Зинаида Петровна придумала новое издевательство, которое заключалось в весьма болезненных ударах резиновыми прыгалками по голой жопе. Помню, как страшно они свистели в воздухе, прежде чем оставить багрово-фиолетовые рубцы на моих ягодицах. Но я твердо решил, что назло «Зине-псине» не пророню ни звука – пусть хоть заперет меня до смерти своими прыгалками! Эта дура аж употела вся, пока стегала и хлестала меня. Я искусал все губы до крови, но моих слез она не увидела. Ни тогда, ни когда-либо позже.

После той экзекуции я подошел к моему закадычному приятелю Тольке и, с плохо скрываемой гордостью, сообщил ему: «Я тозе, как и ты, наусился не плакать, када меня бьют и обижают!». Мы обнялись, как старые, прошедшие суровое испытание пытками, фронтовые друзья, и принялись посмеиваться над воспиталкой, которую считали нашим самым безжалостным и зловредным врагом. В тот момент я и представить себе не мог, как пригодится мне это полезное умение – терпеть боль, в моей дальнейшей, совсем немилосердной жизни...

Больше всего в детском доме меня удивляло, когда некоторые дети пытались называть нашу чокнутую воспитательницу мамой. Да что там удивляло – просто корбило и выводило из себя! Нашли, епрст, «маму»! Она вас дерет, как сидоровых коз, а вы к ней еще и лезете со своим трусливым подхалимажем! Разумеется, я тогда и слова-то такого не знал, но отношение к жополизам и льстецам у меня все равно было крайне отрицательным. Как можно называть мамой какую-то постороннюю тетку, которая тебе никто? Да еще, если она ведет себя по отношению к детям, как злая и ненавидящая их мачеха! Понятно, что детдомовцы не понимали толком, какой должна быть настоящая мать, и потому липли со своими лобызаниями к той, которая этой любви была не достойна.

Самое интересное, что все эти маленькие подлизы тут же ябедничали на меня за то, что я отказывался быть, как все. Они периодически бегали к Зинаиде Петровне и громко, чтобы я слышал, шептали ей: «Мама, мама! Мозно я вам сто-то скажу на уско?». Получив утвердительный ответ, начинающие стукачи буквально преображались в лице от охватывающего их вдруг угодливо-подобострастного чувства: «А вы снаете, сто Олег токо сто сказал мне?». «Ну, что – говори быстрее!». «Он сказал, сто я дуууура!» – неожиданно заливалась слезами какая-нибудь гадкая осведомительница. «Ты что, и вправду назвал ее так?» – обращалась уже ко мне воспиталка. «Так она зе и есь дура, неузели вы не визите?» – удивленно отвечал я ей, и тут же получал тапком по голове – не бог весть какая расплата за удовольствие говорить правду.

Впрочем, случались в детском доме и более экстремальные истории. Однажды к нам в комнату ворвалась какая-то совершенно пьяная и еле стоящая на ногах женщина, которая стала кричать, что зарежет всех, специально принесенной для этого в сумке, бензопилой, если ей сейчас же не отдадут ее сына!

Вся группа тут же ломанулась в туалет – единственное место, где можно было закрыться на щеколду! Не уверен, что кто-то из нас представлял, что такое вообще бензопила, но выглядело все это весьма зловеще. Настолько, что вместо того, чтобы бежать со всеми, я остался

заворожено смотреть, как будут развиваться события дальше. Несчастливая женщина все ходила по комнате и, размазывая пьяные слезы по лицу, надрывно причитала: «Сволочи, отдайте мне ребенка!», а я, маленький испуганный карапуз, с каким-то двойственным чувством жалости и страха смотрел на нее.

Вскоре приехали вызванные кем-то из воспитательниц милиционеры, которые начали грубо заламывать пьяной посетительнице руки. Кто-то из них, пытаясь утихомирить разбушевавшуюся скандалистку, повалил женщину на пол и наступил ей коленом на лицо, но даже в таком состоянии она продолжала душераздирающе вопить: «Толя, это я – твоя мама! Ты прости меня, непутевую, если сможешь! Я тебя очень, очень люблю!». Спустя еще несколько минут женщину куда-то волоком утащили и больше я ее никогда не видел.

Как выяснилось позже, это была, лишенная родительских прав, мама Тольки Цыплакова, которого воспитательница, подальше от греха, увела в туалет самым первым. Кстати, я только теперь понял, почему Толька так отважно вел себя, когда его били пластмассовой палкой по рукам. А вы попробуйте испугать человека, имеющего за спиной мамашу, готовую резать всех направо и налево бензопилой! Видимо, в своей родной семье, ему приходилось претерпевать гораздо более жесткие вещи, из-за чего он, собственно говоря, и оказался среди нас, горемычных.

Но вернемся к распорядку дня детдомовца. Вернее, к последней и заключительной его части – отбою. Тем более, что здесь начиналось чуть ли не самое интересное. Обычно мы никогда не засыпали сразу по приказу ночной нянечки (она приходила на смену дневной злюке), а, дождавшись ее ухода из палаты, начинали отчаянно беситься, как делают это обычно все дети нашего возраста. В ход у нас шли подушки, одеяла и прочие милые сердцу кастелянши вещи, которые мы на радостях готовы были распотрошить до желтоватой ваты и куриных перьев!

Подобное пренебрежение режимными запретами продолжалось у нас довольно-таки долго, пока в один из ужасных дней, а точнее сказать – ночей, в окно нашей спальни, расположенной на первом этаже здания, не постучалась самая, что ни на есть, настоящая нечистая сила! Все дело в том, что еще задолго до этого страшного события «добрая» нянечка частенько рассказывала нам про некую Бабу-Ягу, которая по ночам приходит к непослушным детям с намерением разнообразить ими свою меню...

Честно признаться, мне совершенно не хотелось быть съеденным! У меня было хорошее воображение, и я тут же начинал очень живо представлять себе, как злая и горбатая старуха пытается сожрать меня. В какой-то момент ей удастся задуманное, и я оказываюсь в желудке у этой мерзкой твари! Понятное дело, что после такой жизнеутверждающей сказки на ночь, баловаться мне уже не хотелось (спать, кстати, тоже!). Но спустя некоторое время моя хулиганская натура брала вверх, и, позабыв про всяких бабок-каннибалок, я уже грезил о новых шалостях и бесчинствах.

Но на сей раз нечистая сила, по-видимому, решила взяться за нас всерьез. Мало того, что она угрожающе постучала в окно, что заставило всю малышню буквально оцепенеть от страха и затем стремительно броситься в россыпную по своим кроваткам, чтобы тут же притвориться спящими! Так она еще и проникла в нашу палату, что чуть не стоило мне инфаркта в пятилетнем возрасте!

Я вдруг услышал, как некая дьявольская субстанция медленно и тягуче открывает скрипучую дверь, после чего громыхая огромными когтями по полу, крадется вдоль трясущихся, от нашего запредельного испуга, коек! Накрывшись с головой одеялом и лихорадочно дрожа от охватившего меня ужаса, я желал только одного: чтобы так некстати свалившаяся на нашу голову бабуся съела не меня, а кого-нибудь другого. И тогда я уж точно исправлю свое поведение с плохого на хорошее, даже примерное!

Ситуация сильно усугублялась тем, что незадолго до этого, нам показали по телевизору первый советский фильм ужасов про Кошечку Бессмертного (вторым был еще более кошмарный

«Вий» с его леденящим кровь требованием: «Поднимите мне веки!»). Так вот, я не мог смотреть на этого жуткого Кощея без содрогания! Я даже прятал свое лицо в ладошки, чтобы только не видеть его страшного, лысого черепа, обтянутого кожей! А тут еще какая-то Баба-Яга притащилась – она меня, конечно, добила окончательно! Потому что если этот, восставший из ада старик со своим засекреченным яйцом так мрачно выглядел, то какой отвратительной должна была быть его старуха?!

Одним словом, я никогда в жизни не был так чудовищно напуган, как в тот момент, когда Баба-Яга, причмокивая губами, копошилась где-то совсем рядом с моей кроватью. Видимо, она уже доедала какого-то несчастного малыша, который имел неосторожность открыть свои глаза и взглянуть на нее! Я лежал, что называется, ни жив, ни мертв, буквально обмирая от страха, но изо всех своих последних сил старался делать вид, что сплю. Сердце у меня стучало так, что казалось, готово было выпрыгнуть из груди! Если бы чертовой бабке тогда вздумалось хотя бы дотронуться до меня, то я бы, вне всякого сомнения, тут же на месте и умер – меня бы просто разорвало от омерзения и ужаса!

Это стало одним из самых тяжелых воспоминаний, вынесенных мною из детского дома, и я до сих пор достоверно не знаю, кто нагнал на меня столько жути в детстве! Могу только предположить, что это был преступный тандем вечно пьяного сторожа и ночной нянечки. Первый, скорее всего, всосав привычные ему сто грамм, принялся стучать палкой по окнам, а вторая, надев чулок на голову, дабы ее не узнали (мне об этом наутро «съеденный» мальчик рассказывал), изображала из себя Бабу-Ягу – чтобы ей пусто было!

Глава 3

Были и на нашей улице праздники *Поговорка*

Вы, наверное, скажете, прочитав все это: «Какое мрачное и беспросветное детство было у этого бедного парня!», но я с вами не соглашусь, потому что в нашей жизни случалось и много хорошего. Помню, как однажды мы всей группой ходили в расположенный неподалеку лес. Ради такого неординарного путешествия нас, единственный раз за все время нахождения в детском доме, вывели за его территорию, и мы вдруг увидели, насколько огромен и прекрасен мир, скрываемый за бетонным забором нашего сиротского учреждения!

Накануне нас всех собрали и строго предупредили, что мы идем знакомиться с кустами и с деревьями, но если кто-то отобьется от группы, а уж тем паче потеряется, то его никто искать не будет, и он останется в этом лесу навсегда. Меня такая перспектива только обрадовала, и я тайне надеялся заблудиться где-нибудь среди трех сосен.

Но пора было строиться в колонну. Впереди с красным флагом торжественно вышагивала наша воспитательница, а за ней, уцепившись сзади за майки друг друга, топали своими маленькими ножками мы! Вот такой причудливо извивающейся и радостно галдящей гусеницей, мы и переползли через дорогу. Потом прошли еще несколько сотен метров вдоль череды каких-то невысоких построек, и вошли в лесную чащу.

Счастью моему не было предела! Я первый раз в жизни увидел настоящий лес и поразился его необыкновенной красоте! Стоял жаркий летний день, но под сенью деревьев веяло приятной, обволакивающей прохладой. Со всех сторон слышался неумолкаемый гомон лесных птиц – они так же, как и я, буквально захлебывались от восторга, распевая на все лады гимн ликующей природе! И мне вдруг нестерпимо захотелось стать такой же свободной птицей, ну, или хотя бы большим и вечнозеленым деревом.

Ведь уметь перевоплощаться в любое живое существо или в прекрасное растение по плечу каждому маленькому волшебнику, каковым я, быть может, не имея на то достаточных оснований, считал, разумеется, и себя! Во всяком случае, мысленно я уж точно мог превратиться во что угодно. Это сейчас, уже будучи взрослым, я забыл, как это делается. А в далеком детстве мне ничего не стоило улететь на крыльях мечты в сказочную страну, именуемую «Тридевятым царством», где текут молочные реки и растут молодильные яблоки! Либо же отправиться на поиски болотной лягушки, в которой я самонадеянно рассчитывал обнаружить заколдованную Василису Прекрасную!

Именно тогда я впервые почувствовал, что все живое на земле тесно связано какими-то прозрачными, невидимыми нитями, и, в сущности, все мы есть одно неразрывное целое! Просто со временем это пленительное чувство родства с окружающим нас миром куда-то улечивается, и мы становимся самыми обычными, довольно заурядными и ограниченными людьми. Хотя кто его знает, может я в детстве понимал язык животных и умел разговаривать с птицами? Да что там может – точно умел!

Вообще, по малости лет, все окружающее кажется нам чрезвычайно загадочным и таинственным. Собственно, вся наша жизнь в этом возрасте есть одна большая тайна, которую мы постоянно пытаемся разгадать! За каждым кустиком и пригорком нас ждут самые невероятные открытия, а в углу темной комнаты или пыльного чердака мерещатся сказочные существа. С ребенком потому и происходят всякие чудеса, что он в них свято верит!

Как бы мне хотелось сегодня снова перенестись в свое счастливое – без всяких шуток – детство! С его захватывающей дух свежестью первых впечатлений. С его бесконечно наивной и неугасимой верой во все хорошее, которую даже взрослые не смогли разрушить. С его уди-

вительной способностью заразительно смеяться невпопад над всякими милыми глупостями. С его постоянным ощущением заплутавшего где-то чуда, которое непременно должно случиться, стоит тебе только этого сильно захотеть!..

А вспомнить мою совершенно невероятную, быть может, самую большую и искреннюю в жизни любовь! Да, да – в детском доме я страшно влюбился в девочку, и это незабываемое событие полностью заслонило от меня все негативные стороны моего там пребывания! Я втюрился в нее так, как никогда еще до этого, что, в общем-то, было не удивительно, ведь подобное чувство настигло меня в первый раз! Звали ее, как сейчас помню, Нина Осерчук. Это было совершенно прелестное, очаровательное создание с глазенками небесного цвета и тихим, проникновенным голосочком, который, звеня переливистым серебряным колокольчиком, повергал меня в глубочайший экстаз!

Когда я смотрел на нее, мне казалось, что я видел перед собой ангела! Причем, чувства мои, в силу малости нашего возраста, были самыми, что ни на есть, платоническими. Я любил ее абсолютно чистой, незамутненной и не опошленной еще ничем любовью, которая бывает, пожалуй, только в детстве! Мне не хотелось от Нины ничего, кроме как ежесекундно смотреть на нее, чувствовать ее присутствие рядом, и млеть от невыразимого блаженства всякий раз, когда она поворачивала в мою сторону свою прекрасную головку...

Но горе было тому из моих одноклассников, кто пытался хотя бы заговорить с ней! Тут моя плохо контролируемая – как выяснилось столь рано – ревность проявляла себя во всей своей отвратительной красе. Я тут же коршуном кидался на соперника и бил его со всей дури кулаком прямо в глаз! Понятно, что с фингалом он был уже не так привлекателен для Ниночки, да и не особо хотел ей понравиться, боясь обзавестись еще одним бланшем. Я же, не переставая, думал о том, как бы мне с честью выполнить какое-нибудь невыполнимое задание моего ангела, из разряда: «Пойди туда – не знаю куда, и принеси то – не знаю, что!».

Проблема заключалась в том, что ни о чем таком Ниночка меня не просила. Она вообще (признаюсь вам с грустью) почти не обращала на меня внимания. Пытаясь хоть чем-то заинтересовать ее, я скормил этой вредине какое-то невероятное количество печений и конфет, сэкономленных мною на ужинах – она разжирела на сладостях, но взаимностью мне так и не ответила! И все-таки, и все-таки, как сказал когда-то поэт: «О милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили, не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были»...

Кстати, удивительное дело, но у нас в детском доме был свой, особенный язык, который помогал нам общаться между собой и годился на все случаи жизни. Но еще более невероятно было то, что во всех детских садах малышей сленг был приблизительно одинаков! Поразительно, как разные детдомовцы и детсадовцы, находясь на значительном удалении друг от друга в огромной стране, использовали одни и те же слова и выражения! Взрослые нам их, что ли, нашепывали? Я вам сейчас перечислю кое-какие детские шутки-прибаутки и уверен, вы сразу их вспомните:

«Ябеда-корябеда, соленый огурец! На полу валяется, никто его не ест!», «Щас как дам по башке – улетишь на горшке!», «Врешь ты все! И спишь ты в тумбочке!», «Попрошайкам не дают, они сами достают!», «Чего зыришь? В штаны напузыришь!», «Всю помойку облизала, а спасибо не сказала!», «Ты мне больше не дружок, и не какай в мой горшок! Отдавай мои бумажки, забирай свои какашки!», «Расскажи мне сказку, как дед насрал в коляску и поставил в уголок, чтоб никто не уволок!», «Вышел заяц на крыльцо, почесать свое яйцо. Сунул руку – нет яйца, так и брякнулся с крыльца!», «Не учи ученого, сожрешь говна печенного!», «Будь другом – настри кругом! Будь братом – настри квадратом!», «Повторюшка – дядя Хрюшка, а по имени – индюшка!», «Я тоже, я тоже – на говно похоже!», «Ну а ты, ну а ты – жопой нюхаешь цветы! А цветы железные, для тебя полезные!», «Обезьяна Чи-чи-чи продавала кирпичи, за веревку дернула и нечаянно пернула!», «Обзывайся целый год, все равно ты бегемот!», «Кто

как обзывается, тот сам так называется!», «Щас как режимом заножу – будешь дрыгами ногать и мотою головать, из крови живот пускать!», «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться! А кусаться не причем, буду драться кирпичом, а кирпич ломается – дружба начинается!»...

А помните, с каким необыкновенным воодушевлением в детстве мы пожирали зимой сосульки на улице?! О, это было любимое наше сезонное лакомство! Мы сбивали или отламывали их с крыш, а потом аппетитно хрустели тающими прямо во рту деликатесами! Сосульки казались нам какой-то невероятной вкуснятиной, и сравниться с ними мог разве что снег, также употребляемый нами в пищу с огромным удовольствием! Девчонки почему-то особенно любили полизать сосули – может у них это врожденное? У нас была одна пигалица, которая мимо призывно висящей сосульки спокойно пройти не могла. Она находила самую большую и толстую, а затем принималась страстно грызть и посасывать ее, к ужасу всех детдомовских воспитательниц!

Еще одним популярным зимним развлечением среди малышни было приклеиться на морозе языком к какой-нибудь железке. Я подобные сомнительные аттракционы никогда не практиковал, но постоянно наблюдал, как мои придурковатые одноклассники облизывали своими длиннющими языками то скрипучие железные ворота, то металлическую ручку входной двери. Видимо, пытались попробовать их на вкус, ну и прилипали, разумеется, намертво. Так и висели, идиоты, на своих языках, подергиваясь с непривычки, пока их взрослые с помощью теплой воды насилу от этих железок не отдирали...

Уже много лет спустя, заканчивая последний класс интерната, я, влекомый не столько ностальгией, сколько банальным любопытством, поехал в свой дошкольный детский дом, находящийся на другом конце Москвы, и уговорив старого сторожа, проник в покосившееся от ветхости здание. Никакого детского дома в нем уже не было – теперь там располагался какой-то районный «Центр творчества».

Черт побери, как же здесь все изменилось! Когда-то этот дом казался мне огромным и необычайно вместительным, составляющим для нас целый неизведанный мир! Нынче же он больше походил на маленькую, невзрачную избушку, в которой непонятно каким образом умещались раньше около сотни брошенных своими родителями детей.

Я прошелся по еле узнаваемым комнатам – вот здесь, кажется, была наша общая с девочками спальня, а тут мы поглощали свою нехитрую еду. Помню, как удивился я крошечным стульчикам, которые показались мне совсем игрушечными. Неужели и я когда-то сидел на них?!.. Вспомнил, конечно, и Тольку с Нинкой – где они сейчас, эти маленькие бутузы, разделившие со мной всю тяжесть и радость детдомовского существования? Смогли ли избежать, так называемого, «коррекционного» интерната, попасть в который я не пожелал бы и врагу?..

Все дело в том, что незадолго до нашей отправки в школу, к нам в детский дом приехала специальная врачебно-педагогическая комиссия, которая должна была определить, как мы все вместе, и каждый из нас по отдельности, собираемся усваивать школьную программу. Люди в белых халатах задавали нам всякие каверзные вопросы, мучили тестами, заставляли рисовать какие-то непонятные рисунки, типа несуществующих животных (мы и про существующих-то практически ничего не знали!).

Я смотрел на этих странных взрослых, как на дураков, а они почти наверняка были уверены, что идиот – это как раз я, поскольку мне вдруг пришла в голову шальная мысль отказаться выполнять почти все их задания. Мог ли я знать тогда, какой смертельной (без всякого преувеличения) опасности подвергнулся?! Ведь речь шла о том, в какой интернат – обычный или для умственно отсталых, меня отправить...

Я бы, наверное, уехал в коррекционную школу – уж слишком нагло и вызывающе вел себя перед комиссией, но меня спасло умение бегло читать, которым не мог похвастаться никто в нашей группе. Мне фантастически повезло, что еще за пару лет до приезда безжалостных

экзаменаторов, сердобольная детдомовская нянечка с красивым именем Олеся, заметив мой неподдельный интерес к книгам, взялась обучить меня грамоте. Тем самым, как я осознал позже, она буквально спасла меня от страшного будущего!

Именно ей, моей великой благодетельнице Олесе, я обязан тем, что не отправился в «дурку», а был препровожден в нормальный (по крайней мере, с точки зрения изучаемой в нем школьной программы) интернат. Видно, врачи решили, что раз этот маленький нахаленок уже так живо и бойко читает, значит, какой-то толк из него все-таки будет.

А то ведь как зачастую в детских домах бывает: приезжает эта самая комиссия, состоящая из уставших и озабоченных какими-то своими проблемами взрослых. Не желая особо заморачиваться, они по-быстрому пропускают через малопонятные им самим тесты целую группу дрожащих от страха малышей, а затем, ничтоже сумняшеся, «одаривают» их всех убийственными диагнозами, опротестовать которые впоследствии, даже когда детдомовцы вырастут, уже невозможно!

Представьте, бедный ребенок в первый раз видит всех этих долбанных врачей и педагогов, он их знать не знает, и будучи не очень-то социализированным (в детском доме рос!), конечно же, замыкается в себе. Врачи начинают пытаться его всякими дурацкими расспросами, загадывать загадки, а он должен за 15–20 минут доказать им, что не является идиотом или умственно отсталым, даже не подозревая, что именно для постановки этих диагнозов они сюда и прибыли!

То есть, они уже изначально находятся в неравных условиях – маленький, испуганный ребенок и «убийцы в белых халатах». Вот и пойдешь в семь лет, повоюй с ними! И что самое поганое во всем этом: ни врачи, ни педагоги не несут никакой ответственности за неправильный или откровенно лживый диагноз, поставленный ими беспомощному крохе! Страшно представить, сколько человеческих жизней искалечили эти, так называемые, «кандидаты в доктора». Ведь после коррекционного интерната у детдомовца всего одна дорога – в дурдом. К нормальной жизни он уже не приспособлен.

Если у малыша есть родители, они еще могут побороться за свою кровиночку: «Что?! Это мой-то ребенок умственно отсталый?! Да пошли вы куда подальше, специалисты хреновы!». Но кто вступится за беззащитного сироту? Вот и пополняются коррекционные интернаты несчастными детишками, которые при более гуманном к ним отношении, могли бы со временем справиться со своей педагогической запущенностью (не ваша ли в том вина, взрослые?!) и учиться в обычных интернатах с нормальной школьной программой, а не талдычить алфавит до восьмого класса...

Но вернемся к более приятным вещам, тем более что речь пойдет о знаковом для нескольких поколений советских людей событии. Последнее мое лето в детском доме пришлось на время проведения знаменитой Московской Олимпиады, которая, как известно, вместе с Ласковым Мишкой (улетевшим после этого на разноцветных шариках в свой сказочный лес) осчастливила всю нашу необъятную страну!

Помню, как незадолго до этого грандиозного события меня нарядили в форму маленького моряка, состоящую из бескозырки, матроски и тельняшки – и повели фотографироваться на фоне переплетенных олимпийских колец. Это была первая в моей жизни фотография. Вторую и последнюю свою фотку в интернате я получил только спустя несколько лет. Жалко, конечно – я бы с удовольствием взглянул на себя, совсем еще крошечного шибздика-недомерка или, хотя бы, подростка. Но у меня, к сожалению, нет такой возможности.

Интересно, что инкубаторские воспитатели, желая, вероятно, уберечь своих несмышленных цыплят от неминуемой смерти, строго настрого запретили нам что-либо брать из рук иностранцев, приехавших на Олимпиаду. Особенно это касалось жевательных резинок, поскольку в них, якобы, могли быть спрятаны острые лезвия. «Начнешь жевать такой подарок – и изрежешь себе весь рот до крови!» – коварно пугали нас хитро сделанные взрослые.

Они явно издевались над нами – во-первых, мы и знать не знали, что такое жвачки, а во-вторых, ну, с какими на хрен иностранцами мы могли встретиться в семь лет, когда нас и за забор-то никогда не выпускали?! Но это я сейчас так рассуждаю, а тогда мы с очень даже большим предубеждением относились к чужеземцам. Думали: «Вот же ведь, сволочи, чего захотели – жвачками нас известить! Не выйдет! И зачем их только в Москву пригласили, если они так нагло и беззастенчиво везде гадают?!»...

В августе 1980 года нас, выпускную группу малышей, из детского дома отправляли в школу. Мне было немножечко грустно расставаться со ставшим уже родным сиротским приютом. Как-никак, пять лет жизни я провел здесь, но вместе с тем (я прекрасно это помню!) у меня было большое желание пойти учиться в школу, которое позже, странное дело, уже никогда меня не посещало.

А пока, весело толкая друг друга подаренными нам «Наборами первоклассника», – в эти небольшие коробки входило все, что только могло омрачить наше существование на ближайшее время, начиная от ученических тетрадок и заканчивая ручками, – мы забираемся в автобус, который должен увезти нас в новую, еще неизведанную жизнь. Оставшиеся ребята с завистью провожают нас. Еще бы, ведь они пока не знают, в какую страшную жопу мы едем. Мы выезжаем за ворота нашего детства. «До свидания!» – несется нам вслед.

Глава 4

*Первый раз в первый класс
Из песни «Прощание с первым классом». На слова Е. Шварца*

После двух часов езды по Москве мы с любопытством разглядываем здание нашего нового дома. Четырехэтажное, какого-то непонятного серо-поносного цвета, оно напоминает собой букву П. Если смотреть на него прямо, то с правой стороны за деревьями вам откроется Младший корпус – там учатся невинные еще дети с первого по третий класс. Левый же блок, именуемый Старшим корпусом, отдан уже подросткам и вполне сформировавшимся бандитам, которые только делают вид, что грызут гранит науки. Обо всем об этом я узнаю чуть позже, а пока нас вытряхивают из автобуса и ведут знакомиться к директору сего богоугодного заведения.

Впрочем, мы так и не успеваем дойти до его кабинета – Александр Григорьевич, как и полагается радушному хозяину, встречает нас прямо на крылечке, под расколотой надвое табличкой «Средняя общеобразовательная школа-интернат для детей, лишенных попечения родителей». Он крепко сбит, пузат и коренаст. На нем черный рабочий халат, весь заляпанный краской. «Наверное, это тот самый чудак, что покрасил стены в такой уныло говенный цвет – с досадой думаю я. – Неужели нельзя было хотя бы ради нашего приезда расстараться и выкрасить интернат какой-нибудь более светлой и радостной краской?!».

Но Александр Григорьевич перебивает мои совершенно неуместные в подобном вертепе мысли: «Так, гаврики, что приуныли? Прощайтесь со своими старыми наседками (это он так обозвал детдомовских воспитательниц) и бегите знакомиться с новыми. И чтобы я вас здесь через две минуты не видел!». Мы со всех ног бросаемся в здание, где нас уже ждут местные надзирательницы. Наша жизнь в интернате началась...

Сопровождаемые взрослыми, мы поднялись на четвертый этаж, по которому уже бегали какие-то ребята, свезенные в эту школу из множества других детских домов. Все они вскоре должны были стать моими одноклассниками. «Дети, подойдите ко мне!» – раздался повелительный голос нашей новой воспитательницы, весьма тучной, не в меру упитанной женщины, очень похожей на домработницу из популярного советского мультфильма «Малыш и Карлсон».

«Дети, меня зовут Раиса Борисовна – почти ультимативным тоном заявила нам эта Фрекен Бок. – Повторяйте за мной по слогам: Ра-и-са Бо-ри-сов-на!». Казалось, ей доставляло большое удовольствие заучивать вместе с нами свое имя и отчество. Спустя несколько минут, вполне удостоверившись в том, что мы стали скороговоркой произносить все, что от нас требовалось, дотошная воспиталка прервала тренировку нашей памяти и, изобразив на своем лице некое подобие улыбки, изрекла: «А теперь моем руки и строимся на обед».

Но, прежде чем мы попробовали интернатской баланды, Раиса Борисовна коротко и очень энергично рассказала нам о тех порядках, которые она для нас установила: «Дети, зарубите себе на носу: отныне вы всегда и везде будете ходить исключительно строем! Любые передвижения по интернату – будь то столовая, баня или медпункт – только с моего непосредственного разрешения! Баловаться и шалить я вам не позволю – имейте это ввиду! За каждое нарушение вы будете наказываться, и наказываться очень строго!».

Ее речь сразу же отбила у меня весь аппетит перед едой. «Как же так, – думал я, – воспитатели, утверждая, что мы должны вести себя хорошо, в конечном итоге, делают нам только плохо, потому что в их понимании мы должны забыть про все радости озорного детства и просто сдохнуть от тоски – что же в этом хорошего?! Эти странные взрослые почему-то считают, что если дети проводят свой день счастливо – прыгают, бегают, играют – то они тратят время

впустую и только из учебы и соблюдения режима можно извлечь хоть какую-то пользу для себя. Но ведь большей глупости и придумать нельзя!».

Но Раиса Борисовна не слышала этих моих горьких размышлений – она, еле сдерживаясь, чтобы не заругаться матом, выстраивала наш класс для похода в столовую. «Эй ты, мальчик, черт бы тебя побрал! Становись вот за этой девочкой. Ты что, идиот, русского языка не понимаешь?! Мозгой туды, говорю!» – это выражение означало у воспиталки, что каждый во время движения должен был смотреть в затылок впереди идущего и, таким образом, выдерживать общий строй. Наконец, ей удалось соорудить что-то, навроде траурной колонны – к тому времени мы уже, кажется, окончательно поняли, как нам с ней «повезло» и не обольщались насчет своего будущего. «Три четыре – на выход!» – громко рывкнула Раиса Борисовна и мы с кислыми рожами захваченных в плен солдат начали спускаться по лестнице в интернатскую столовую.

Трапезная, в которой столовались детдомовцы, представляла из себя довольно затрапезную общепитовскую столовку, отделенную от кухни длинной перегородкой с едва заметным окошком для выдачи блюд. В большом, тускло освещенном зале стояло где-то с полсотни столов, за каждым из которых, сосредоточенно орудуя ложками, разместилось по несколько воспитанников. Несмотря на такое большое количество детского народу, в столовой было на удивление тихо. Слышалось только дружное чавканье, перемежаемое звуками довольных рыганий и коротких реплик воспиталок, напоминающих ученикам: «Когда я ем, я глух и нем!».

Мы выстроились длинной очередью к раздаче и терпеливо ждали, когда, неприлично отожравшаяся на детдомовских харчах, повариха плеснет нам в тарелки немного супа. «Следующий! – кричит недовольная чем-то стряпуха, а ты уже должен занять свое место за столом и без промедления начинать уничтожать выданную тебе порцию, поскольку любая, даже не самая большая задержка, может стоять тебе целого обеда.

Где-то минут через десять Раиса Борисовна строго посмотрела на часы и зычноскомандовала: «Обед закончен. Встали и пошли!». Разумеется, ее нисколько не волновало, успел ли воспитанник «уговорить» все положенные ему блюда, или ограничился только первым, оставив на столе недоеденное второе и компот. Вот почему впоследствии я никогда не елозил в задумчивости ложкой по тарелке и не считал мух на потолке, как делали это некоторые мои одноклассники. Интернат научил меня кушать очень быстро, почти не пережевывая, иначе просто останешься голодным. Я до сих пор от этой дурацкой привычки избавиться не могу.

Мы еще поговорим об интернатской столовой и тех «деликатесах», которые детдомовцы там поглощали, а пока перенесемся обратно на наш этаж под немигающим оком грозной воспитательницы. После обеда Раиса Борисовна продолжила «учить нас жизни» и муштровала самым беззастенчивым образом. Видимо, она хотела, чтобы мы сразу и навсегда вбили в наши черепушки понятие о дисциплине. Раиса Борисовна очень любила порядок, в особенности – порядок тюремный. В ней явно умерла (хотя почему же умерла – жила и здравствовала!) безжалостная надзирательница.

Была бы ее воля, она бы с удовольствием заставила нас ходить с руками, сцепленными за спиной, как маленьких зеков, но это могло вызвать ненужные пересуды и кривотолки, а потому нам было велено всегда держать руки по швам, чтобы мы, чего доброго, не учинили с их помощью какого-нибудь безобразия. «Я должна знать и видеть каждый ваш шаг!» – страдала нас Раиса Борисовна, а я все никак не мог понять: «Ну, зачем она устанавливает такие жесткие порядки? Или забыла, что и сама когда-то была ребенком? Неужели ей не хотелось в нежном возрасте хорошенько оттопыриться и пошкодить? Хотелось, конечно! И наверняка ведь хулиганила не хуже нас. Но, со временем, превратилась в старую, разжиревшую от лени тетку, которая хочет загубить наше детство!».

Уже вечером, после ужина Раиса Борисовна все тем же неизменным строем отвела нас в спальню. Это была не очень большая по размерам комната, с окнами без занавесок, в которую

каким-то чудом втиснули штук пятнадцать заржавевших железных коек. Там же уместилось и несколько поломанных деревянных стульев, на которые мы должны были складывать свою одежду. Больше никакой мебели в спальне не было.

Раиса Борисовна указала каждому из нас, на какой кровати он будет отныне спать, пообещала оторвать ноги любому, кто только попробует до утра выйти из палаты и выключила в комнате свет. «Хорошенькое начало! – подумал я, ворочаясь под колючим одеялом, – И как меня только занесло в эту дыру?!». Спать не хотелось. Какое-то тяжелое чувство безысходной тоски накатило на меня и не давало сомкнуть глаз. Я горестно вздыхал, пытаюсь прогнать невеселые мысли.

Вдруг прямо рядом со мной раздался какой-то подозрительный скрип – я приподнялся на локтях и стал напряженно вглядываться в темноту. На соседней койке кто-то, что есть силы, мотал своей головой из стороны в сторону. Я тихо окликнул его: «Ей, парень, ты что делаешь?». Но он не слышал меня, продолжая биться во сне башкой о железные прутья кровати. Мне стало немного жутковато. «Еще психов здесь не хватало!» – подумал я и решительно дернул взбесившийся «маятник» за плечо. «А, чего?!» – вскочил он спросонья. «Ничего, – ответил я, – ты нафига дергаешь головой в разные стороны?». «Я? Я не дергаю!». «Ну, заливай мне! Как же ты не дергаешь, когда я сам это видел?». «В самом деле, видел?». «Ну, конечно! Ты только что чуть кровать не сломал!». Парень расстроено почесывал репу, не зная, что на это ответить.

Неожиданно мне пришло в голову, что я тоже могу своей бестолковой расхреначить, к чертям собачьим, железную кровать – мы же не имеем возможности контролировать себя, когда спим. Эта мысль меня чрезвычайно озадачила, и я снова обратился к своему соседу: «Слушай, тебя как зовут?» – «Сережей». – «Хорошо, ты не мог бы дождаться, пока я засну, и посмотреть, не качаюсь ли я? Если увидишь, что качаюсь – стукни чем-нибудь как следует по голове, чтобы я проснулся, ладно?». «Да-да, конечно! Ложись спать – я подежурю», – заверил меня мой новый товарищ. А я так разволновался от всего пережитого, что никак уснуть не могу. Серега напротив лежит – глаза таращит. Ждет, когда же я отрублюсь. А мне все сон нейдет. Наконец, он сам впал в дрему и снова принялся качать головой направо и налево! Я плюнул с досады и тут же забылся глубоким сном. Так закончился мой первый день в интернате.

Уже много позже, будучи взрослым, я узнал, что, когда обычному ребенку плохо или страшно, его мама берет малыша на руки, и нежно покачивает, стараясь побыстрее убаюкать. В случае же с детдомовским карапузом ничего подобного не происходит, ведь мамы у него попросту нет. И тогда он сам начинает раскачиваться из стороны в сторону, пытаюсь таким образом хоть как-то себя успокоить. Лично я не помню, чтобы я качался в кровати – наверное, подобные странности в поведении закончились у меня еще в детском доме, но некоторые сироты «грешат» этим и в более старшем возрасте.

Правда, у меня была другая, не менее скверная привычка. Я, подобно медвежонку, залегающему в зимнюю спячку, отходя ко сну, зачем-то сосал лапу. Слава богу, не чужую, а свою. Помню, засуну большой палец – не ноги, разумеется – вместе с наволочкой в рот и сосу, как соску! Видно, у меня ее рано отобрали, вот я и стал тащить в рот, что ни попадя. Чего только воспитательницы не делали, чтобы отучить меня от этого дурацкого пристрастия – и зеленкой палец мазали, и отрезать его грозились – ничего не помогало! А потом вдруг как-то само собой отпустило. Поумнел, наверное.

На следующий день выяснилось, что у нас есть еще более серьезная проблема, нежели сосунки, типа меня, или качающиеся в кроватях «маятники». Мы почувствовали ее по характерному запаху жуткой вони, доносящемуся из самого глухого угла спальни. Там, в собственной моче, уже плавал маленький зассанец Петька Рыданов. И ведь не плохой был парень: огненно-рыжий от природы, страшно застенчивый и конопатый, он был явно не из тех, кто стал бы убивать своего дедушку лопатой. Но его постоянное стремление устроить маленькое наводнение в собственной кровати надолго отравило нам всякую радость от встречи нового

дня. Попробуйте-ка получить удовольствие, когда вам каждое утро приходится вдыхать такие миазмы, будто кто-то пихает ватку с нашатырем прямо под нос!

Как только разъяренная Раиса Борисовна бедного Петьку от ссання не отваживала: и мокрыми простынями его била, и ужина перед сном лишала, и на одной клеенке без матраса спать на железной сетке оставляла! Ничего не помогало – Рыданов продолжал каждый день распространять по палате чудовищное зловоние. «Ну, что мне с тобой делать, бессовестная скотина?! Когда ты уже, наконец, утонешь в своей моче, рыжий черт?!» – в отчаянии всплескивала толстыми руками Раиса Борисовна. – В отдельную же палату тебя, засыху такую, не положишь! Да и нет у меня отдельной палаты!».

Рыданов портил матрасы и простыни с такой удивительной периодичностью, что даже у меня закралось подозрение: а не издевается ли он над всеми над нами?! «Может быть даже – думал я, – он получает удовольствие от того, что мы задыхаемся по утрам?!». Однажды я подошел к нему и как можно более доверительным тоном спросил: «Слушай, Петя, а почему бы тебе и вправду не перестать ссаться по ночам? Ведь это же так просто – прекратить гадить под себя! Ты что, не можешь сдержаться что ли?». «Не могу», – с невыразимой печалью в голосе отвечал мне Петька. – «Знаешь, сколько раз я давал себе обещание не делать этого? Пытался даже не спать по ночам. Но как только засну – мне сразу снится унитаз, да так явственно, что я не могу в него не сходить!».

«Ну, хорошо хоть не встретя!», – подумал я, отходя от Петьки и, как это обычно бывает, накаркал. На следующую же ночь Рыданов обкакался! Уж не знаю, нарочно ли он это сделал или к нему, как в том анекдоте, гномик во сне приходил со словами: «Пописал? Ну, тогда давай и покакаем!». Помню только, что проснулись мы от едкого, все выжигающего запаха – будто кто-то пустил по комнате удушливые газы! Судорожно зажав пальцами носы, мы стали выскакивать из палаты. Этот инцидент переполнил чашу терпения Раисы Борисовны – ее буквально трясло от бессильной ярости! Пообещав Рыданову разорвать его «бесстыжую сраку», она выставила кровать Петьки в коридор, и он спал там один, как изгой, на протяжении очень долгого времени...

Спустя где-то пару недель после всех этих волнительных приключений наступило 1 сентября, ради которого, собственно, нас и привезли в интернат. Надвигалась страшная в своей слепой беспощадности школьная пора. С утра мы были согнаны на торжественную линейку, посвященную этому знаменательному событию – все-таки, чего не говори, а первый раз топали в первый класс! В принципе, линейка эта ничем не отличалась от аналогичного мероприятия, проводимого в обычной школе. Ну, разве что, мы пришли на нее без взволнованных и счастливых родителей и не дарили цветов своей первой учительнице, поскольку взять их нам было неоткуда.

А так все было, наверное, как всегда и везде: стоял погожий сентябрьский денек – в глаза ярко светило подсмеивающееся над нами солнце! На душе вместо надоевших до тошноты кошек весело скреблись озорные чертенята! Под проникновенные слова очень популярной в то время песни «Школьные годы чудесные», нас в новой, с иголочки, ученической форме вывели на гаревый пятачок перед зданием интерната, где уже переминались с ноги на ногу все его триста спартанцев – простите, воспитанников. Учительницы строго поправляют, одергивают разбаловавшихся ребят, устанавливается тишина.

Вперед из группы высокопоставленных педагогов выходит директор Александр Григорьевич – на лацкане его пиджака поблескивает медаль, сообщающая всем присутствующим, что ее обладатель является заслуженным учителем школы. Он произносит краткую приветственную речь, звучат хлипкие, еле слышные аплодисменты. За ним в строгой последовательности выступают завуч и перзам по воспитательной работе. Они вдохновенно выкрикивают в пустоту целый перечень каких-то совершенно бессмысленных для детдомовцев утверждений о пользе учебы. Затем слово предоставляется кому-то еще – все, официальная часть закончена.

Наша учительница Елена Николаевна (подробный разговор о ней еще впереди) подталкивает нас, малышей-первоклассников, к микрофону. Мы, путаясь от волнения, сбивчиво произносим некие приличествующие столь пафосному моменту стихи, которые перед этим знаменательным днем она с завидным упорством вбивала в наши головы. От такого нескладного выступления ее всю аж перекосило! Но праздник продолжается.

К нашему 1 А классу подходит здоровенный десятиклассник – после недолгого осмотра он выбирает самую легкую на вид девочку и, протянув ей колокольчик с большим красным бантом, сажает первоклашку на плечи. И тут торжественную тишину линейки вместо радостного звона колокольчика нарушает жалобный сдавленный писк – это девочка, не удержавшись на спине плохо державшего ее старшеклассника, упала и воткнулась головой прямо в землю!

Все произошло так быстро, что на несколько секунд все опешили, а потом бросились помогать несчастной крохе. «Ах ты, кретин проклятый!» – кричали воспитательницы сразу как будто скукожившемуся в размерах и совершенно потерявшемуся десятикласснику. – Ты что, ребенка поднять не можешь, дурья твоя башка?!». Разъяренных училок словно подменили – еще минуту назад они стояли с фальшивыми улыбками на своих лицемерных рожах, а сейчас были готовы растерзать человека за то, что он оказался таким неуклюжим.

Одним словом, 1 сентября было безнадежно испорчено! Если бы я был постарше, то уж наверняка бы решил, что это плохой знак на будущее, но в детстве мне еще не приходило в голову связывать все эти вещи воедино. Так или иначе, меня все равно переполняла вполне законная гордость – ведь по всем выкладкам выходило, что теперь я не просто какой-то малолетний хмырь, а самый, что ни на есть, настоящий первоклассник. «Вот, – думал я, – когда-нибудь мне тоже посчастливится стать десятиклассником, и однажды таким же погожим сентябрьским деньком я посажу себе на плечи первоклашку, которая будет залихватски трезвонить в школьный колокольчик – и уж, конечно, ее не уроню!».

Глава 5

*«Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь»
Из песни «Учат в школе», на слова Михаила Пляцковского*

Уважаемые читатели, прежде чем я продолжу свое повествование, считаю своим долгом предупредить вас, что дальше мне придется иногда – не часто, а лишь по мере необходимости, – использовать обесцененную лексику, без которой представить нашу жизнь в интернате, а уж тем более описать ее, совершенно невозможно! Я и так до этой страницы изо всех сил сдерживался, стараясь не использовать матерные слова и выражения, но дальше это было бы уже противоестественным надругательством над всяким здравым смыслом.

Тем более, что мы уже в первом классе матюгались так, что даже бывалые грузчики-алкаши, разгружавшие подгнившие продукты на детдомовской кухне, отходили нервно покурить в сторонку. Хорошего в этом, разумеется, мало, но и правду скрывать тоже негоже! Честно говоря, в интернате мы только матом и разговаривали, но жалея ваши глаза и уши, я постараюсь свести его употребление в книге к минимуму.

А начну я материться здесь прямо с моей фамилии. Дело в том, что звучит и пишется она так: Сукаченко. Как, я вам еще ничего про это не рассказывал?! Ну, тогда слушайте. Да, меня зовут Олег Сукаченко. Эта фамилия досталась мне от матери, поскольку отца-подлеца, как вы уже знаете, сдуло ветром, когда мне не было еще и одного дня. Кому-то может показаться, что фамилия моя лишена благозвучия и режет ухо, но поспешу вас успокоить – ничего предосудительного в ней нет.

Сразу замечу, что корень фамилии Сукач, без стандартного для всех украинцев окончания – енко, указывает либо на род профессиональной деятельности моего далекого предка, либо же характеризует некую его человеческую особенность. Слово «сукачить» когда-то означало «скручивать, сучить» или, другими словами говоря, «вить нить». Многие славянские фамилии, кстати, были образованы именно по ремесленному признаку. А второе значение, которое мне особенно по душе – «сукать, шукать», то бишь – «искать и всегда чего-то доискиваться». Например, правды.

Как видите, в фамилии Сукаченко нет ничего низменного и матерного – напротив, много почетного и даже возвышенного, но кто же об этом знал в советском детском доме? Помню, как однажды ко мне подошел зам директора по воспитательной части и заговорщически так подмигнув, говорит: «Слушай, Олег, а чего у тебя фамилия такая неблагозвучная? Давай мы ее поменяем?». «То есть, как это поменяем?!» – я даже присвистнул от удивления. Увидев мое вытянувшееся лицо, он рассмеялся: «Не пугайся, только одну букву. Будешь у нас не Сукаченко, а Сухаченко. Идет?».

«Идиот! – подумал я, – Тебе бы что-нибудь поменять в твоей пустой тыкве!», – а сам ему вслух отвечаю: «Неа, мне моя фамилия очень нравится! Хлесткая, звучная – запоминается легко! Вот у вас, Сергей Андреевич, какая фамилия? Герасимов? Не сразу и упомнишь. А мою, согласитесь, хрен забудешь!». «Это уж точно» – сказал несколько обескураженный воспитатель и ретировался прочь.

Впоследствии, я даже бравировал своей фамилией. Мне нравилось в каком-нибудь бюрократическом учреждении произнести ее по слогам, когда меня просили, скажем, представиться. Выглядело это приблизительно так: «Молодой человек, назовите, пожалуйста, вашу фамилию». «Извольте, сударыня – Сука —» – здесь я делал небольшую паузу... Девушка скидывала на меня испуганные глаза: «Что вы себе позволяете?! Кто вам дал право ругаться матом в публичном месте?!». Я снисходительно кивал головой: «Записывайте дальше, – ченко. Полностью она звучит так: Сукаченко». Девушка сразу начинала густо краснеть и улыбаться,

искренне радуясь тому, что я все-таки не какой-нибудь уркаган – просто у меня фамилия такая, хулиганская.

Кстати, у нас часто в интернате клички давались именно по фамилиям, которые для удобства обращения с легкостью сокращались до нескольких букв. Мою тоже пытались обрезать, оставив лишь матерный огрызок, но я разбил пару ухмыляющихся рож своих, в конец оборзевших, одноклассников, и они тут же поспешили придумать мне новую кличку – «Головастый». С ней я и прошел через всю свою долгую жизнь в интернате.

Между прочим, схитрили, мерзавцы! Мне всегда казалось, что столь лестное прозвище я получил от ума, которого у меня и в самом деле – палата. А недавно выяснилось, что Головастым меня назвали из-за размеров моей головы – она почему-то была больше, чем у других детей. Что же касается близких друзей, то они, обращаясь ко мне, использовали уменьшительно-ласкательное слово – Головастик. Я откликался и на то, и на другое имя.

Но вернемся, пожалуй, за школьную парту, тем более что 1 сентября был запущен процесс нашего мучения (простите – обучения) в интернате. Учительницей нам поставили какую-то старую, обиженную на жизнь клячу, по имени Елена Николаевна. И те люди, которые утверждали ее на этой должности, на мой взгляд, чрезвычайно сильно ошиблись. Поскольку никакой преподавательницей она, конечно же, не была, и быть ею не могла по причине своей вопиющей профнепригодности. Вы, наверное, удивлены, что я так нелестно охарактеризовал свою первую учительницу, но уверяю вас: после всего того, что она с нами сделала, эта характеристика не является слишком избыточной.

Елена Николаевна категорически, просто до колик в животе не любила детей, и ее работа в интернате доставляла ей невыразимые страдания, большую часть из которых она мечтала переложить на наши, хрупкие еще тогда, плечи. Необходимость (закрепленная, кстати, должностными обязанностями) сеять в детдомовских головах хоть что-то «разумное, доброе, вечное» приводила ее в трепетный ужас. Она так и говорила иногда: «Ну, разве этим маленьким сволочам что-нибудь объяснишь?! Нет, это не работа, а какое-то сплошное хождение по мукам!». Странно, как она вообще с таким настроением собиралась что-то преподавать? Ведь никогда не прорастает то, что не посеяно...

На первом же уроке Елена Николаевна заставила нас обертывать учебники, по которым мы должны были в дальнейшем учиться, плотной серой бумагой, чтобы скрыть их обгрызенные со всех сторон обложки. По всей видимости, наши ипанутые на всю голову предшественники вместо гранита науки зачем-то грызли эти ни в чем не повинные книги! На них, и вправду, страшно было смотреть: растрепанные в хлам, черт те чем изрисованные, они являлись прекрасным пособием по изучению русского мата. Во всяком случае, первые матерные слова я прочитал именно на этих, много чего повидавших за свою жизнь, обложках.

Что же касается другой школьной амуниции, то портфелей или ранцев например, у нас не было – их попросту некуда было носить. Чтобы дойти из спальни до класса, нам нужно было пройти по коридору каких-то двадцать метров. Все необходимые для школы принадлежности, как то: ручки, тетрадки и учебники, уже дожидались нас там. Так что за девочками мы портфелей не таскали, что являлось большим упущением нашего детства. Но понял я это значительно позже.

Там же в классе мы надевали и школьную форму, которая хранилась в достаточно вместительных стальных шкафах. По окончании уроков все должны были, не мешкая, переодеться в повседневную одежду, чтобы, не дай бог, не запаковать свои ученические платица и костюмчики. У нас также, в отличие от обычных школьников, не было дневников, потому что их некому было смотреть. Родителей, понятное дело, в школу тоже никто не вызывал. Все оценки выставлялись в классном журнале, который училка всегда носила с собой.

Хорошо помню первый свой урок в школе, на котором нас знакомили с буквами русского алфавита. Не обращая внимания на завывания учительницы с мелом у доски, я, пододвинув к

себе тетрадь и высунув язык от усердия, начертил на ее обложке: «Тетрадь по русскому языку ученика первого «А» класса Олега Сукаченко».

Елена Николаевна, узрев мои художества, была потрясена: «Ты что, уже писать умеешь?!». «А то, как же! – с гордостью ответил я, – Меня еще в пять лет научили!». «И читаешь, наверное, тоже?». «Конечно! Как бы я научился писать, не читая?» – продолжал я немного смущенно удивлять учительницу. «Ну-ка, прочитай вот этот текст» – Елена Николаевна поспешно раскрыла передо мной Букварь и ткнула пальцем в первую попавшуюся страницу. «Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду я!» – быстро и уверенно выпалил я.

На следующий день Елена Николаевна специально притащила из дома секундомер, чтобы замерить скорость моего чтения. Вышло ровно 120 слов в минуту. Учительница никак не ожидала от меня такой гадости! Это означало, что пока все остальные первоклашки будут ползать пальцами по страницам учебников, пытаюсь выговорить ненавистные им буквы, я буду ковыряться пальцем в носу от безделья.

Тем не менее, на первых порах, когда Елене Николаевне нужно было зачем-то выйти из класса, она вызывала меня к доске, чтобы я в ее отсутствии объяснял своим неразумным одноклассникам, как нужно складывать слоги в слова, а слова в предложения. Так ей, по крайней мере, хотелось. Я же, как только училка скрывалась за дверью, позволял ребятам делать все, что им заблагорассудится.

Спустя какое-то недолгое время нас всем скопом приняли в октябрята, и на наших школьных формах появились красные пятиконечные звездочки с изображением маленького, еще кудрявого Вовочки Ленина, подозрительно смахивающего на ангелочка. (Кто бы мог подумать, что, повзрослев, Владимир Ульянов так ополчится на церковь и все, что с нею связано?). Отныне все мы стали считаться «внучатами Ильича». Понятно, что под эту сурдинку нас нагрузили дополнительными обязанностями, не предоставив, как водится, никаких прав.

Теперь мы должны были отлично учиться, быть прилежными, любить труд, слушаться учителей и понимать уже, наконец, несмотря на все свое разгильдяйство, «что такое хорошо, и что такое плохо». В силу малолетнего возраста я никак не мог отвертеться от посвящения в октябрята, но вот чтобы загнать меня в пионеры, взрослым пришлось изрядно потрудиться. Впрочем, до этого еще надо было дожить...

Разумеется, в начальной школе и речи быть не могло о том, чтобы мы самостоятельно выходили куда-то за территорию интерната. За это можно было получить по самое «не балуйся!». Но однажды, в нарушение всех строжайших запретов, я выскользнул за ворота, и чуть было не поплатился за это. Первый же мой выход на улицу вполне мог стать для меня и последним!

Все дело в том, что я слишком буквально воспринял слова нашей училки Елены Николаевны о правилах дорожного движения для пешеходов. Она втемяшивала нам, что, переходя дорогу надо сначала посмотреть налево, а потом, дойдя до ее середины – направо. Но забыла сообщить, что это правило действует только для шоссе с двусторонним движением, в то время как рядом со школой пролегал односторонняя дорога.

В общем, свято убежденный, что действую в точном соответствии с постигнутой мною премудростью, я глянул сначала в одну сторону, затем, важно достигнув середины дороги, повернулся, как учили, в противоположную... И вдруг внезапно увидел летящую прямо на меня машину с красной лентой на капоте, после чего раздался резкий визг тормозов!..

Про такие случаи обычно пишут: «И тут вся моя жизнь, словно в замедленной съемке, промелькнула перед глазами». Врать не буду – ничего подобного мне не припоминается. Я даже испугаться, толком, не успел. Если что-то и мелькнуло перед глазами – то лишь охреневшее от страха лицо водителя, не ожидавшего такого жесткого пердимонюкля! Но его тоже понять

можно. Резко свернув в сторону, он впечатался прямо в забор нашей школы и снес одну из бетонных плит!

Слава богу, скорость автомобиля была не очень велика, потому что уже через несколько секунд шофер со страшными ругательствами выскочил из машины и отвесил мне такого пенделя, что я улетел прочь с дороги. Потом, конечно, потащил меня в школу, разбираться. «Вы почему не сказали этому маленькому дебилу, что нельзя переходить дорогу в неположенном месте?!» – бушевал он в директорском кабинете.

Я же озадаченно чесал свою бестолковку и думал про себя: «Да, нехорошо как-то все получилось. Это же надо было умудриться попасть под колеса «Скорой помощи»! И смех, и грех какой-то! А все-таки круто, что у меня на голове две макушки – говорят, что их обладатель является настоящим счастливчиком. Вот и водитель утверждает, что мне, дуралею, сказочно повезло! Ну, разве можно ему не верить?».

О боге я тогда еще, кстати, совершенно не задумывался. В советском детском доме, понятное дело, на эту запрещенную тему никогда не говорили, но однажды где-то услышав о нем, я почему-то сразу же уверовал, что бог – есть, и он меня никогда своей милостью не оставит. Всевышний представлялся мне таким маленьким старичком боровичком, виденным мною когда-то в телевизионной сказке и, конечно же, он был очень добрым ко всем. Но поскольку никаких молитв я тогда еще не знал, то не о чем его и не просил. Мне было достаточно верить, что бог помнит обо мне и всячески оберегает.

Глава 6

Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!
Из кинофильма «Джентльмены удачи»

Как строился наш распорядок дня в интернате? Вставали мы, как правило, по зычному воплю ночного воспитателя: «Подъем!», в семь часов утра. Прямо в трусах выбегали из палаты в просторный коридор, называемый на старый манер рекреацией, где нас уже ожидала учительница Елена Николаевна. Она делала с нами небольшую, минут на десять зарядку. Ну, знаете, наклоны там всякие, вперед-назад, вправо-влево, вращательные движения руками и ногами, приседания. Я настолько проникся этими простыми упражнениями, что до сих пор – сколько лет прошло – вспоминаю их укрепляющее действие, лежа на диване.

После зарядки мы всей шумной, веселой гурьбой, расталкивая друг друга, неслись в туалет, умываться и обливаться холодной водой по пояс – это было обязательное условие, продиктованное нам воспитателями (хоть за что-то можно сказать им спасибо – закаливание очень пошло мне на пользу!). С водными процедурами желательно было не мешкать, потому что последний подбежавший к раковине первоклашка был обязан убрать всю, налитую двадцатью маленькими опездолами, воду.

Затем мы быстро заправляли кровати, одевались и шли строем завтракать. Я уже рассказывал про интернатскую столовую – наше любимое место силы, где мы насыщались своей разрушительной детской энергией. Пришло время добавить еще несколько важных замечаний. «Кушать подано – садитесь жрать, пожалуйста!» – говорила нам Елена Николаевна и мы, сгорая от нетерпения, принимались уминать нехитрые общепитовские блюда.

На завтрак нам обычно давали манную кашу с чудовищными комками – видимо, интернатские поварахи сильно ленились мешать ее во время варки. Мы называли эту кашу космической, потому что при попытке перевернуть тарелку, она ни на йоту не выливалась и вполне могла съедаться космонавтами на орбите. Иногда манку заменяли перловкой, которую я, честно говоря, недолюбливал за ее весьма специфический вкус. Вместе с кашей на раздаче также выдавали маленький квадратный кусочек сливочного масла, который ее совершенно не портил. Его также можно было намазать на хлеб, по желанию. Все это роскошество венчалось стаканом еле подслащенного чая, больше похожего с виду на ослиную мочу (еще бы знать, как она выглядит!).

Наш среднестатистический обед состоял из самых простых и обычных щей («где щи, там и нас ищи!» – любили шутить по этому поводу воспитательницы), сменяемых время от времени гороховым супом, про который шуток было еще больше – не к столу будет сказано. Затем шло традиционное картофельное пюре с рыбной котлетой или сосисками, и компот, сваренный из сухофруктов.

На ужин нас потчевали какой-нибудь гречкой, либо же макаронами с мясной подливкой и стаканом все того же бледного от огорчения чая, недопитого кем-то еще со вчерашнего дня. Ко всей этой еде, разумеется, полагался хлеб, который «всему голова». Его можно было взять со специального подноса, заваленного нарезанными в хлебобрезке кусками. Мы любили порыться в этих залежах хлеба, выискивая свои любимые горбушки – наше самое желанное лакомство! Но уронить хлеб на пол считалось великим святотатством – за это можно было легко схлопотать по лицу. «Его же для тебя хлебобобы растили, а ты, гандон штопанный, им почему-то разбрасываешься!» – вопили в таких случаях работницы столовой.

По очень большим праздникам, типа Нового Года, повара баловали нас жареной картошкой, которая считалась невероятным деликатесом – о ней потом разговоров было на несколько месяцев вперед! Кто-то, возможно, спросит: а почему столь банальное блюдо перепадало нам

так редко? А вы попробуйте нажарить картошку на триста человек – замучаетесь стругать ее и переворачивать потом на сковородках!

Подавалась сиротская жратва на дешевых казенных тарелках с надписью «Общепит». И чай, и компот мы пили из вечно невымытых граненных стаканов, наподобие тех, что до сих пор ставятся в поездах дальнего следования в подстаканники. Ножи у нас, конечно же, отсутствовали подальше от греха (страшный сон воспиталок – триста ебанутих детдомовцев, вооруженных ножами!). Да и нечего было особо резать, разве что котлету какую-нибудь или сосиску, но с этим отлично справлялась и ложка.

Как видите, питались мы прекрасно, чуть ли не на зависть самим себе, но справедливости ради нужно отметить, что в целом – никто не голодал! На раздаче (так называлось специальное окошко, через которое из кухни в столовую подавалась еда) всегда можно было получить добавку супа или каши. Ну, либо увесистым половником по голове.

Что же касается меня, то я с огромным аппетитом пожирал почти все, что предлагалось интернатскими поварами, не разбирая особо вкуса и запаха. Главное, чтобы это были не гвозди, а все остальное мой молодой желудок легко мог переварить. Воспиталка постоянно возмущалась: «Сукаченко, тебя легче пристрелить, чем накормить!», и смотрела на меня осуждающим взглядом, но я только беззлобно посмеивался ей в ответ.

Мне не в падлу было слопать все, от чего отказывались мои более привередливые одноклассники: и варенный лук, и молочные пенки, и куриную кожицу. Я поедал даже холодную творожную запеканку и соленые зеленые помидоры, хотя ничего более отвратительного и придумать было нельзя! Опасался я только одного – как бы меня за плохое поведение не оставили без еды.

Была у наших воспитателей такая страстишка – чуть что не так, сразу же лишать ребенка возможности набить свой желудок. А поскольку все мы были далеко не паиньки, то и жирных ребят среди нас по определению не водилось – им просто неоткуда было взяться. Да и не прижился бы такой толстячок в детдоме – его бы сразу всей толпой зачморили.

Но продолжим обозревать наш распорядок дня в интернате. После завтрака мы шли прямиком в класс, переодевались там в школьную форму и садились за парты. Уроков в начальной школе у нас было не так много и поэтому где-то в районе 13:00, по-быстрому отмучившись, мы уже топали на обед, за которым следовал так называемый «тихий час».

В это время нас загоняли в палату и заставляли замирать в своих кроватях без всяких признаков жизни. Елена Николаевна так и говорила нам: «Умрите!». И мы должны были на целый час забыть про какой-либо несанкционированный шум или движение. Я терпеть не мог этот навязываемый нам «послеобеденный сон», поскольку спать мне днем никогда не хотелось. И тогда, будучи ограниченным в движении, я давал волю своему буйному воображению!

Все дело в том, что в Младшем корпусе у детей по чьей-то странной прихоти совершенно не было игрушек! Во всяком случае, я ни разу не видел, чтобы кто-то из маленьких детдомовцев с ними возился. Даже девочки были лишены возможности наряжать своих традиционных кукол. Скорее всего, игрушки были просто запрещены в интернате. А играть-то тянуло! Вот я и приспособил казенное полотенце под это увлекательное занятие.

Понадергав из него красных и синих ниток, я скатывал их в шарики и раскладывал на белой простыне – они изображали у меня солдат неприятельских армий. За тот час, что мы должны были провести в своих кроватях, я с помощью ниток из полотенца разыгрывал целые сражения! И никакая, даже самая навороченная современная игрушка не смогла бы по своей привлекательности сравниться для меня с теми разноцветными шариками на детдомовской простыне...

Вообще обилие игрушек – это не всегда хорошо, ибо зачастую мешает развитию воображения у ребенка. Он просто не в состоянии удержать свое внимание на чем-то одном и хватается за все сразу. В то время, как отсутствие тех же кукол или солдатиков (к чему я отнюдь не

призываю) заставляет его задействовать всю свою творческую фантазию и позволяет оживлять с помощью силы мысли любой неодушевленный предмет.

Однажды моя хорошая знакомая рассказала мне такую примечательную историю: в детстве ей очень хотелось иметь собаку. Она буквально грезилась маленьким щеночком! Но родители были категорически против какого бы то ни было животного в доме. И тогда маленькая девочка привязала палку на веревку и принялась каждый день выходить с ней на прогулку по двору, воображая, будто это ее любимый четвероногий друг! Можете представить себе округлившиеся глаза родителей этой девочки, когда она брала свою странную конструкцию и шла выгуливать ее на улицу! К сожалению, собаку девочке потрясенные родители так и не купили. Возможно, они посчитали, что хватит с нее и палки на веревочке.

После «тихого часа» учительницу Елену Николаевну сменяла уже известная вам воспитательница Раиса Борисовна, в обязанности которой, помимо всего прочего, входила организация «самоподготовки» – это то, что в обычной школе называется «заданием на дом» или «домашней работой». Проходила она в том же самом классе, где мы учились и с утра – благо, расположен он был рядом с нашей спальней. Помню, как во время одной из таких самоподготовок случился неприятный казус, по поводу которого мы все довольно долго переживали.

Как обычно, Раиса Борисовна зажала нас в такие дисциплинарные клещи, что ни вздохнуть, ни пернуть нормально было невозможно! Во время выполнения школьных заданий она требовала от нас полнейшей тишины и абсолютной концентрации на подготовке к урокам. Ни о какой увлекательной ловле мух или безобидном ковырянии в носу не могло быть и речи! И вдруг посередь всего этого педагогического благолепия Димка Жаров, щупленький темноволосый парнишка, сидящий за соседней партой, начинает проситься у воспитательницы в туалет.

Можно вообразить себе жуткое возмущение Раисы Борисовны, для которой строгий и неукоснительный порядок был превыше всего. «Я же всех предупреждала, что до 17:00 никто из класса не выйдет! Почему ты не поссал, когда это можно было сделать?!». «Я, я» – что-то тихо лепечет ей Димка. «Головка от хуя!» – взрывается Раиса Борисовна – «Никуда ты, дряннь малолетняя, не пойдешь! Сиди и терпи!». Сидит мальчишка, тужится, весь покраснел от напряжения. Из всех сил старается не опозориться перед одноклассниками. Но много ли так высидишь? В общем, финал ясен – через несколько минут под Митькой образовывается приличная лужа, у всех на глазах!

На Раису Борисовну в этот момент страшно смотреть – она буквально взвизгивает до потолка: «Ах ты, гаденыш, чего удумал! Ссаться в школьном классе! Ну, я тебе шас покажу, где раки зимуют!». Она хватается Димку за волосы и начинает срывать с него одежду. Тот ревет буквально в три ручья и слабо пытается закрыться от нее руками, но жестокая воспиталка неумолима: «Руки по швам, я сказала! Разделся до гола и встал к доске! Живо!». Димка покорно стягивает с себя трусы и стыдливо корячится у доски, вытирая слезы. Так и стоит он до конца самоподготовки, не смея прикрыться руками. Девчонки, глядя на все это безобразие – хихикают, закрыли глаза ладошками, сквозь пальцы смотрят. Раиса Борисовна довольна – «воспитывает»...

По окончании самоподготовки, в качестве поощрения, нам обычно позволялось немного погулять на улице – этаким бонусом за невольное прилежание в учебе. Выстроив нас, в ставшую уже обязательной для всех перемещений по интернату, колонну под говорящим названием «Мозгой туды!», Раиса Борисовна вела всех в подвальное помещение Младшего корпуса, где за каждым классом была закреплена своя раздевалка. В этой тесной конуре прямо на полу (крючков не хватало), были навалены наши совершенно одинаковые курточки вперемешку с ничем не отличимыми друг от друга калошами. Не без труда облачившись во все эти казенные вещи, мы спешили порезвиться на улицу.

Но даже там Раиса Борисовна, разрази ее гром, не собиралась ослаблять свою железную хватку. Шуметь и баловаться, как вы помните, у нее было нельзя. Причем правило это распро-

странялось не только на поведение детей в интернате, но и вне его. Поэтому наши прогулки в небольшом, огороженном сеткой, загончике, больше напоминали броуновское движение зеков по тюремному дворику. Ну, разве что мы руки за спиной не держали.

Часто случалось, что за пререкания с окончательно спятлившей воспитательницей меня лишали возможности подышать свежим воздухом, и тогда я «гулял» один, сидя у окна. Помню, какие дивные картинки открывались мне за стеклом (запретный плод, он ведь всегда сладок!). Я смотрел их, как кадры волшебного диафильма, и не мог наглядеться, поскольку они всегда были разными.

Вот сокрушенно качаются под порывами ветра, тяжело и натужно вздыхая листвой от нестерпимости своего положения, высаженные на школьном дворе деревья. Им, может быть, и хотелось бы вольготно пробежаться по траве, размять свои одеревеневшие члены, но они вынуждены всю жизнь стоять, как истуканы, на одном пяточке, не в силах сойти с места.

А вот прямо под моим окном крадется куда-то по своим делам известная всему детскому дому кошка, по имени «Побирушка». Это облезлое создание живет где-то в подвале, и мы постоянно подкармливаем ее всякими вкусностями, украденными нами из столовой. Честно признаться, нам очень жалко «Побирушку», потому что она такая же бесприютная и неприкаянная, как мы.

Иногда на улице становилось пасмурно, и дождик бил крупными каплями по моему окну, и в этот момент мне казалось, что это он так плачет из-за невозможности как следует намочить меня. А порой внезапно выглянувшее из-за туч солнце своими теплыми, проникающими через стекло прямо в сердце, лучами, пыталось придать мне бодрости – дескать, не расстраивайся, Головастик, мы еще зажжем с тобой, как следует! И я, благодаря этой поддержке доброжелательного светила как-то спокойнее и даже радостнее переживал допущенную по отношению ко мне несправедливость. Помните, как у Достоевского хорошо было сказано: «Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека»...

Глава 7

Чистота – залог здоровья *Поговорка*

Время от времени, а точнее, по мере отрастания у нас волос, к нам приводили какого-то странного чудака с машинкой, который называл себя парикмахером. При этом стрижка у него для детдомовцев всегда была одной и той же – под ноль, то бишь наголо. Дело в том, что парикмахерскую моду в нашем классе определяла все та же неутомимая Раиса Борисовна, которая ни о каких других прическах и думать не хотела.

Очень редко, в самых исключительных случаях она позволяла некоторым, особенно отличившимся жополизам, оставлять еще и маленькие, аккуратно выстриженные чубчики, но выглядело это ненамного лучше, чем бритая голова. У меня чубчика никогда не было, я слишком плохо вел себя для этого знака отличия. Поэтому все три первых года в интернате проходил лысым.

Как осуществлялась стрижка? Обычно тебя сажали на стул, стоящий посередине рекреации, при этом за спиной весело шушукались и угорали одноклассники, с радостью наблюдая, как твою, и без того не очень красивую головешку, уродует парикмахер. Каким-то удивительным образом они забывали, что через пару часов сами все будут выглядеть точно также! Цирюльник надевал на тебя простыню, туго, почти до высунутого языка затягивал ее на горле, и принимался тупой машинкой выдергивать твои волосы. Обчекрыжив, таким образом, всех мальчиков, парикмахер переключался на девочек. И вот тут-то начиналось самое интересное!

Прежде чем приступить к стрижке, наших малолетних товарок по несчастью проверяли на вшивость. Помню, с каким непередаваемым ужасом на лицах они застывали, пока Раиса Борисовна, как большая злобная обезьяна, рылась в их волосах в поисках насекомых. Бедные девчонки разве что в обморок не падали, и пребывали в страшном напряжении, потому что никогда не знали, чем закончится для них эта унижительная процедура. Прослыть «гнидастой» или «вшивой» считалось для девочки несмываемым позором!

Если голова ее оказывалась чистой, воспитательница так и сообщала: «Эта прошмандовка чистая». В таком случае девочке полагалась самая простенькая и непрезентабельная стрижка, типа «Я у мамы – дурочка». И лишь одной Насе Примаковой, имевшей роскошные рыжие волосы, доходившие ей почти до попы, позволялось сохранять их без всякого постороннего вмешательства.

Что же касается тех горемычных одноклассниц, у которых находили паразитов, то мстя Раисы Борисовны им была страшна! Она нещадно заливала их головы керосином и запрещала девочкам смывать его, пока волосы не начинали сами лезть из головы вместе с перепуганными вшами. Девочки плакали от невыносимого жжения, умоляли прекратить жестокую экзекуцию, но злая воспиталка бранилась еще пуще прежнего: «Кретинки, млять! Сами виноваты, что запустили к себе эту живность! Я же вам говорила, пеняйте только на себя!».

Впрочем, не обходилось и без смешных моментов. Помню, как-то Раиса Борисовна повела к цирюльнику двух девочек, одну из которых, в отместку за ее неважную учебу, попросила подстричь под нулевку, а вторую, лучшую в классе ученицу, декламировавшую стихи на всех конкурсах художественной самодеятельности – как можно более привлекательно! Ну, и этот идиот парикмахер, разумеется, все перепутал, страшно обкорнав обалдевшую от такой прически отличницу, и красиво уложив волосы не менее удивленной двоечнице. Раиса Борисовна визжала так, будто это ее наголо побрили!

Раз в неделю нас всех водили в баню (кто о чем, а вшивый о ней, о любимой!). Чтобы дойти до помывочной, нам нужно было под конвоем воспитательницы совершить целое путе-

шествие в Старший корпус. Это было единственное мероприятие, которое хоть как-то связывало нас со всем остальным интернатом. До четвертого класса мы жили совершенно уединенно в своем маленьком и относительно безопасном мире.

Придя на место, мы раздевались в т. н. предбаннике и скидывали свои трусы и майки на специально разложенное на полу покрывало – все это белье вскоре отправлялось в стирку, чтобы в следующий раз быть выданным нам уже в более-менее постиранном виде. Никаких личных трусов и маек в интернате не полагалось – за несколько месяцев жизни в нем ты мог переносить белье всех своих одноклассников, пока оно не начинало зиять дырками. В таком случае кастиляншей нехотя признавалось, что данные трусы стали окончательно непригодны к носке и пришло время их заменить. При этом она еще долго сокрушалась, недовольно качая головой: «И как им только удастся пропердеть это белье так быстро?!».

Вообще понятие «мое», как таковое, в интернате отсутствовало. Все выдавалось только на время и могло быть в любой момент изъято. Раиса Борисовна нам так и говорила всегда: «Запомните, сволочи, у вас нет ничего своего! Здесь все государственное, казенное от тарелки и ложки до ваших вонючих носков!». И она не обманывала – решительно на каждой вещи, которую мы встречали в детском доме, будь то простыня или учебник, стояла печать школы-интерната. А это означало, что ничего тебе здесь по определению не принадлежит. Вот почему детдомовцам в принципе чужды идеи эгоизма и вещизма. Ну, по крайней мере – мне.

Кстати, по этой же причине я не помню и какой-либо зависти среди сирот. Одевались мы все государством абсолютно одинаково (вероятно, для того чтобы никому не было обидно). Никаких дорогих и красивых вещей, выделяющих кого-то из общей массы, у детдомовцев отродясь не было. Мамы и папы у всех такие, что ими особо-то и не похвастаешься (хоть некоторые и пытались, о чем чуть ниже). Так что почвы для зависти у нас не было никакой.

Но вернемся в интернатскую помывочную. Собственно, баней ее называли только для солидности – на самом деле это была обычная душевая комната с довольно вместительным предбанником, чтобы там одновременно могли разоблачиться человек пятнадцать-двадцать народу, и длинным рядом заржавевших кранов, под которыми мы и намывали свои тщедушные тельца.

Помогала нам в этом старая уборщица баба Люся, которую специально отрядили для такой неблагодарной работы, чтобы мы, «маленькие долбоебы», чего доброго, не утопили друг друга ненароком. Известна она была тем, что постоянно на нас материлась, дымила вонючей папиросиной, сплевывала сквозь зубы и всегда была готова шандарахнуть кого-нибудь из ребят грязной тряпкой по спине.

Но все это были цветочки по сравнению с тем, что она вытворяла с нами в бане. Для этой прирожденной садистки что полы скрести, что ребенка – все было едино! Ее грубые, железные ручищи, привыкшие к тяжелому труду, не давали детям никаких поблажек. Старая карга терла и скребла нас мочалкой с такой исступленной свирепостью, что казалось, сотрет кожу до кровавых пузырей!

Мы орали в этой бане, как резанные, и если бы кому-то вздумалось в те моменты пройти мимо дверей, то он бы подумал, что нас там не моют, а убивают! Кажется, именно благодаря бабе Люсе мы окончательно закрепили в своих головах все свои обширные познания нецензурной лексики. А вы попробуйте не заорать матом, когда вас после долгого и мучительного скобления еще и ошпаривают кипятком напоследок!

Скорее всего, столь варварским и беспощадным образом баба Люся мстила в нашем лице всем детдомовским мальчишкам, которых небеспричинно подозревала в страшном грехе – неуважении труда уборщиц. Мы и в самом деле не были чистоплюями – легко могли бросить бумажку в неположенном месте и в целом, конечно, добавляли бабе Люсе кучу лишней работы, за что и были безжалостно наказуемы «мойдодырихой» в бане.

Заканчивая свой рассказ про распорядок нашей жизни в интернате, замечу, что ближе к вечеру Раиса Борисовна, предвкушая долгожданное окончание рабочего дня, приходила в некое благостное расположение духа и допускала определенные послабления в режимных моментах. Так, например, мы уже не должны были возвращаться ненавистным строем из столовой на свой этаж, поскольку нам милостиво позволялось затащить на него «свою любимую воспитательницу». Раиса Борисовна называла сие действие «Покатушки на лошадаках».

Делалось это так: весь класс подходил к лестнице и по команде воспитательницы останавливался перед ней. После обильного ужина эта преграда казалась Раисе Борисовне непреодолимой. Из строя для срочной транспортировки вышеуказанного груза в приказном порядке вызывалось несколько слабосильных первоклашек. Кто-то из нас упирался в Раису Борисовну сзади, кто-то подхватывал ее за руки спереди и вот так, совместными усилиями, мы затащивали эту свинью на четвертый этаж. При этом Раиса Борисовна, добрая душа, не забывала нас подбадривать: «Но-но, мои лошадаки!». Она буквально блаженствовала, когда ее тащили по лестнице и с противной ее жирной морды не сходила довольная улыбка.

Уже после отбоя, лежа с открытыми глазами в темноте и наблюдая на потолке спальни причудливую игру света от автомобильных фар, проезжающих мимо интерната машин, я думал про себя: как странно, ведь я мог оказаться в каком угодно месте, и даже не самом плохом, но почему-то очутился здесь. С чем это связано? Как это мне так «подфартило»? И кто вообще занимается распределением судеб: «Тебе вот такая жизнь, а он получит другую, совершенно отличную от твоей». Ведь огромное количество людей живут в нормальных семьях, имеют маму и папу, а ты тут отдувайся за других...

Однажды я услышал, как на соседней кровати тихо плачет под одеялом новенький парень, которого только что привезли в наш детдом. Это было для меня так удивительно, что я, свесив ноги со своей шконки, спросил у него: «Ты чего ноешь?». «Домой хооочу!» – уже не сдерживаясь, заскулил в полный голос новенький. «А тебе что, здесь не нравится?». «Неееет!» – продолжал он захлебываться от слез.

Честно сказать, меня столь бурное изъяснение чувств даже покорило. Сам я уже давно не имел такой скверной привычки – реветь почему зря, и с осуждением смотрел на тех, кто этого делать не стеснялся. Ну, не мужское это дело, согласитесь? Кроме того, мне стало немного неудобно за то место, где я волею судьбы оказался.

«Интересно, – злился я, – и чего он, дурак, мать его так, плачет? Разве это как-то изменит ситуацию и позволит ему выбраться из сиротника?». Не зная другой жизни, и не имея возможности сравнивать, я считал эти слезы признаком слабости, если не глупости. «Зачем вообще рыдать, когда тебя уже бросили? Это же совершенно бессмысленное занятие! Все равно слезами горю не поможешь. Надо обустроиваться в интернате, коль скоро ты в него попал, а не хныкать, как баба!».

Взять, к примеру, моего приятеля, Женьку Билялетдинова – так вот его родители, он мне об этом сам по секрету рассказывал, сейчас находятся за границей, на ответственном задании! Мальчугана же в детский дом сдали временно, поскольку разведчикам детей на работу брать с собой не полагается. Но как только они вернутся на родину, Женьку сразу же заберут отсюда.

Здесь вообще ребят послушаешь – обзавидуешься: у одного папа – заслуженный полярник и герой, годами на льдинах дрейфует, занимаясь какой-то научной работой, у другого мама – самая обаятельная и привлекательная, лучшая мама на свете! Одно лишь не понятно, как они все в интернате очутились?!

В отличие от своих хвастливых товарищей, я не знал ни гордости за отца, ни любви к своей матери. А все потому, что ни разу их не видел. Я даже представить себе не мог, как они могли бы выглядеть. Мне хотелось бы, конечно, чтобы это были добрые, красивые, сильные и благородные люди, но тогда, спрашивал я себя, что я здесь делаю?..

А на самом деле, судьбы у детдомовцев удивительно похожи. Лишение отца и матери родительских прав, приемник-распределитель и вот теперь интернат. У некоторых ребят и того хуже. Так называемые родители смертным боем били своих детей, мучили их голодом и истязали холодом, топили в ванной и обваривали кипятком, прижигали утюгом и сигаретными окурками, резали ножом и насиловали разными предметами, заставляли воровать и забывали на улице!

Хочется спросить этих мразей, по недоразумению ставших родителями: «А зачем вы вообще рожали детей? Чтобы мучить и издеваться над ними?! Вы что, не понимаете, как тяжело и страшно уродуете их не только физически, но и морально? А ведь они не все время будут маленькими. Когда-нибудь ваши дети вырастут, пусть даже и в неволе, за интернатским забором, и обязательно придут к вам, чтобы поинтересоваться: «А почему вы, предки хреновы, так гнобили нас в детстве?! Что за удовольствие у вас было истязать нас, почему зря?!». Что вы ответите на это? Как будете смотреть им в глаза?!»...

Не понаслышке зная жизнь в сиротском учреждении, я далек от мысли утверждать, будто нахождение в детском доме или в интернате является завидной долей для ребенка. Но все-таки, это не самый плохой для него вариант, в случае если семья, из которой он был изъят, обращалась с ним, как с неприятелем, подлежащим уничтожению! Ведь еще неизвестно, как бы он жил с подобными «мамашами» да «папашами», и выжил бы вообще?! Есть такие родичи, с которыми, как говорится, и врагов не надо!

Так что детдомовцы, страдающие из-за того, что их бросили родители, должны, на мой взгляд, задаваться одним, очень простым вопросом: «А так ли, на самом деле, им нужны люди, которые от них отказались? Может это вовсе и неплохо, что они больше не будут жить с равнодушными, безжалостными тварями, для которых абсолютно ничего не значат?».

Я вообще удивляюсь, почему жизнь так несправедливо устроена? Какие-то конченные алкаши и наркоманы рожают аж по десять детей, всячески мучают и терроризируют их, после чего, ничтоже сумняшеся, сдают в детский дом! А по-настоящему добрым, сердечным людям, которые так много могли бы сделать для своих малышей, бог иногда не дает детей! Не лучше ли было бы наоборот? С другой стороны, а где вы видели, в принципе, справедливость-то? Ее не было, и нет в этом подлунном мире.

И при всем при этом, странное дело, мне приходилось встречать ребят, почти боготворивших своих вечно пьяных и постоянно дерущихся родителей! И как бы они не издевались над ребенком, как бы жестоко не унижали и не гнобили его, он все равно искренне их любит. «Почему?!» – спросите вы. А разве может быть иначе у невинного, доверчивого и беззаветно верящего в добро малыша?

И самым страшным для детдомовца было услышать из уст какой-нибудь дуры воспитательницы или от своего жестокого ровесника: «Твоя мать – алкоголичка!». Он тут же яростно бросался в драку. Потому что для него все, что касалось матери было свято. Даже если она подобного отношения к себе совершенно не заслуживала.

Справедливости ради надо заметить, что при всех недостатках советской системы, в стране и вправду многое делалось для брошенных детей. Сироты и тогда были, но живого беспризорника можно было увидеть только в кино. Государство худо-бедно пристраивало всех – кого в детдом, кого в интернат, кого в суворовское училище. Россия, как бедная честная мать отрывала от себя последнее, пытаясь хоть как-то облегчить жизнь несчастным сиротам. И единственное, что меня всегда огорчало, это то, что детских домов у нас все еще очень много...

Глава 8

Но все-таки знай – ты не один!
Юрий Шевчук, певец

На первом году жизни в интернате неожиданно вдруг выяснилось, что у меня есть родственники. Это известие поразило меня сильнее молнии! Представьте себе мое состояние: вы вроде бы свыклись уже с мыслью, что живете – не с кем покалякать, и умрете – некому поплакать. А тут, как снег на голову, какая-то родня по материнской линии нарисовалась. Не сказать, чтобы очень близкая, но все же – было от чего прийти в изумление!

Они нашли меня сами, ну и, конечно, приехали в интернат, знакомиться. Крупного, представительного мужчину в мешковатом костюме звали Василий Макарович, а его хрупкую с виду жену – Лидия Яковлевна. Впрочем, они сразу же попросили называть их по-свойски: дядя Вася и тетя Лида. Своих детей у них не было, поэтому они взялись опекать время от времени меня. Я ошалело смотрел на них и не мог поверить своим глазам – оказывается, я не один на этом свете и у меня есть сородичи, ну разве это не счастье?!

С тех пор дядя и тетя стали приезжать ко мне почти каждую неделю. Обычно это происходило по субботам. Я выходил к ним, сопровождаемый воспитательницей, и мы уединялись на скамейке, под развесистым деревом. Из окон за нами наблюдали десятки жалостливых глаз. Мне было очень неловко, ведь у большинства ребят вообще никого из родственников не было – к ним никто и никогда не приезжал. Но что я мог с этим поделать?..

Надо сказать, что поведение Раисы Борисовны при встрече с моими родственниками кардинальным образом менялось – она подобострастно заглядывала им в глаза, а в голосе ее начинали звучать лстивые нотки. «Вы же знаете, как мы, педагоги, бьемся здесь над тем, чтобы сделать жизнь этих бедных сироток хоть капельку счастливее?! И я уверяю вас, что недалек тот день, когда они, наконец, смогут осознать все то, что мы для них, так сказать, совершили!» – говорила она дяде Васе, выразительно поглядывая на пакет с гостинцами, который он для меня приготовил. Дядя Вася понимающе кивал головой и предлагал ей взять немного конфет «от чистого сердца». Раиса Борисовна забирала весь пакет и торжественно удалялась, полагая, вероятно, что это лишь маленькая толика той благодарности, которую она заслужила.

Иногда родственники по договоренности с администрацией детского дома забирали меня к себе в гости на все выходные, и это было абсолютно незабываемым событием! Начать хотя бы с того, что я впервые вообще выходил за территорию интерната, о чем все остальные мои одноклассники могли только мечтать. Мы шли с дядей и тетей до конечной остановки, садились на весело дребезжащий, фонтанирующий забавными искрами трамвай, и ехали около часа до проспекта маршала Буденного, где они тогда жили.

С тех пор, кстати, мне всегда очень нравилось кататься на трамвае. В нем чувствовалась какая-то серьезная основательность и многотонная уверенность в себе. В конце концов, это вам не какой-нибудь легкомысленный автобус – его с рельс просто так не столкнешь! Всю дорогу я, буквально распластанный мордой по стеклу, жадно впивался глазами в мелькающие за окном картинки. Мимо меня проносились люди, машины, дома и целые улицы, а я, как последний дикарь, только что попавший из джунглей в мегаполис, упивался этим невиданным мною доселе зрелищем!

Еще более ошеломляющие и с ног сшибающие переживания ожидали меня на квартире у родственников. Там я мог поплескаться в самой настоящей белоснежной ванне (что казалось мне невероятным чудом!), слопать яичницу-глазунью на завтрак, которая просто потрясала меня своим изысканным вкусом, и посмотреть цветной телевизор, выглядевший каким-то совсем уж фантастическим откровением!

У нас в Младшем корпусе тоже стоял телевизор, но, во-первых, он был черно-белым, а во-вторых, почти всегда выключенным, поскольку Раиса Борисовна категорически запрещала нам его смотреть. Лишь изредка с утра на уроке учительница Елена Николаевна позволяла включать телевизор, когда по нему передавали какую-нибудь учебную программу, которую она считала нужным показать в классе.

Мне также очень понравилась добрая традиция, которую установили дядя и тетя с самого первого дня моего пребывания в их доме. Они прислонили меня спиной к дверному косяку на кухне и отметили на дощечке гвоздем мой тогдашний рост – метр с кепкой, а потом каждый год замеряли его – получилась целая летопись моего взросления, выраженная в сантиметрах. Спустя много лет я так умилился этому косяку с нацарапанными на нем цифрами, что даже хотел выломать его на хрен и забрать себе на память, но дядя Вася не разрешил – он сказал, что вырасти-то я – вырос, а вот ума не набрался.

Честно сказать, своих тетю и дядю, несмотря на все их прекрасное ко мне отношение (совершенно, кстати, мною незаслуженное) я считал людьми излишне строгими и в общем – для меня непонятными. А посему – мало с ними общался. Нет, конечно, если они задавали какой-то вопрос, то нечто невразумительное, типа «да» или «нет», я отвечал. Но сам к ним с расспросами не лез и общения своего не навязывал, чем приводил их в абсолютное отчаяние. Они даже в какой-то момент усомнились в моих речевых навыках: «Олег, а ты вообще разговаривать умеешь?!».

Разговаривать-то я умел, вот только с родственниками своими чувствовал себя довольно скованно. Возможно, что проистекало это от общего недоверия к взрослым, которое, к тому времени, уже почти всецело мною завладело. Тем не менее, дядя Вася и тетя Лида продолжали, как умели, опекать меня, за что я им, конечно, безмерно благодарен!

Интересно, кстати, проследить судьбу гостинцев, которые сердобольные мои родственники периодически привозили мне по доброте своей душевной. Обычно Раиса Борисовна требовала сдавать все передачи ей, объясняя это тем, что если я съем их сразу, то у меня «жопа от сладостей слипнется», а так она будет выдавать мне по несколько конфет в день, и я смогу растянуть удовольствие от поедания посылки на более длительный срок. «Кроме того, – добавляла Раиса Борисовна, – у меня они будут в полнейшей сохранности».

Но однажды я случайно подглядел в замочную скважину, как, оборзевшая до неприличия, Фрекен Бок, сидя в своей бытовке, самым бессовестным образом пожирает мои печенья и конфеты! Это возмутило меня необычайно! Я, разумеется, ей ничего не сказал, но с тех пор взял за обыкновение по возвращению в интернат, тут же раздавать все гостинцы одноклассникам. Родственники даже на меня обижаются стали: «Олег, мы же тебе гостинцы покупаем, а не твоим товарищам!», на что я отвечал, что все равно не смогу их есть в одиночестве. Я же не чмошник какой-нибудь, чтобы тихарить в темном углу передачи!

Помню, как в один из приездов тети и дяди мы сидели на лавочке и разговаривали о моем отнюдь не идеальном поведении, подкрепляя беседу разложенной тут же едой. Только я расправился с большим, наливным яблоком, как к нам подошел какой-то первоклашка из параллельного класса и стал жалобным голоском просить: «Тееетенька, даяяденька, дайте мне, пожалуйста, покууушать!».

Родственники мои чуть не поперхнулись от неожиданности: «Тебя что, здесь не кормят, мальчик?!». «Кооормят, – снова продолжил канючить он, – но я яблоко хочууу!». Тетя Лида протянула настырному малышу яблоко и тот, вполне удовлетворенный подношением, куда-то тотчас же исчез. Через несколько минут к нам подбежала уже целая ватага сирот, и принялась умолять моих родственников выделить им что-нибудь от щедрот своих. «Вот видите, – улыбнулся я дяде с тетей, – а вы говорите: ешь один!».

Но не всегда мои встречи с родственниками заканчивались столь безобидно. Как-то раз я шел после встречи с ними к себе на этаж и неожиданно внизу, рядом с раздевалками, где

хранились наши уличные вещи, меня встретил какой-то взрослый парень из Старшего корпуса. «Ну-ка, иди сюда, пиздюк мелкий!» – приказал он мне. Я в нерешительности остановился, готовый в любой момент дать стрекоча. «Чего это ты тащишь?» – парень в два прыжка подскочил ко мне и грубо вырвал пакет с гостинцами из моих рук. «А-а, вафли, конфеты – спиздил где-то, признавайся?!» – он начал рвать пакет и рассовывать все его содержимое по карманам.

«Отдааай! – что есть мочи закричал я, – это не тебе привезли!». Парень злобно посмотрел на меня и процедил сквозь зубы: «Заткнись, урод, а то порежу!». Но я не унимался, продолжая орать, как потерпевший (собственно, я и был потерпевшим!) чуть ли не на весь интернат. Вдруг откуда-то снизу до меня донесся резкий шелчок, и что-то нестерпимо острое уперлось мне в горло. «Нож!» – замерев от страха, понял я. Стараясь не делать резких движений, я продолжал уже молча и почти не дыша смотреть на своего обидчика.

«Я же тебе сказал, что прирежу – тупой, что ли?! Заткнулся и пошел на хуй отсюда, пока при памяти!» – рявкнул он мне, а потом добавил: «Если кому-нибудь расскажешь, найду и убью, понял?!». Я тихо кивнул головой и совершенно ошарашенный, на ватных ногах поплелся прочь с места ограбления. О том, что у меня отобрали гостинцы, я решил никому не говорить. И ведь не сильно, казалось бы, испугался, но весь год после этого прозаикался. Вот такая она, чертова детдомовская порода: маленькие сироты хитро выклянчивают то, что им хочется, а большие – нагло отнимают...

Впрочем, мы тоже, те еще желторотые разбойники – вели себя порой не самым лучшим образом, мягко говоря! Бывало, что не прочь были почудить или, точнее сказать, – поблудить, когда представлялась такая счастливая возможность. А началось все с чисто анатомического вопроса, приправленного недюжинным детским любопытством. Однажды, нам вдруг очень захотелось узнать, чем девочки отличаются от мальчиков. И наоборот. То есть, интерес к этой животрепещущей теме у нас с девчонками был обоюдный.

Одним словом, интернатскую мелюзгу почему-то страшно заинтересовало устройство половых органов друг друга. Воспитатели обычно называли их «глупостями» и под страхом жестокого наказания запрещали к ним прикасаться. Помню, меня это даже не на шутку корбило. Я думал: «Взрослые скажут фигню тоже! Ну, какие же это на хуй в пизду, глупости?!».

До сих пор у меня стоит в памяти вдохновленное лицо самой отважной исследовательницы своих и чужих гениталий – Верочки Аляповой. Она подошла ко мне как-то вечером перед отбоем, и, поблагодарив за баранки, которыми я обильно угощал ее накануне, спросила: «Хочешь посмотреть мой персик?». Я не знал, что такое персик, но на всякий случай согласился.

Аляпова заговорщически взяла меня за руку и повела в туалет: «Только дай честное-пречестное слово, что никому не скажешь?!». «Чтоб мне не сойти с этого места!» – с пафосом воскликнул я. «Поклянись страшной клятвой!» – продолжала настаивать Верочка. Я поспешно пообещал провалиться в близстоящем унитазе, если нарушу данное ей слово. Мне ужас как не терпелось взглянуть на загадочный персик!

Верочка задрала свое, уже изрядно потрепанное кем-то, платьице, приспустила трусики и... Честно говоря, я был готов к любому повороту событий, но только не к такому головокружительному и умопомрачительному! Совершенно обомлев от неожиданности, я принялся зачарованно разглядывать то, с помощью чего, хитро превратившиеся в женщин, девочки начинают впоследствии сводить с ума возмужавших, но не ставших менее любопытными, мальчиков. На следующий день я, напрочь позабыв о своей унитазной клятве, растрепал одноклассникам про чудесное наваждение, испытанное мною в туалете, и они тоже решили полакомиться фруктами.

Чтобы Верочка была посговорчивее, мы взяли с собой целый пакет баранок, и она голенькой крутилась перед нами до тех пор, пока не слопала их все! К сожалению, после этого Аляпова недолго продержалась в нашем интернате – видимо взрослые, прослышав о ее сексуаль-

ных семинарах, поспешили, подальше от греха, переправить чересчур развратную малолетку в какое-то другое, более закрытое и строгое учреждение.

Глава 9

*Ведь так не должно быть на свете,
чтоб были потеряны дети
Из «Песенки мамонтенка», на слова Дины Непомнящей*

Уж не знаю, за что Раиса Борисовна так осерчала и взъелась на детдомовцев: то ли из-за нашего зачастую хулиганского (каюсь) поведения, то ли по причине своего гадкого характера, да только она нас иначе, как «малолетними дебилами» не называла. Так и говорила: «Сукины дети, вы что, не понимаете, что должны вести себя тише воды и ниже травы?! Или вы думаете, мне доставляет большое удовольствие с вами, недоумками, тут нянчиться?! Ваши родители – алкаши и тунеядцы, от вас отказались, на государство все спихнули, а мне теперь за всех отдувайся?!».

Раиса Борисовна вообще все время ругалась. Возможно, так ей было легче справиться с тем тяжелейшим стрессом, который она испытывала, работая с нами. Бедную воспитателку заводила любая, несанкционированная ею, мелочь, и она тут же выходила из себя! Чтобы прослыть «мерзкими сволочами и дегенератами», нам достаточно было лишь громко пробежать по коридору. В таком случае Раису Борисовну буквально выворачивало наизнанку: «Ну, что вы носитесь, как в жопу раненые?! Спокойно ходить не умеете, раздолбаи хреновы?!». Если же кто-то из мальчишек пытался возразить ей, она перебивала его словами: «Не умничай! Ты что забыл, что ты идиот?!».

Вскоре подобное обращение стало для нас настолько привычным, что мы попросту перестали на него реагировать. Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь! Мы бы скорее удивились, если бы к нам обратились по-человечески: «Дорогие ребята», скажем, или «Уважаемые дети» – вот это было бы как гром среди ясного неба, покруче любого ругательства!

А вообще, все это печально, конечно. Попробуйте-ка изо дня в день говорить своему ребенку, что он – полнейшее, абсолютное ничтожество! Что из него в результате вырастет? Правильно – это самое ничтожество, и ничего больше! Доброе слово – оно ведь как вода, без него засыхает человек, и то, что детдомовцы зачастую становятся такими жестокими, объясняется, в том числе и тем, что их с самого детства за людей не считали. Вот они и озверели...

Честно признаться, меня еще тогда, в отроческом возрасте всегда поражало, как плохо взрослые знают и чувствуют детей. Понятно, что мало кто из них ставит перед собой такую задачу, и все же, – недоумевал я, – неужели они сами не помнят себя малышами? Словно какое-то ужасное беспамятство поразило этих людей, после чего они напрочь забыли, о чем мечтали когда-то, и на что надеялись! В то время как я, простой первоклашка, понимал их вполне. Станные все-таки эти взрослые – вроде выросли и поумнеть должны, а глупее маленьких, ей богу! Как будто и не были они никогда ребятишками и не испытывали этого щенячьего восторга и благоговейного ужаса от накатывающей на них и бьющей через край жизни!

Вспомните, когда вы были детьми – ваши мечты не знали границ! Как на крыльях чудесной птицы вы устремлялись с их помощью на такую заоблачную высоту, что аж дух захватывало! Вам было доступно любое, самое невероятное волшебство и вы были готовы, ради прекрасной цели, совершить какой угодно сказочный подвиг! Но прошли годы, вы повзрослели, и стали «как все», превратившись со временем в обычное, унылое говно, вечно недовольное жизнью. А все потому, что предали себя – того маленького, отважного героя, которому все было по плечу!

И все же представить, скажем, Раису Борисовну маленькой девочкой я никак не мог, хотя и понимал, что она ею, разумеется, была. Но всякий раз, когда я призывал на помощь свое воображение, оно мне с готовностью рисовало все ту же толстую и противную Фрекен Бок,

только маленького роста. Наверняка наша будущая мучительница в детстве производила на окружающих самое удручающее впечатление, а уж когда выросла, то и вовсе разочаровала всех!

Помимо извечных своих оскорблений Раиса Борисовна постоянно попрекала нас куском (не своего, заметьте!) хлеба: «Только жрете и срете, как голуби – никакой пользы от вас нет, дармоеды!» – говорила она. А потом еще и добавляла возмущенно: «Вы из меня когда-нибудь всю кровь выпьете!». Этим замечанием Раиса Борисовна вводила меня в состояние окончательного ступора – я никак не мог понять, как ей хватает наглости заявлять подобное, ведь кровь из нас пила именно она!

Но как разительно преображалась эта шельма, когда к нам приезжали какие-то посторонние люди. Ее словно подменяли – она тут же представляла в образе любящей и многострадальной матери, которая печется о несчастных детках, брошенных на произвол судьбы. Незадолго до приезда гостей в интернате объявлялась генеральная уборка, и мы с утра и до вечера щетками до блеска драили полы и натирали стены. Нередко эта «битва за чистоту» продолжалась по несколько дней, совершенно изнуряя и выматывая нас.

После того, как интернатское жилище приводилось в надлежащий порядок, откуда-то из недр бытовки доставалась новая одежда, в которую нас поспешно обряжали. Раиса Борисовна лихорадочно (комиссия на носу!) осматривала наш внешний вид и делала необходимые наставления: «Дети, сейчас приедет шефская делегация, вы должны показать, как вам здесь хорошо живется, понятно? Кто бы и что у вас не спросил, отвечайте только одно: у нас все прекрасно! И не дай вам бог, мерзавцы, брякнуть что-нибудь другое!».

По приезду шефов нас всем скопом загоняли на сцену в актовом зале школы и заставляли участвовать в специально разыгрываемом для таких случаев спектакле. Сначала слово брала Раиса Борисовна, которую прямо-таки распирало от желания пустить пыль в глаза приехавшим гостям. «Мы очень благодарны нашим дорогим и любимым шефам за то, что они, невзирая на всю свою занятость, не забывают про разбитые детские сердца, которые мы, советские педагоги, здесь каждодневно лечим! Так давайте же делать это вместе, чтобы ни один маленький сиротка не остался без любви, которую каждый из нас, так сказать, в состоянии ему подарить!» – извивалась ужом Раиса Борисовна. «Вот чешет, падла!» – со смешанным чувством гадливости и удивления думал я. Меня уже тогда, в раннем детстве, поражали люди, умеющие примерять на себя по сто одежек и вешать лапшу на уши окружающим.

В это время шефы испуганно и виновато жались друг к дружке в зале – ведь любви к нам, о которой так увлеченно вещала хитро сделанная воспитатка, у них еще не было, а некое подобие соболезнования, судя по глазам, уже присутствовало. Они смотрели на нас, как на неведомых, диковинных зверюшек, и совершенно не понимали, как им надлежит вести себя дальше. По окончании своего выступления Раиса Борисовна подавала нам условный сигнал, и мы довольно бодренько, с чувством, с толком, с расстановкой затягивали выученную накануне песню:

«По синему морю, к зелёной земле
Плыву я на белом своём корабле.
На белом своём корабле,
На белом своём корабле.
Меня не пугают ни волны, ни ветер, -
Плыву я к единственной маме на свете.
Плыву я сквозь волны и ветер
К единственной маме на свете...»

После этих куплетов на глазах у многих шефов появлялись непрошенные слезы – они смахивали их платочками и с жалостью взирали на нас, вероятно, подумывая уже об усыновлении. А мы, тем временем, продолжали добивать их своими писклявыми голосами:

«Скорей до земли я добаться хочу,
«Я здесь, я приехал!», – я ей закричу.
Я маме своей закричу,
Я маме своей закричу...
Пусть мама услышит,
Пусть мама придёт,
Пусть мама меня непременно найдёт!
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети.
Ведь так не должно быть на свете,
Чтоб были потеряны дети.»

На этих словах шефы рыдали уже так, что мне становилось за них страшно! Я вообще не любил никому рассказывать, что у меня нет матери, потому что видел, как тяжело обычно взрослые воспринимают подобного рода информацию. Они начинают краснеть от волнения, ерзать на месте и даже плакать, что меня всегда очень смущало. Дабы не доставлять им такого неудобства и не причинять излишних страданий, я всегда скрывал факт своего сиротства и совершенно не понимал, зачем Раиса Борисовна так нагло эксплуатирует эту тему? Но Фрекен Бок прекрасно знала, что делала – ей важно было вместе со слезами выжать у шефов как можно больше сладостей, до которых она была большая охотница.

Одним словом, пока шефы горько ревели навзрыд, наша воспиталка буквально сияла от счастья! Будучи, как уже было сказано, неисправимой сладкоежкой, Раиса Борисовна предвкушала роскошное праздничное чаепитие с невиданным в детском доме тортом и конфетами, которые она («Вы что, с ума сошли? Им же нельзя так много сладкого!») положит затем под замок в своей коморке и, конечно же, схомячит в одно рыло. Ну и черт с ней – пусть хоть обожрется шефскими подарками, если ей так хочется!

Я же и в самом деле не видел никакой трагедии в том, что очутился в интернате. Такова значит моя планида – с самого рождения остаться без семьи. А разве могло быть иначе? Скорее всего – нет, если именно так все и вышло. По крайней мере, сие от меня уж точно не зависело. Может быть, даже как раз таким и был план относительно моей жизни, продиктованный тем, кто мне ее подарил. Так что здесь – без обид!

Ничего хорошего в детском доме, разумеется, нет, но и сильно расстраиваться по этому поводу совершенно не стоит. Кому-то повезло и того меньше, а уж мне и вовсе грех жаловаться. Руки-ноги есть, голова тоже вроде на месте – короче говоря, жить можно! И даже нужно! Так думал я, маленький неисправимый оптимист, всегда старавшийся даже в ужасном обязательно найти что-нибудь прекрасное.

Я вообще тогда на полном серьезе верил в добро и считал всех людей хорошими от природы! Просто добрыми быть то ли скучно, то ли неинтересно, вот они и натягивают на себя злые маски, а потом забывают, что когда-то были другими. И живут в соответствии со случайно напаянным, но глубоко чуждым им образом. А всего-то и нужно, что почаще напоминать людям об их подлинной внутренней красоте! Чтобы они этого никогда не забывали!

«Почему некоторым так нравится делать гадости, – недоумевал я, – ведь в этом нет никакого удовольствия». Всякий раз, когда я злился на кого-то или пытался обмануть, мне становилось просто физически плохо! Я буквально заболевал и не находил себе места! Отчего же мы постоянно впадаем в это противоестественное для нас состояние? Зачем фактически травим

себя дурными помыслами и поступками?! Неужели нельзя быть хорошими? Добрыми, душевными, любящими! Ведь это так легко, казалось бы. И невероятно приятно, кстати!

Да, я делаю добро не потому, что «так надо» или «так принято», а потому что это доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие! Даря положительные эмоции окружающим, я и сам расцветаю от их светлых улыбок! Человеку ведь, в сущности, очень мало надо – чтобы он любил, и его любили. Представляете, каким потрясающим образом изменится наша жизнь, когда мы начнем видеть друг в друге не просто людей, а родственные нам души?! Это же какое счастливое время для всех настанет! Но что-то я совсем размечтался тут с вами, друзья. Надо, пожалуй, заканчивать «парить на воздушях» и предаваться наивным фантазиям...

Глава 10

*Мало попасть по воротам, нужно еще промахнуться мимо
вратаря
Константин Мелихан, юморист*

Как же мы любили футбол – я просто не могу передать вам это словами! Театралы так не любят свой театр, как мы боготворили эту невероятную игру! Все нам в ней казалось фантастически привлекательным и захватывающим! После уроков мы, в нарушение всех самых страшных запретов, вылетали бурлящей от восторга гурьбой на гаревый пятачок перед интернатом и начинали самозабвенно пинать ногами полусдувшийся резиновый мячик.

Помню, что от каждого удара по мячу на нем образовывалась уродливая выпуклость, сильно замедлявшая его движение по земле, но за неимением лучшего, мы были рады и такому спортивному снаряду. Когда же нам случалось разжиться настоящим кожаным мячом, счастьем нашему не было предела! Грязные, чумазы, в своих рваных кедах – мы бились за него чуть ли не до потери сознания и нашей самоотверженности могли бы позавидовать даже солдаты на поле боя!

Ведь футбол – это не только бескомпромиссные сражения на маленьких дворовых площадках и больших стадионах, но и совершенно феерические по накалу эмоции, которые дарит нам эта великая игра! Когда страсти повсюду буквально кипят, а безудержное ликование одних идет рука об руку с пронзительным отчаянием других! И если какие-то болельщики сегодня искренне веселятся и радуются, то будьте уверены, что где-то рядом с ними кто-то жалобно сетует на неудачу и плачет. Одним словом, это игра, где вчерашнее абсолютное, казалось бы, счастье может легко превратиться в настоящую трагедию и драму! Уж не за эту ли яркую палитру всевозможных чувств и душевных потрясений мы так любим Его Величество – Футбол?!

Обычно желающие попинать мяч детдомовцы, по-быстрому разделившись на две, приблизительно равные в количественном отношении, команды, принимались отчаянно лупить друг друга по ногам – играть мы тогда толком не умели. Представляю, как все это выглядело со стороны: два десятка совершенно чокнутых, но абсолютно счастливых раздолбаев, бегают всей толпой за одним мячом, периодически устраивая невероятную кучу малу и поднимая на поле целый столб пыли! В эти моменты даже Раиса Борисовна была бессильна что-либо сделать с нами. Мы были так увлечены процессом затаптывания друг друга, что просто не слышали ее проклятий в свой адрес!

Ни о каком осмысленном противостоянии, предполагающем, к примеру, игру в пас или хотя бы какие-то слаженные действия, разумеется, не могло быть и речи! Играли в основном по системе «Бей-беги!», которая совершенно не предусматривала включения головы, да еще, к тому же, и напрочь отвергала любую логику. Все, понятное дело, хотели быть только нападающими, чтобы забивать вожаемые голы и даже вратари зачем-то бегали в чужую штрафную площадку!

Причем, редко когда наш футбол обходился без кровавых стычек и драк, формальным предлогом для которых могла стать любая мелочь. Вот по полю с красным резиновым мячом мчится Васька Милорад. Он изо всех сил рвется к воротам соперника, пытаясь нанести удар прежде, чем его снесут свои же игроки, которым очень не нравится, что он не отдает им пас. Они уже давно забыли, кто за кого играет в этом дурдоме и куда следует бежать. Им хочется только одного – забить гол! Пусть даже и в свои ворота!

Тут наперерез Ваське выскакивает Федька Епишев, и со всей дури бьет его по ногам! Обалдевший от такого неуважительного обхождения Васька, подобно выбитому из седла всад-

нику, летит на землю и пропахивает своим длинным носом, как плугом, метров пять ее шершавой поверхности. Футбольную площадку оглашает страшный вопль, переходящий в жуткие ругательства: «Ах ты, гребанный урод! Гандон штопанный! Ты зачем меня по ноге ударил?!».

«Не пизди! Я тебя не бил! Ты сам специально упал, дерьма кусок!» – тут же парирует Федька Епишев. «Чтоооо! Что ты сказал?!» – оскорбленный до самой глубины своей мальчишеской души Васька вскакивает и яростно бросается с кулаками на Федьку. Начинается так обожаемая всеми детдомовцами драка, которая тут же вовлекает в себя всех присутствующих! На этом футбол, как правило, и заканчивается.

В таких случаях я всегда пытался выступать в роли миротворца: «Эй, придурки! Вы чего, совсем ополоумели?! Зачем драться-то? Не на корову ведь играем!» – кричал я в толпу, стараясь усовестить своих разбушевавшихся одноклассников. Но им было совершенно наплевать на мои разумные, казалось бы, доводы: за возможность повозиться несколько секунд с мячом они были готовы убить друг друга...

Но уже тогда, при всем нашем футбольном – и не только – идиотизме, в интернатской команде появился игрок, которому со временем суждено было стать живым символом детдомовского спорта. Звали его Акимов Алексей, и он был самым настоящим восьмилетним самородком или вундеркиндом – называйте, как хотите! Во всяком случае, я никогда до этого (что понятно), да и после тоже, не видел, чтобы маленький ребенок так бесподобно играл в футбол!

На поле совсем мелкий еще Алешка (по прозвищу Аким) вытворял какие-то невероятные для своего возраста вещи! Он мог запросто прямо во время игры пробежать через всю площадку, чеканя мяч головой, и ни разу не дать ему свалиться на землю. Ему ничего не стоило одному обыграть всю нашу ошалевшую и потрясенную такой наглостью команду! В бессилой злобе мы бегали за ним по несколько человек, не в силах отнять мяч – он обводил нас, как стоячих. И это при том, что мы пытались сломать ему не только ноги, но и руки. Или вообще все, за что только удавалось ухватиться.

Но все наши хитрые уловки были совершенно напрасны – Аким без труда разгадывал их и легко уходил от капканов, расставляемых для него на поле. Он буквально издевался над нами, пользуясь своей невероятной спортивной одаренностью. Его талант меня совершенно покори́л: «Надо же, – думал я, – до чего классно играет, паршивец! И ведь никто его этому не учил. Откуда что только берется у парня?!».

Вскоре мы крепко подружились с Лехой, а поспособствовали этому его завистники, которых к тому времени уже было немало. Однажды они обратились ко мне с предложением: «Головастый, мы хотим объявить всем классом бойкот Акимову, ты с нами?». Я удивленно посмотрел на них: «С какой это стати? Что он вам плохого сделал?». «А чего он пижонится на поле?! Пасы не раздает – единоличник хренов!» – продолжали наседать на меня заговорщики.

Я смерил их презрительным взглядом: «И правильно делает! Вы же играть ни хрена не умеете! Да еще и козни исподтишка строите!». После этого бойкот объявили уже мне, и около недели мы с Акимом подвергались всеобщему остракизму и игнору, пока до малолетних интриганов не дошло, что никакого смысла в их бойкоте нет.

Надо сказать, что, училка наша – Елена Николаевна, также сильно недолюбливала Леху, постоянно попрекая его плохими отметками. Стараясь побольнее задеть Акима, она частенько повторяла в классе: «Было у отца три сына – двое умных, а третий футболист. И что вы только находите в этой мерзкой игре?! Дурная голова ногам покоя не дает!». При этом она с осуждением поглядывала на Акимова, который, как обычно, тяжело вздыхал на последней парте.

Справедливости ради отметим, что не преуспевал Леха в учебе не потому, что не мог (он-то, как раз, был довольно смышленным и толковым пацаном), а потому что не хотел. А это, как вы понимаете, совершенно разные вещи. Просто все его помыслы были заняты любимой игрой, и в них не было места всяким побочным, второстепенным дисциплинам, типа русского языка, математики или литературы.

Зато как преображался Алешка, когда ему случалось выйти на футбольное поле – парня было просто не узнать! Глаза его загорались лихорадочным огнем, на лице играла блаженная улыбка, и сам он был готов искусными финтами и взрывным дриблингом разорвать любого соперника! Футбол был смыслом всего его существования – можно сказать, что Леха был рожден для этой игры!

И я его прекрасно понимаю, потому что сам до умопомрачения обожал носиться по полю с мячом! Помню, сидишь, бывало, в классе, делаешь набившие оскомину уроки, вдруг услышишь за окном восторженные ребячьи возгласы: «Бей! Пасуй!», да звуки глухих ударов по воротам! И сразу хочется стремглав бежать на улицу, и ноги сами начинают стучать копытцами в пол, и нет решительно никакой возможности усидеть на месте!

Обидно все-таки, что Алексей так впоследствии и не смог до конца реализовать себя на спортивном поприще. Перефразируя моего любимого Пушкина, замечу: и догадал же Акимов черт, с его талантом очутиться в детском доме, где у него не было никаких шансов полноценно тренироваться и развивать свой футбольный дар.

Впрочем, осталось в наличии у Лехи и еще одно большое достоинство, как минимум, не менее важное, чем умение играть в футбол – он прекрасный и верный друг! Мы дружим с ним, страшно подумать, уже много десятков лет, а такая продолжительная дружба по нашим временам, (некоторые люди столько не живут) согласитесь, дорогого стоит!

За маленьким Акимом водился лишь один серьезный недостаток – он был ужасным, просто несносным спорщиком! С ним невозможно было ни о чем разговаривать – Леха абсолютно все подвергал сомнению и тут же принимался спорить. При этом истина (которая, вроде как, должна рождаться в споре) его совершенно не интересовала – Алешке нравилась сама возможность зацепиться языком за какую-нибудь тему, чтобы от души поругаться со своим оппонентом.

И ладно бы разбирался в предмете – так ведь нет! Самое удивительное, что он принимался спорить о вещах, о которых не имел ни малейшего представления! Спор ради спора. Эта странная особенность всегда выводила меня из себя, но делать было нечего – упрямого Акима переубедить было нереально.

Например, рассказываешь Алешке о каком-нибудь интересном факте из истории или литературы, а он возьми и спроси: «Откуда ты это знаешь?». Отвечаю: «В книге прочитал». Аким опять за свое: «А где эта книга?». Показываю ему: «Да вот же она!». Но Алешка уперся рогом и его уже не сдвинешь: «Это все вранье, ты меня обманываешь!». Я начинаю закипать: «Причем здесь я, когда об этом в книге написано – прочитай!». Неверующий Фома продолжает бессмысленно упорствовать: «Не буду читать! Почему я должен верить какому-то писателю, которого и знать не знаю?!». «Так ты потому и не знаешь, что не читаешь!» – уже с улыбкой парирую я.

Короче говоря, маленький Леха был из тех людей, кому скажешь слово, а в ответ получишь десять! Но за его футбольный дар я готов был простить ему даже это его постоянное желание препираться, возражать и спорить. Потому что настоящий, подлинный талант искупает все. Тем более, что с возрастом этот его недостаток превратился в немалое достоинство – умение критически смотреть на многие вещи и убежденно отстаивать свои принципы. И здесь уже неважно, насколько они верны или ошибочны. Главное, что они у Алексея есть.

Глава 11

*Взвейтесь кострами синие ночи,
мы пионеры, дети рабочих!
Из гимна советской пионерии, на слова Александра Жарова*

Где-то в конце мая Раиса Борисовна притащила в класс огромный мешок, набитый старыми, рванными штанами, заношенными рубашками с оторванными пуговицами и прохудившимися донельзя шортами – в общем, всем тем, что осталось от предыдущих поколений детдомовцев – и, вывалив все это «добро» на парты, презрительно буркнула: «Зашивайте! Будет что натянуть на себя в пионерском лагере!». Так я узнал, что нас отправляют в советский рай, о котором, конечно же, был много наслышан.

Три дня мы не отрывались от работы, но, в конце концов, исколов до крови все пальцы иголками, перешили эту огромную кучу ветхого тряпья, придав ему абсолютно сюрреалистический вид! Его не то, что надевать – показывать было страшно и, тем не менее, на свою первую линейку в пионерском лагере мы отправились именно в этих жутких обносках, вызвав самый настоящий переполох среди вожатых! Они потом для нас полсмены одежду собирали, чтобы нам было в чем ходить!

Но это случилось чуть позже, а пока мы складывали интернатское приданное в специально пошитые из полосатых матрасов вещмешки на резинках. Видок у нас был тот еще! Представьте себе маленьких, стриженных наголо детдомовцев, в криво зашитых и топорщащихся вещах, с какими-то непонятными матрасами вместо чемоданов, на которых вдобавок еще были нашиты специальные блямбы, повествующие о том, что носильщики сих уродливых мешков являются воспитанниками интерната (как будто это и так не видно!).

Наверное, делалось это для того, чтобы ни у кого не возникло искушения стибрить сиротские вещи, годившиеся, разве что, на половые тряпки. Кстати, я при первой же возможности срезал это клеймо – мне не хотелось, чтобы на меня все показывали пальцем и говорили: «Приютская вошь, куда ползешь?!».

Но тот прекрасный день, когда я впервые отправился в самый настоящий пионерский лагерь, мне запомнился на всю оставшуюся жизнь. Рано поутру я проснулся от чувства невероятного, совершенно беспредельного счастья, которое может быть, наверное, только в детстве! Из радиодинамика, висящего на стене, доносились слова бодрящей и заряжающей праздничным настроением песни: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская земля. Холодок бежит за ворот, шум на улицах сильнее. С добрым утром, милый город, – сердце Родины моей!».

Мое сердце сладко замирало в предвкушении какой-то особенной, еще не испытанной мною радости, и я буквально трепетал, нетерпеливо ожидая, когда же нас уже загрузят в автобусы и повезут навстречу, вполне заслуженному нами, блаженству!

Я вышел из здания интерната – теплый июньский ветерок ласково обдувал мое расплывшееся в улыбке лицо, щекоча ноздри запахом буйно разросшейся листвы, в которой утопал наш «сиротник». И, закончившийся накануне, учебный год, и предстоящее расставание с Раисой Борисовной (век бы ее не видать!), и прекрасная летняя погода, обещавшая, как минимум, несколько месяцев сплошного мальчишеского удовольствия – все это окрыляло меня необычайно!

Поэтому, когда нас, троих детдомовских пацанов доставили, наконец, в лагерь (а больше, чем по трое сирот в один пионерский лагерь старались не отправлять, чтобы они не разнесли его по кирпичику к чертям собачьим), я посчитал себя счастливейшим из людей! Не уверен,

правда, что тоже самое думали о себе наши вожатые – уж они-то хорошо представляли, каких опаснейших террористов к ним закинули.

Все дело в том, что почти во всех лагерях (а у меня их было, в общей сложности, не менее десятка) интернатские ребята являлись, что называется, «душой дурного общества» и заводи-лами самых рискованных предприятий. Например, я не припомню лагеря, из которого бы меня не хотели выгнать! Но, забегаю вперед, скажу, что это было не так-то просто сделать, поскольку летом в интернате шел ремонт, и «база отказников не принимала». Поэтому вожатым приходилось, стиснув зубы, терпеть наши выкрутасы, а мы этим всю пользуемся.

Первое, что мы делали по приезду в любой пионерский лагерь – это бежали осматривать его территорию. Нам нужно было залезть в каждый грязный и вонючий подвал, взобраться на любую, самую высокую и отвесную крышу, чтобы иметь представление, где можно спрятаться от вожатых и откуда удобнее всего совершать бандитские набеги на пионерское имущество.

Надо заметить, что детские лагеря в советское время, в отличие от лагерей для заключенных, старались размещать в красивых и живописных местах, чтобы обязательно рядом был лес и по возможности речка. Тоже самое можно сказать и о бытовых условиях. «Все лучшее – детям!» – провозглашалось тогда в стране Советов. Так что, по своей благоустроенности пионерские корпуса были на порядок круче, чем наше интернатское общежитие – жить в них было одно удовольствие!

Разумеется, в лагерях мы всегда старались скрыть, откуда приехали. Так было спокойнее. Не раздавалось вслед этого презрительного фырканья: «Вон, детдомовские идут!», а значит, не было необходимости избивать распоясавшихся обидчиков. Но иногда вожатые лезли со своей идиотской благотворительностью туда, куда их не просили!

Помню, как одна такая дура на собрании отряда заявила: «Дети, давайте знакомиться! Это Олег – он из детского дома. У него нет родителей, но наше государство взяло на себя труд заботиться о таких сиротах. Прошу любить и жаловать!». Я чуть не поперхнулся от этих слов. Все смотрели на меня, как на инопланетянина, который только что свалился с Луны прямо им под ноги. Вроде какой-то странный «хрен с горы», но и бросить все-таки не по-человечески.

«У тебя что, нет родителей?! А как же ты родился?!» – допытывались у меня маленькие имбецилы. «Да нет, она вам все наврала, а вы ей зачем-то поверили!» – мрачно отвечал я не в меру любопытным спиногрызам, но после собрания отправился напрямик в вожатскую. «Вы нахуя всем рассказываете, что я из детского дома?!» – выпалил я с порога этой глупехе. Она в ужасе вытаращила на меня изумленные глаза: «Мальчик, ты что, ругаешься матом?!». «С вами, блядь, не то, что матом, проклятьями заговоришь!» – не унимался я. «Так ведь у тебя самого на мешке твоем это написано!». «Мало ли, что там написано! Я сегодня же эту отпорю!».

В тот раз мне удалось пресечь на корню провокационные разговоры, но подобные ситуации, к сожалению, происходили нередко. И связано это было, как правило, с т. н. «родительскими днями», когда в пионерский лагерь приезжали озабоченные родители подкормить своих исхудавших чад (им все время казалось, что тех держат на голодном пайке). Как взбалмошные курицы кудахтали они над своими непоседливыми цыплятами, буквально закармливая их привезенной ради такого случая домашней снедью.

Разбредая по лагерю и оккупировав все свободные лавочки и беседки, родственники выгребали из сумок целые батареи всевозможных банок-склянок, залежи пакетов и свертков, которые тут же открывались, выпивались и поедались ненасытной пионерией самым беспощадным и варварским образом! Мне было тяжело смотреть на это совершенно разнузданное и ничем не оправданное чревоугодие, и я уходил обычно в какой-нибудь укромный уголок лагеря, чтобы наедине с собой подумать о чем-то более возвышенном, нежели о еде. Однако, не тут-то было.

«Внимание, внимание!» – прорезался вдруг на всю округу скрипучий голос лагерного радио – воспитанникам школы-интерната Сукаченко Олегу, Зарудину Андрею и его брату

Алексею срочно подойти в пионерскую комнату – вам пришла посылка». Матерясь и чертыхаясь от очередного разглашения нашей тайны, мы потащились к главной пионер вожатой лагеря, которая вручила нам маленький фанерный ящичек, присланный из детдома. Тут же, при ней открываем неожиданную посылку и о, бляди, что мы видим?! Вся она набита очерстевшими сухарями из белого и черного хлеба, посыпанными солью! От стыда мы готовы были провалиться сквозь землю!..

Надо сказать, что я начал доставлять вожатым неприятности, еще будучи совсем маленьким. Первое, что я сделал в пионерском лагере сразу же после приезда – это сломал руку своему ровеснику, который имел неосторожность со мной задружиться. А случилось это так. В тот приснопамятный для меня день, мы шли с ним по каким-то своим неотложным детским делам (кажется, это было запланированное избиение прутиками желтых одуванчиков на футбольном поле) и вдруг, как это часто бывает у безмозглой малышни, буквально на пустом месте поссорились!

Слово за слово и я, сорвав с его головы пилотку, закинул ее высоко на дерево. Он, разумеется, полез за ней и где-то с высоты трех-четырёх метров неожиданно рухнул на землю. Сосна недовольно затрещала поломанными сучьями, а у этого неудачника уже был перелом! Он долго стонал и корчился в ожидании врачей. Я же настолько был потрясен случившимся, что, едва дождавшись медработников и передав им потерпевшего, убежал переживать свое горе в лес.

Помню, как какое-то странное оцепенение вдруг поразило меня – я не хотел ни двигаться, ни думать, а лишь бессмысленно смотрел в небо, лежа на земле. Прямо надо мной, в какую-то неведомую даль проплывали бесконечные облака, совершенно равнодушные к моим тревогам и волнениям. Потом на их место заступили неподвижные звезды, словно приколотенные кем-то к небосводу, но их мерцающий, холодный свет также не согревал меня.

И тут я почувствовал такое пронзительное одиночество, что мне стало страшно! Я вдруг со всей ясностью понял, что совершенно один на белом свете и это невозможно исправить! Убийственное, на самом деле, ощущение: ты вроде как числишься среди людей, а по большому счету пребываешь в темном, холодном лесу и ни одной живой души вокруг, которая могла бы отнестись к тебе сочувственно.

Горн, прозвучавший на ужин, вывел меня из состояния глубочайшей протрации, в которой я прибывал, напомнив о том, что я с самого утра ничего больше маковой росинки во рту не держал. Мне пришлось подчиниться позывам желудка, запросы которого всегда были чересчур большими и, вернувшись в лагерь, осчастливить тем самым вожатых – бедные, они уже сбились с ног, не зная, где меня еще можно искать.

После всего случившегося, упавший с дерева паренек больше не пытался задеть меня, а только страдальчески смотрел в мою сторону и печально поглаживал свой гипс, как бы предлагая мне проникнуться всей низостью моего поступка. Я и вправду не мог смотреть на него без сожаления: мне казалось, что сломанной руки ему явно недостаточно – надо было сломать еще и ногу! Вместе с тем, меня терзало и некоторое чувство вины – все-таки, я свою совесть к тому времени еще с козявкой не съел, и она во мне периодически саднила...

По молодости лет, а точнее по малости их, я очень любил наблюдать за жизнью насекомых. Меня тогда хоть хлебом не корми – дай разворошить какой-нибудь муравейник (разумеется, исключительно в исследовательских целях) или оторвать крылышки изящной и стремительной стрекозе (опять же, чисто из познавательного интереса – ничего, как говорится, личного).

Насекомые всегда восхищали меня, с одной стороны, своей бросающейся в глаза независимостью, отстраненностью от нашего мира, а с другой – несомненной похожестью на людей. Посмотрите, как, в поте лица своего, трудятся вездесущие муравьи, или какая четкая социальная организация прослеживается у медоносных пчел, и вы согласитесь, что они, в основах своих, очень близки к человеческому обществу. Либо же люди, напротив, в своей повседнев-

ной деятельности копируют поведение насекомых. А может мы и есть насекомые, только чуть большего размера?..

Помню, с какой всепоглощающей радостью гонялся я, весело пыхтящий карапуз, по заливным солнцем лугам за юркими белокрылыми бабочками! Как валялся в густой, сочно зеленой траве, убаюкивая свой слух переливистым стрекотанием кузнечиков! Ах, какое это было наслаждение – наблюдать за жизнью тысяч всевозможных птишек и букашек, снующих между стебельками по каким-то своим, только им известным делам! Да к тому же сознавать при этом, что и сам ты являешься такой же маленькой частицей огромного прекрасного мира, который был создан задолго до тебя, и останется, даст бог, после... И еще ничего не зная о Всевышнем, я чувствовал его присутствие и в каплях по-отечески омывающего мою счастливую рожицу дождика, и в дуновении ласкового, как дыхание матери, ветерка!

Мне и самому порой хотелось стать каким-нибудь майским жучком или, на худой конец, любопытным комариком, чтобы летать себе беззаботно над землей и получать удовольствие от той невероятной красоты, которая открывалась моим глазам! Единственное, что меня удерживало от превращения – это небольшая продолжительность жизни этих насекомых – все-таки две-три недели, как не крути, маловато будет для того, чтобы до конца прочувствовать всю благодать окружающей тебя Вселенной...

Я мог подолгу отслеживать передвижения какой-нибудь бархатистой гусеницы (благо ползала она, мягко говоря, не очень шустро и это не стоило мне большого труда), или же с превеликим усердием пересчитывать количество разноцветных камушков на дне неглубокого ручья. Все повергало меня в сильнейшее изумление и трепетный восторг! Это же надо, сколько живописных вещей вокруг нас разбросано, а мы отказываемся их замечать! Мне кажется, происходит сие от того, что взрослые видят все как бы слишком общо, в целом. А дети очень скрупулезны в своем исследовании нового для них мира, их больше интересуют детали. Они замечают каждую мелочь, и ничто не ускользает от их напряженного внимания!

Взять, к примеру, ту же изнеженную ничегонеделанием гусеничку, да положить ее на вечно кипящий строительными работами муравейник – что с ней станет? Ведь ничего хорошего эту модницу в зеленом наряде не ждет. Утащат ее мураши-разбойники в свои мрачные подвалы, и поминай, как звали красавицу! А что, если попробовать сравнить каких-нибудь более воинственных насекомых друг с дружкой? Будут ли они сражаться за свое место под солнцем?

В общем, решено: надо устроить гладиаторские бои между какой-нибудь агрессивной саранчой! Она все равно противная и вредная – ее не жалко. Кроме того, небольшая войнушка среди насекомых очень взбодрит кровожадных ребят-октябрят, падких до хлеба и зрелищ! Я поделился с ними своими анти-пацифистскими соображениями, и они полностью одобрили мой несколько жестокий, а потому – необычайно привлекательный для них, план!

Помню, мне даже пришлось серьезно подражаться, вы не поверите, за насекомое! Я увидел эту саранчу издали, когда наш отряд еще только подходил к лагерной столовой. Она сидела на форточке, угрожающе помахивая своей огромной саблей. Это был очень ценный экземпляр, призванный скрасить нам приближающийся послеобеденный отдых (в тихий час мы решили организовать нешуточные разборки между представителями этого вида насекомых, и несколько особей уже сидело в банках, дожидаясь своей участи). Приняв все необходимые меры предосторожности (как бы не отсекла сабелькой что-нибудь!) я храбро полез наверх.

Бац! – чья-то рука бесцеремонно соврала меня вниз! Вскливаю с пола и обнаруживаю перед собой нахальную рожу такого же, как и я, юного натуралиста, позарившегося на саранчу. Позабыв о том, что драться, по моей же собственной задумке, должны все-таки насекомые, а не люди, я отчаянно бросаюсь на своего обидчика!

Ровно через минуту он уже валяется поверженным на полу, а я гордо выхожу под восторженные взоры девочек, которые, конечно, видели всю драку и, естественно, поддерживали

мою сторону. Но не тут-то было! Новый удар заставил меня схватиться за окровавленное лицо, после второго я почувствовал, как под глазом, медленно, но верно, наливается огромный фингал!

Это напомнил о себе старший брат побитого из первого отряда. При взгляде на его конфигурацию у меня сразу отпали все вопросы. Парень был года на четыре старше меня, что в детстве является просто непреодолимой разницей в возрасте! Я бы, пожалуй, даже отдал ему все свои банки с насекомыми.

Далее все произошло, как в кино! Мои детдомовские приятели Андрей и Алексей Зарудины, тоже, кстати, родные братья, до этого как бы безучастно созерцавшие драку (что понятно – ведь мы дрались один на один), вдруг резко выскочили из строя и несколькими молниеносными ударами отправили превышавшего их на две головы наглеца в глубокий нокаут! Эта эффектная победа сделала нас героями всего пионерского лагеря и больше мы проблем ни с саранчой, ни со старшими ребятами не испытывали.

Глава 12

Дети, помните: вы – хозяева лагеря! От вас что требуется, друзья мои? – Дис-ци-пли-на!

Из кинофильма «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»

Разумеется, промышляли мы в лагерях и всякими хрестоматийными уже пионерскими подлянками, типа намазывания девчонок зубной пастой. Операции эти, как правило, планировались заранее и приносили нам, маленьким извращенцам, много нечаянной радости! Начиналось все с того, что сразу после отбоя мы надолго засовывали своих «Чебурашек» (так называлась советская зубная паста) в трусы.

Делалось это не просто так, а чтобы как следует нагреть тюбики, ведь не будешь же ты выдавливать на лицо девочке какую-то непонятную холодную субстанцию – она сразу же проснется и поднимет невероятный визг! По этой же причине мы ходили мазать наших красавиц строго ближе к рассвету, когда их сон был наиболее крепким и глубоким. В такие часы с ними можно было делать все, что угодно – они дрыхли так, что хоть из пушки над ухом пали – не шелохнутся!

Дождавшись заветной минуты, мы довольно приличной толпой (всем хотелось посмотреть на сладко спящих нимфеток!) и еле сдерживаясь от смеха, пробирались в девичью палату. Главное в таком ответственном предприятии было не шуметь, а делать все быстро и слаженно. Каждый из нас уже знал свой маневр и жертву, которую ему нужно было намазать. А дальше все зависело от банальной удачи.

Обычно спецоперация наша проходила без сучка и задоринки – мы вымазывали зубной пастой с ног до головы беззаботно сопящих девчонок (причем, больше всех доставалось, как всегда, самой обаятельной и привлекательной – над ней колдовали особенно усердно!). А поутру они, проснувшись и проклиная нас самыми последними словами, бежали чистить свои перышки под умывальником.

Но иногда, какая-нибудь из чутко дрыхнувших девочек все-таки просыпалась и начинала, подобно противопожарной сирене, очень пронзительно завывать на весь корпус! (Какие же писклявые, оказывается, у этих истеричек голоса!). В этом случае мы с диким гоготом ломились на выход, стараясь успеть запрыгнуть в свои кровати прежде, чем разбуженный криками вожатый прибежит выяснять, в чем, собственно, дело.

Кстати, зря мы так издевались над девчонками – народ это был, в общем-то, неплохой и в отличие от нас, мальчишек – весьма сердобольный. Помню, как однажды мы вместе с нашими одержимыми благотворительностью пигалицами ухаживали за бездомным щенком, найденным нами на территории лагеря. Кто-то перебил ему лапу и на срочно созванном общем ребячьем собрании мы решили втайне от вожатых выходить «Найденыша»! Поставить его, что называется, на ноги.

Целую смену мы всем отрядом кормили и поили нашего славного малыша, гладили и игрались с ним. К услугам потерпевшего нами из досок была сколочена комфортабельная конура, которую мы выстелили изнутри похищенным в чьей-то палате одеялом. Бедный песик настолько ошалел от счастья, что не знал, кого ему благодарить за свое спасение – за «Найденышем» одновременно ухаживали с десятков девчонок и мальчишек – и каждого он норовил в знак невыразимой щенячьей признательности лизнуть в лицо!

Быстро выздоравливающий щенок крутил, не переставая, от удовольствия маленьким хвостиком, напоминающим пропеллер, и с радостным лаем кидался на всякого, кто отмечал его своим вниманием! Несмотря на то, что взрослые, прознавшие о «Найденыше», периоди-

чески пытались выгнать песика за территорию лагеря (что вызывало просто взрывы детского негодования!), судьба его сложилась на редкость благополучно. В конце смены одна из девочек уговорила своих родителей, и те позволили ей забрать полюбившегося всем озорного разбойника с собой.

Но вернемся к нашим мальчишеским проказам. Помимо зубной пасты, у нас имелась еще целая куча всевозможных способов разнообразить свой ночной досуг в пионерском лагере. Это и подвешенное над дверью ведро с водой, которое обрушивалось на «всяк сюда входящего», и ползающая по темным коридорам нежить в виде упырей и привидений с фосфорными глазами, и переливание над спящим бздунишкой воды из разных емкостей, от звука которой он непременно должен был описаться, и связывание в одну бесконечно длинную гирлянду одежды ничего не подозревающих товарищей, и торжественный вынос какого-нибудь сонного счастливого на кровати в девичий туалет. А также множество других смешных и не очень забав, на которые всегда так горазда была пионерия!

Или взять, к примеру, один из самых веселых детских праздников – День Нептуна! Это был как раз тот редкий и прекрасный случай, когда весь пионерский лагерь вдруг неожиданно сходил с ума! Еще недавно примерные, пионеры, с помощью вымазанных сажей лиц, искусно задрапированных тряпок и тому подобных нехитрых уловок, внезапно превращались во всевозможных чертей, русалок, пиратов и прочую пиздобратию из живописной свиты Нептуна!

Роль же самого хозяина океанических глубин играл, как правило, начальник пионерлагеря, который, нацепив на себя бороду с короной и восседая где-нибудь на берегу местной речки-вонючки, покорно дожидался, когда слетевшие с катушек от неожиданного сабантуя пионеры, окунут его и других, таких же обреченных на издевательство вожатых в мутные, канализационные воды рахитичного ручейка...

Но главной и совершенно безальтернативной в плане всеобщей популярности у нас считалась игра «Зарница» – это был, как сказали бы сегодня, безусловный хит любой смены в пионерском лагере! В чем заключался смысл этой игры? Рассказываю! Для начала абсолютно все детское население лагеря делилось на две равноценные команды – синих и красных.

Затем по названию армий на рукава всем играющим нашивались погоны соответствующей расцветки. Задача команды состояла в том, чтобы, обнаружив штаб противоборствующей стороны, захватить главную реликвию врага – его боевое знамя! При этом все солдаты противника подлежали безусловному уничтожению посредством срывания с них вышеозначенных погон!

Девчонок до этой бойни, как правило, не допускали – их, всем скопом, записывали в медсестры, и они должны были с помощью йода и зеленки врачевать многочисленные царапины «бойцов», полученные ими в «жестоких сражениях». Но чаще всего плутовки просто зарисовывали зеленкой под хохлому не понравившихся им мальчиков.

Собственно, в погонах, как в яйце у Кощея, и заключалась жизнь маленького солдата. Одна сорванная нашивка подразумевала ранение бойца – при таком раскладе он еще мог оставаться в строю, правда, обязан был перейти с бега на ходьбу. Если же ему отрывали два погона, то тут уже делать нечего – «гибель» пионера означала, что он должен немедленно покинуть ряды играющих и отправиться, в качестве вознаграждения за провальную игру, чистить картошку на лагерную кухню.

Играя в «Зарницу», я всегда выбирал себе самую рискованную роль разведчика. Во-первых, мне очень нравилось, что он не ходит строем, как другие солдаты, а все время действует один, находясь на самом острие атаки! Во-вторых, я ужас как любил появляться там, где меня не ждали, а мои попытки пробраться незамеченным в тыл противника и разведать место нахождения вражеского штаба, казались мне верхом героизма!

Но иногда чувство меры отказывало мне и я, вопреки всякому здравому смыслу, ввязывался в несвойственные для разведчика рукопашные схватки с превосходящими, так сказать,

силами супостата. Вместо того, чтобы попытаться захватить флаг, я отважно бросался в самую гущу своих соперников и начинал буквально бесчинствовать, уничтожая живую силу врага! В конце концов, изорвав в клочья с десятков чужих погон, я лишился и своих.

В общем, целый день ошалевшие от «всамделишной войнушки» дети носились по территории лагеря и за его пределами, отчаянно пытаясь «поубивать» друг дружку. Заканчивалась же вся эта история обычно всеобщим побоищем, что-то типа «Царя горы», в котором принимали участие даже те, кто согласно правилам, не имел на это никакого права. И я, нейтрализовавший к тому времени кучу солдат противника, да еще и сам лишившийся погон, лез в первых рядах штурмующих...

Да, прекрасное было время! Единственное, что мне не нравилось в лагере – это его пионерская составляющая. Ведь каждый день не знающие жалости вожатые мучили детей двухразовыми, утренними и вечерними, линейками, заставляя несчастных пионеров и ни в чем не повинных октябрят то поднимать, то опускать флаг на высокой мачте. Кроме того, существовали еще всякие сборы «совета дружины», пионерские речевки, кричалки и прочая тряхомудия, которая также не доставляла никому большой радости. «И чего они так издеваются над бедными детьми?! – озабоченно думал я. – Зачем нам все эти «Взвейся, да развейся!», будь они неладны! Неужели нельзя дать ребятам возможность отдыхать спокойно без этого дурацкого официоза и пафоса?!».

В ту смену, о которой пойдет речь, вожатые вообще, будто с цепи сорвались! Словно задались целью максимально закрепить нас, своих подопечных. Они разработали такой насыщенный план совершенно не нужных нам мероприятий, что мы и вздохнуть свободно не могли! Каждодневные сборы, собрания, обязательные политинформации совсем замурыжили ребят. Прибавьте сюда еще изматывающие хождения строем (которые мне в интернате опротивели хуже горькой редьки!) и тогда вам станет понятно наше состояние.

Одним словом, мне все это так надоело, что я решил подбить пацанов к неповиновению и поднять супротив вожатых настоящее восстание! В этот момент я представлял себя кем-то вроде любимого мною Спартака, призвавшего гладиаторов на бунт против римских рабовладельцев! Весь тихий час мы писали листовки собственного сочинения, в коих указывалось на невозможность более подчиняться тиранам и на необходимость самой беспощадной войны с антигуманными порядками!

Борьба наша этим не ограничилась: стащив из всех палат тумбочки, кровати и стулья мы построили еще и баррикаду, которая у нас, на мой взгляд, весьма недурно получилась. Во всяком случае, когда вожатая вошла в палату и увидела нагроможденную друг на друга мебель с торчащими из-под нее вениками, напоминающими дула пулеметов, а над всем этим грозным сооружением – развевающийся на швабре красный галстук – ее чуть кондрашка не хватила!

Но и на этом я не успокоился, ведь «нет нам покоя, ни ночью, ни днем»! На лагерном конкурсе песни я подговорил беспрекословно подчинявшихся мне ребят, и вместо обычной пионерской банальщины, типа: «Вместе весело шагать по просторам, по просторам», отряд вдруг грохнул на весь лагерь во все тридцать три своих луженых глотки: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов. Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой вести готов!». Надо было видеть позеленевшие от злости лица вожатых в эту минуту – они никак не ожидали от нас такой невообразимой наглости!..

А вообще, чем занять свободное время празднующихся на отдыхе ребят? Затосковавшему от безделья ребенку обычно предлагалось найти знакомые буквы в книге, выданной библиотекарем, получить по шее так и не поднятой штангой в спортзале, «позолотить» свои «коряги» в кружке «умелые руки». Вот, пожалуй, и все, что могли предложить нам отвечавшие за правильно организованный досуг вожатые.

Короче говоря, делать в пионерском лагере было решительно нечего. А иначе, как объяснить то, что мы, спрятавшись за стендом «Пионер – всем пример!», принялись весело обки-

дывать рассыпчатыми камушками группу девочек, которые не без удовольствия огрызались в ответ. В кадржном запале мы и не заметили, как к этой суетливо щебечущей кучке подошел вожатый. И еще одна порция земли опустилась на их головы.

В ту же секунду увидев выражение лица «дяди Коли», – а оно ничего хорошего не предвещало, – мы поползли за ближайший куст. Но было слишком поздно! Львиное рычание потерпевшего застало нас как раз в тот момент, когда мы лихорадочно пытались вытолкнуть друг друга из единственного убежища.

Спустя немного времени, мы уже сидели в вожатской Николая Васильевича. Вернее, сидел только я, а братья Зарудины стояли с подушками на вытянутых руках и не смели засмеяться. Хотя обстановка того стоила. Вожатый Коля, злобно гримасничая и непрерывно жестикулируя, заставил меня написать приблизительно следующее заявление:

«Начальнику пионерского лагеря «Солнечная поляна» (фамилию за давностью лет не помню). Я, Олег Сукаченко, прошу выгнать меня из лагеря, так как я, такого-то числа сего года, обкидал вожатого первого отряда Николая Заболотного обломками кирпичей, и чуть было не пробил ему голову! Считаю подобное поведение недостойным звания октябренька и настаиваю на своем безусловном отчислении из «Солнечной поляны». Никаких претензий к администрации лагеря не имею. Дата, подпись».

«Но это же ложь!» – пытался поначалу протестовать я. – «Никаких кирпичей не было! Мы бросались в вас обычной землей!». «Поговори мне еще!» – прикрикнул на меня дядя Коля, но я продолжал возмущаться: «Мне что, больше делать нечего, как писать на себя закладную?!». «А у тебя нет другого выхода! Коля скоро ты, маленький гаденыш, научился шkodничать, привыкай и отвечать за свои поступки!».

В общем, мне пришлось подчиниться грубой силе и возвести на себя всю эту немислимую напраслину! Затем, ощутив тяжесть вожатской подушки, я понял, почему так нетерпеливо переминались с ноги на ногу мои несчастные сообщники. А они, с большим облегчением опустив этот груз, дрожащими руками написали по точно такому же заявлению на брата.

Из лагеря нас, разумеется, не выгнали, а вот на перевоспитание в 1 отряд к вышеупомянутому дяде Коле все же отправили. Но нет худа без добра! Помню, с какой любовью и нежностью встретили нас там старшие девчонки-пионерки. Они принялись всячески опекать «без вины виноватых малышей», и весь остаток лета мы жили с ними, как у Христины за юбкой...

Как это не покажется странным, но мне нравилась та особенная минута, когда я после долгого отсутствия возвращался из пионерского лагеря к себе домой. Интернат, конечно, не был в строгом смысле домом – никакого уюта, доброжелательности и уж тем более любви там отродясь не наблюдалось.

Но все равно это щемящее ощущение пусть и не совсем родных, а все-таки своих, близких стен присутствовало. Что не говори, а я к ним привык, со временем они стали мне даже не безразличны. Так, наверное, уголовник, просидевший всю жизнь в тюрьме, с ностальгией вспоминает о ее решетках.

Вроде и не за что было любить детдом, но вот ты идешь к нему по чуть припорошенной осеней листвой дорожке, вдыхаешь запах свежееокрашенных корпусов, слышишь приветственные возгласы своих друзей, которых не видел целое лето, и по которым успел соскучиться, и тебя вдруг накрывает такая теплая волна эйфории, что в горле начинает першить. Ведь было же, было даже в этом суровом заведении, не терпящем сентиментальности, что-то хорошее, милое твоему сердцу и дорогое!

Я знал, что вскоре это чувство пройдет, и все мы окунемся в самую обычную, серую детдомовскую жизнь, где нет места ни ласковому слову, ни добрым мыслям. Но всякий раз потом, приезжая из лагеря, я пытался поймать, уловить это настроение, которое испытал однажды. После разлуки с интернатом мне хотелось вызвать его на откровенность, пробудить в нем чело-

веческие чувства, но он только лязгал железными засовами в ответ и все больше ошетикивался решетками.

Глава 13

Пролетая над гнездом психушки Из народного творчества

Когда я был маленький, я думал, что никогда не умру. Вернее, я даже не знал, что смерть существует. Мне казалось, что раз уж я родился, то буду жить вечно. Также будет светить солнышко, зеленеть травка и добрая нянечка (про злую мне думать не хотелось) все также будет читать нам сказки, и класть конфеты под подушку. Такой представлялась мне жизнь.

Какого же было мое потрясение, когда я узнал, что все люди смертны, что всех нас ждет одинаковый и неминуемый финал, и мы появляемся на свет лишь для того, чтобы умереть! Это был первый серьезнейший удар в моей жизни, если, конечно, не считать все предыдущие. Целую ночь я мучился, с ужасом представляя, как я вырасту, состарюсь и, в конце концов, умру...

«Как это я есть, есть, есть и вдруг – меня нет?!» – обескуражено размышлял я. – «А куда денутся мои руки и ноги? Сгниют в земле?!». От этих мыслей становилось еще горше. «И что, я совсем ничего не буду видеть, и даже слышать? И от меня ничегошеньки не останется?! Так, где же справедливость, спрашивается?!».

Меня вдруг с головой накрыла страшная мысль о зияющей где-то пустоте, в которую я должен буду провалиться, как в таинственное «никуда» – жуткое, по моему тогдашнему разумению состояние, уготованное человеку после смерти. И мне стало безумно жалко себя – такого маленького и беспомощного, который, не успев еще начать жить, уже должен переживать по поводу того, как ему умирать.

Но больше всего меня поразило то, что даже после моей смерти жизнь на земле не собирается останавливаться и капитулировать. На смену одним людям обязательно народятся другие – только меня уже не будет. Я никак не мог понять, это что же получается: «Я умру – а все останутся?!». Согласитесь, здесь было от чего расстроиться и огорчиться! Далее на столь мрачные темы я уже думать не мог, поскольку это было недоступно моему детскому сознанию.

Утром, когда солнечный свет залил спальню, я немного приободрился. Во-первых, эта мерзкая старуха смерть придет еще не скоро! Сейчас мне только шесть лет, а жить я буду до ста – так мне сказали взрослые (человек живет век). Во-вторых, к тому моменту, как она поступится, я уже вырасту и ничего бояться не буду (взрослые бесстрашные). Ну а, в-третьих, мы сегодня будем лепить радостные фигурки людей из пластилина. Так что, жизнь продолжается!

Уже много позже, проезжая однажды случайно мимо какого-то кладбища, я подумал: а какую эпитафию мне хотелось бы обнаружить после смерти на своем могильном камне? Чему-нибудь простому, типа «Любим, помним, скорбим» я бы все-таки умиляться не стал – слишком заезжено и банально это смотрится. Может лучше «Не поминайте лихом!» или «Скоро увидимся!»?

Потихонечку развеселившись, я начал придумывать всякие лаконичные и смешные надгробные строки, которые очень подняли мне настроение. Загибаловка уже не казалась мне таким стремным делом, и это, на мой теперешний взгляд, самое правильное отношение к тому, чего, увы, не миновать. Ведь как верно заметили еще наши предки: «Пока мы есть – смерти нет. Когда она придет – нас не будет»!

Одним словом, мое отношение к смерти с тех пор кардинальным образом изменилось. Я уже не цепенею от мысли, что «может быть и скоро мне в дорогу бранные пожитки собирать». Зато у меня появились другие вопросы: «Ради чего я живу? Зачем вообще нам дарована жизнь – этот бесценный подарок небес?». Очень не хочется, знаете ли, чтобы в прощальную минуту обо мне сказали: «То, что этот человек умер, еще не означает того, что он жил»...

Но вернемся к нашему повествованию. Во втором классе я вдруг резко слетел с катушек. То ли от того, что мне стало страшно скучно учиться (ведь я уже все, как мне тогда казалось, знал), то ли по причине моего строптивого и вспыльчивого характера, но я начал в наглую дерзить откровенно ненавидящей нас училке – Елене Николаевне.

Она также, как и воспиталка Раиса Борисовна, не стеснялась озвучивать свое истинное к нам отношение. Это вообще был, как я теперь понимаю, такой педагогический прием в интернате – оскорблять детей считалось делом не только само собой разумеющимся, но и необходимым. Наверное, для того, чтобы мы никогда не забывали, какими редкими мудаками с рождения являемся.

Елена Николаевна, надо признать это прямо, вела свои уроки довольно эмоционально. «Тупицы» у нее было самое ласковое для нас слово. Она все время орала, бегая по классу, после чего, подустав от своих же криков, говорила нам, своим ученикам: «Нет, ну это невозможно просто работать! Вам же что в лоб, что по лбу – все едино! И кто вас только, таких уродов, понарожал?!». Уроды сидели и понимающе улыбались. Они уже привыкли к подобному обращению и их мало что смущало.

Вечно чем-то недовольная Елена Николаевна очень любила вызвать какого-нибудь ученика к доске и начать его публично унижать перед всем классом. Типа: «Вы только посмотрите на этого бестолкового идиота! Мало того, что тупой, как пробка, так еще и сидит, ушами хлопает! Ты вообще, учиться собираешься, debil конченный?!».

Перед глазами всплывает весьма распространенная в мои школьные годы картина: строго поглядывающая на нас Елена Николаевна ходит по классу и диктует диктант. В руках у нее увесистая деревянная линейка, которую она, если того требует обстановка, незамедлительно вводит в действие, в качестве убедительного аргумента.

Кстати, линейка, на которую мы с таким уважением смотрим, у Елены Николаевны уже третья (с начала года) – две предыдущих она благополучно сломала о наши спины. Вот и сейчас, сверкнув в воздухе, как саблей, своей длинной линейкой, училка обрушивает ее на чью-то многострадальную спину. Классический удар! А злобная преподавательница идет дальше, зорко оглядывая все вокруг. Урок продолжается.

В другой раз Елена Николаевна, напротив, требовала от нас абсолютной, мертвой тишины. «Считаю ровно до трех! Заткнулись все, дегенераты! Я должна слышать, как пролетает муха в классе!» – кричала она нам. Все тут же испуганно замолкали, переставая шептаться и даже забывая дышать.

И тут я взрывался от дикого возмущения и резким ударом ноги переворачивал парту, которая с невероятным грохотом летела на пол! Представляете, какое ошеломляющее впечатление производило это на нашу мучительницу? Елене Николаевне хотелось насладиться пролетом мухи, а какой-то малолетний дятел устраивал ей полет парты!

Я и сейчас не смогу объяснить, зачем я это делал. Может и вправду был редким придурком, как она всегда утверждала, а скорее всего, во мне просто таким, довольно своеобразным, если не сказать экзотическим способом, проявлялось чувство собственного достоинства и тяга к справедливости. В конце концов, должен же был кто-то дать понять этой дуре, что она не права!

Вообще отличительной чертой моего характера с самого раннего детства было невероятное упрямство. Будучи по природе своей бунтарем, я терпеть не мог подчиняться, и любая попытка стреножить меня приводила к печальным результатам. Как бы то ни было, мои неоднократные усилия с помощью летающих парт хоть как-то раскрепостить запуганный класс, заставить ребят вспомнить о самоуважении, оканчивались для меня весьма плачевно.

Елена Николаевна сначала вздрагивала, пару секунд ошарашено смотрела на меня, а потом очень резво подбегала и со всего размаха лупила учебником по голове – на крепость

линейки она уже не надеялась. «Я тебе, сука, сейчас покажу, как уроки срывать!» – истерично визжала училка, продолжая охаживать меня всем, что только не попадалось ей под руку.

Страшно вспомнить, сколько о мою бедную репу было разбито линеек, пеналов, учебников и даже книжных полок! Все оказалось без толку – такая наука мне не давалась. И, в конце концов, меня, как неисправимого хулигана, подающего дурной пример окружающим, было решено отправить на перековку (куда бы вы думали?) в детскую психиатрическую больницу, именуемую в просторечии, психушкой!

Надо сказать, что в советское время это было обычным, чуть ли не житейским делом. Стоило какому-нибудь детдомовскому ребенку начать проявлять свой характер и перестать соблюдать установленный в интернате порядок, как его тут же оформляли в психушку. Типа, пусть полежит там, в окружении таких же, как и он, раздолбаев! Подумает над своим поведением! Такая, знаете ли, изощренная педагогическая месть, трусливое и подлое наказание со стороны всемогущих взрослых маленькому бунтовщику за его своеволие и непокорность...

Я уже писал выше, что «учительница первая моя» была редкой мерзавкой, и как бы жестко это ни звучало, другого слова подобрать, к сожалению, не могу. Мало того, что она постоянно избивала нас в классе, так еще и отправляла самых неугодных ей в психушку, возводя эту порочную практику в целую систему физического и морального давления на учеников.

Елена Николаевна все время пугала нас: «Будете плохо себя вести – поедете у психов слюни подтирать!». И очень часто претворяла свои угрозы в жизнь. Таким образом, она добивалась, как ей казалось, должного послушания, да и просто «отдыхала» от ребенка, который, по ее мнению, доставлял ей слишком много хлопот.

Я не думаю сейчас о себе – меня жизнь только закалила, но когда я вспоминаю, как много нормальных, в общем-то, детдомовских ребят сгноили по психушкам только потому, что каким-то сволочам не понравилось их поведение или оценки в школьном журнале – мне хочется спросить у этих, так называемых педагогов: «Вы вообще понимаете, что совершали должностные преступления?!».

Воспиталки никогда напрямую не говорили детям, что отправляют их в психбольницу. Обычно все это камуфлировалось под «поездку в санаторий» и детдомовцы, громко визжа от радости (отдых в настоящем санатории казался им пределом всех мечтаний!) сами бежали в автобус, который отвозил их в пыточную! Спустя какое-то время ребят возвращали обратно в интернат, и смотреть на них было страшно...

Раздувшиеся от напичканных в них лекарств, заторможенные и не реагирующие на внешние раздражители, с абсолютно отсутствующим, бессмысленным взглядом и заплетающимся языком, они больше походили на каких-то «овощей», нежели на людей – «отдохнули», одним словом! Проходило достаточно долгое время, прежде чем пацаны возвращались из этого, совершенно невменяемого состояния, в свое обычное, нормальное расположение духа.

Интересно, что когда меня привезли в желтый дом, то никаких других ребят, кроме детдомовских, там не было. Вы спросите, почему? Да все по той же причине – потому что за сирот заступиться некому! Вот и набивали ими психушку, как бочку селедкой. С точки зрения сегоднешнего дня, заточение нормальных детей в столь жестоком и мрачном месте – есть ни что иное, как нарушение прав ребенка, противозаконное издевательство над ним! Но кто тогда вообще думал о правах ребенка, тем более, лишенного попечения родителей?..

Загреметь в психушку, в принципе, мог каждый. Ссысься по ночам или не в ладах с учебой – будь готов к вполне вероятной «госпитализации». Ну а уж мне, человеку, который восстал против злобной учительницы, сам Кашенко велел прибыть на диагностику. Честно говоря, у нас чуть ли не четверть ребят прокатилась в этот «санаторий» – притом, что никто из них психом, конечно же, не был – максимум хулиганом.

Хорошо, допустим, я и в самом деле грубил Елене Николаевне, ломал парты и кричал, что засуну указку ей в жопу, если она не перестанет издеваться над нами. Но вместе со мной

в психушку отправили паренька, который просто хотел убежать из интерната. Воспитатели посчитали, что это – какая-то нездоровая фигня, которую надо лечить уколами. И действительно, какой нормальный ребенок будет мечтать скрыться от таких хороших учителей?..

А помните того малахольного мальчика Сережу, который качался из стороны в сторону на своей кровати и бился головой о ее железную спинку? Так вот, он вообще из психушки не вылезал – таким образом из него пытались вытравить эту дурную привычку. Был, правда, у Сережи еще один грех. Однажды он умудрился избить девочек, которые, поймав божью коровку, как обычно загадали ей: «Улети на небо, принеси нам хлеба, черного и белого, только не горелого!». Бедные девочки и представить не могли, что у парня, который случайно оказался рядом с ними, фамилия как раз была – Горелый. За что и поплатились.

Но перенесемся в обитель несчастных психов, и тех, кому назначено было ими стать. Из нашего интерната туда привезли целую группу отъявленных хулиганов, которых еще только предстояло как следует обломать или, другими словами говоря, привести в полное соответствие с требованиями интернатского общежития...

Помню, что при входе в психушку была установлена старая деревянная лошадка-качалка. Никогда до этого не выдавший такой большой игрушки, я сразу же без спроса вскарабкался на нее и радостно закричал: «И-го-го! Тыгы-дык! Тыгы-дык!». Встречавшая нас врачиха тут же решила, что я – долбоеб, да еще и с припиздью. То есть – ее пациент!

Она схватила меня за руку и стащила с лошадки, а затем, поставив прямо перед собой, спросила: «Ну-ка, расскажите, молодой человек, как вы себя чувствуете?». Я простодушно ответил ей, что, хреново, пояснив при этом, что меня обещали отправить на отдых в санаторий, а привезли зачем-то сюда, в больницу. Она окинула меня долгим, испытующим взглядом, как смотрят обычно психиатры на своих жертв. Дескать, «знаем мы вас, ебанутих». А сами-то, если разобраться, ебанаты еще те! (Эх, не получается у меня писать об этом без мата).

Ведь в психушке, как известно, кто первый халат нацепил – тот и доктор. Хотя, на самом деле, врачи там куда хуже пациентов! Они что, не видели, как горемычных детдомовцев намеренно загоняют в больницу, чтобы мучить и пичкать их запрещенными препаратами? Видели, конечно! Но считали, что все это в порядке вещей, что так оно и должно быть...

В первый же день медсестра заявила, что «пора бы поставить укольчики», и я, не ожидая подвоха, спокойно лег на кушетку. Она вкатила мне несколько кубиков какого-то «лекарства», после чего ноги мои налились свинцовой тяжестью, а в голове неприятно зашумело. В следующий раз, памятуя о том, какие отвратительные ощущения у меня вызвали уколы, я наотрез отказался их делать! В ту же секунду две жирные санитарки, стоявшие наготове, принялись выламывать мне руки!

Я пытался, конечно, сопротивляться и кричать, но что мог поделать с тремя монструозными тетками маленький второклассник?! Эти страхолюдины быстро скрутили меня, привязали за руки и за ноги к кровати, и всадили в жопу еще один, очень болезненный, укол! Через несколько дней я уже не мог сидеть нормально, потому что задница моя буквально горела от боли, а на месте уколов образовалась кровавая корка...

Самое ужасное, что кололи эти паскуды в одни те же места, в которые не то, что иголку воткнуть – до которых дотронуться было нельзя! И, тем не менее, садистки медсестры, невзирая на мои истошные вопли, каждый день делали свое черное дело, превратив мою пятую точку в одно сплошное кровавое месиво! Все это очень походило на изощренные пытки в каком-нибудь детском концлагере, да, собственно, ими и являлось!

Как я ни старался крепиться и проявлять твердость духа, но время от времени упаднические настроения и мысли буквально ломались в мою черепушку. «Ну, почему я такой несчастный? За что мне все это?! – думал я, горько размышляя над своей незадавшейся с самого начала жизнью. – Говорят, что дети расплачиваются за грехи своих родителей, но почему мы

должны отвечать за то, чего не совершали?! Кто-то вообще спросил нас – хотим ли мы тащить на себе весь этот груз чужих ошибок и преступлений, и способны ли его вынести?!..

Нам и так уже не повезло с рождения, а нас еще мучают всякими интернатами и психушками! Хорошо, конечно, наши родители устроились: понасаждали детей в детдом и ебись все конем! А нам теперь барахтайся во всем этом дерьме!» – понятно, что слова у меня, обиженного восьмилетки, в голове крутились другие, но общий их смысл и тон был чернее тучи. Я понимал, что долго здесь не выдержу – надо было что-то срочно предпринимать...

Обычно в психушку, если не считать собственно психов, закрывают людей, которые рассчитывают откосить от армии или избежать уголовного наказания. Они изображают из себя свихнувшихся на какой-нибудь почве безумцев, стараясь прикинуться либо томиком Пушкина, либо тортом «Наполеон». Я же, будучи совершенно бесхитростным ребенком, пытался выдать себя за нормального. Вернее сказать, я и был самым обычным парнем, только хулиганистым. Но здесь решил вести себя образцово-показательным образом, чтобы недолго радовать своим присутствием звероподобных санитарок.

И это было абсолютно правильное решение! Потому что любое мое недовольство, даже если я был тысячу раз прав, воспринималось в психушке, как некое обострение, которое должно незамедлительно караться обезоруживающим уколом, способным наглухо вырубить не то что какого-то сопляка, но даже и взрослого человека. А вот этого, как раз, мне хотелось менее всего!

В больнице я взял за правило ни с кем не ссориться, общался со всеми подчеркнуто вежливо, более того – даже ласково, что в принципе мне не очень свойственно, а разговаривая с тамошним демоном-главврачом, ненавязчиво давал ему понять, что он совершил страшную ошибку, пойдя на поводу у детдомовских воспиталок и замуравив меня в своем мрачном заведении.

Во время обхода, на вопрос доктора: «Ну что, мои маленькие друзья, есть ли у вас какие-нибудь проблемы, пожелания?», я ему всегда говорил: «Отвезите меня в интернат, пожалуйста». Он удивленно косился на меня поверх своих треснувших очков: «Вот те раз! Не успел приехать, а уже обратно просишься! Полежи немного, отдохни. А мы посмотрим на твое поведение». В общем, мудаковатым оказался врач, так что мне пришлось, супротив моей воли, немного подзадержаться в больнице.

В принципе, ребята в психушке все были нормальные, они ничем не отличались от своих сверстников в обычной школе (может, просто научились уже к тому времени шифроваться?). Я помню только двух явно нездоровых супчиков, которые производили на меня тягостное впечатление. Один все время ходил по больнице и орал, не затыкаясь: «Милиииииция! Реанимаааация!». А другой активно поедал цветы (горшки, из которых они росли, правда, не трогал), да рисовал какие-то замысловатые картины на стенах. И все бы было ничего, если бы он не использовал для этого собственные экскременты.

Но угадать, что сей художник от слова «худо» намалевал своим говном, было невозможно, поскольку санитарки очень быстро все эти художества его же, простите, рылом и вытирали. Черт его знает, может сегодня из него вырос какой-нибудь известный абстракционист – они ведь тоже любят лепить свои инсталляции из дерьма, где ни попадя. Именно тогда я впервые понял, что означает выражение «говнистый парень»...

Воспиталок в психушке называли «наблюдалками», поскольку они всегда секли всю поляну и неотступно наблюдали за всеми. Контроль там был еще жестче, чем в интернате. Наблюдалки сопровождали тебя везде: в столовой, в процедурной, в туалете. Но даже при такой тотальной слежке я пытался как-то хитрить.

Касалось это, в первую очередь, порошков и пилюлей, которые нас постоянно заставляли пить. Санитарки цинично называли их «витаминками». Я сразу понял, что именно они делают меня вялым, заторможенным и ко всему апатичным, а потому старался при любой возможно-

сти от них избавиться. Однажды наблюдалка заметила, как я выплюнул таблетку, и подняла страшный кипиш: «Ты что же это, сволочь, добро переводишь?!». На что я ей ответил: «У меня от ваших витаминок скоро голова на хрен отвалится! Сами жрите свои таблетки, если они вам так нравятся!».

Меня и вправду там вскоре так «залечили», что я разговаривать толком не мог: ходил все время в жутко сонном состоянии, будто пыльным мешком по голове пришибленный и поворачивался к собеседнику лишь спустя минуту после того, как он меня окликал. Короче, из нормального, живого мальчишки превратился чуть ли не в дауна!

Спасло меня то, что где-то недели через две-три в интернат приехали дядя Вася с тетей Лидой и, обнаружив полное отсутствие всякого моего там присутствия, закатили грандиозный скандал. Дескать, «Ироды, куда дели ребенка, признавайтесь!». Детдомовским педагогам пришлось нехотя сознаться, что они отправили меня в психушку. Но прошла еще пара месяцев, прежде чем родственники смогли выдернуть меня из желтого дома – эта ужасная больница, как ядовитый паук, не хотела отпускать свою жертву!

Интересно, что в психушке учебная программа была сильно облегчена, и я за все свои школьные годы никогда не учился так блестяще, как там. Только представьте: по всем абсолютно предметам у меня были одни круглые пятерки! Я шел на золотую психиатрическую медаль! Местная учительница билась в педагогическом экстазе и удивленно закатывала глаза к небу – как такого хорошего и умного мальчика могли заточить в столь нехорошую и безумную лечебницу?! Но моя эйфория по поводу собственных ученических способностей развеялась сразу же по возвращению в интернат – я понял, что безнадежно отстал от обычной школьной программы и меня, скорее всего, оставят на второй год. Так оно и случилось.

Глава 14

Будь веселым, дерзким, шумным!

Драться надо – так дерись!

Из «Песни черепахи Тортиллы», на слова Юрия Энтина

Конечно же, я очень расстроился. Само определение «второгодник» уже как бы подразумевало некоторую мою неполноценность по отношению к другим ученикам. Выходило, что я не смог с ходу взобраться на вершину ученического успеха и теперь буду принужден штурмовать опротивевшую горку еще раз, в то время как мои одноклассники уже побежали дальше, к такому желанному школьному финишу. Но как же я ошибался!

Во-первых, у меня были извиняющие меня обстоятельства, о которых я уже написал выше. Во-вторых, (и это самое главное!) ничего плохого, кроме хорошего, в моем оставлении на второй год не было! Говорю это со знанием дела, как человек, которому посчастливилось два срока просидеть в одном и том же классе. Ведь на самом деле это означало лишь то, что к прекрасной поре моего детства добавился еще один год. Представляете, целый год до того момента, как я выйду в скучную и неинтересную взрослую жизнь!

Вот почему я даже где-то завидовал ребятам, умудрявшимся по два-три года сидеть в каждом классе – были у нас и такие уникалы, которые все никак не могли расстаться со школой и, быть может, иногда намеренно оттягивали трепетный момент прощания с нею. Так что не торопитесь взрослеть, ребята – оставайтесь на второй год при каждой удобной возможности!

Еще одним бонусом, полученным мною как второгодником было то, что в новом классе оказались на редкость прекрасные педагоги, являвшиеся абсолютной противоположностью предыдущим злодейкам. Мою новую учительницу звали Мария Дмитриевна, а воспитательницу – Лариса Валерьевна, и объединяло их одно, просто невероятное для нашего интерната достоинство – они никогда не поднимали на нас, своих учеников, руку! Да что там руку – голоса ни разу не повысили! Это было так поразительно, что мы, неразумные дети, тут же не преминули их добротой воспользоваться, о чем еще будет подробно рассказано в своем месте...

Но самым большим выигрышем для себя я считаю приобретение нескольких верных и добрых друзей (дай бог им здоровья!), а также одного злейшего врага, который, как это ни странно, очень многому научил меня в жизни, за что я ему совершенно искренне благодарен. Начну, пожалуй, с последнего.

Как известно, ни один детский и даже взрослый коллектив не обходится без хотя бы одного *enfant terrible* – ужасного ублюдка, который своим, из ряда вон выходящим поведением, заставляет напрягаться всех окружающих. Что уж там говорить про детский дом, где количество маленьких ублюдков (по определению интернатских воспиталок) превышало всякую разумную концентрацию на один квадратный метр. Но был в нашем новом классе редкий, я бы даже сказал необычайный гаденыш, который мог дать фору всем остальным! Звали его Витька Косой.

Вообще-то фамилия его была Кособрюх, но по тогдашней интернатской моде мы обрезаем у него брюхо и оставляли просто Косым – с этим погонялом он и вошел в историю нашего детдома. Так вот этот Витя Косой являлся поистине хрестоматийным негодяем! Его, как говорится, хлебом не корми – дай совершить какую-нибудь подлость! Он постоянно на всех обзывался, плевался, провоцировал драки, распускал всевозможные сплетни за глаза, плел коварные интриги и строил мерзкие козни – одним словом, делал все, за что в порядочном обществе можно получить в морду!

Проблема заключалась в том, что Косой был переросток – на два года старше любого из нас – а в детском возрасте, сами понимаете, это такая пропасть, через которую не каждому

дано перепрыгнуть. Поэтому рыло ему начистить было некому, хотя, повторюсь, он этого очень заслуживал! Буквально напрашивался на опиздюливание! Единственный в классе, кто иногда брался за это нелегкое, но справедливое дело, был я.

Хорошо помню нашу первую драку, инициатором которой, как и всех последующих, впрочем, являлся Косой. Не успел я зайти вечером в палату, как тут же услышал его противный гнусавый голос: «Эй ты, новенький! Ну-ка, подь сюда!». Смотрю, какой-то долговязый хмырь вальяжно разлегся на кровати и что-то нагло гундосит в мою сторону. Ну, я ему, значит, и отвечаю: «А у тебя что, ноги отнимутся самому подойти?». В палате сразу стало тихо, и все ее обитатели заинтересованно уставились на меня – что же будет дальше? Ведь так с Косым еще никто не разговаривал!

Этот чудик и сам понял, что столь дерзким ответом я поставил под сомнение весь его авторитет среди школоты, и надо как-то реагировать на вызов. Он вскочил с кровати и развязанной походочкой подошел ко мне. «А ты чего такой борзой? Давно пизды не получал?!». Я отступил на пару шагов и сжал кулаки: «А она у тебя есть, что ты мне ее предлагаешь?». Косой аж присвистнул от такой наглости: «Ребза, да этот новенький, по ходу, охуел!». После этих слов он, сделав вид, что отворачивается, резко ударил меня кулаком в лицо. Не привыкший подолгу оставаться в долгу, я тут же ответил ему тем же – началась знатная молотилка!

Через несколько минут, вдоволь намахавшись кулаками, мы уже стояли окровавленные друг напротив друга, свесив на плечи языки от усталости. Осознав, что не может победить меня в честном бою, Косой принялся кричать мне угрожающе: «Учти, я психованный и за себя не отвечаю!». Но в ответ на это запоздалое признание мне осталось лишь рассмеяться ему в лицо: нашел, кого пугать – я и сам не так давно вернулся из психушки.

С тех пор Косой страшно возненавидел меня и пытался при каждом удобном случае задеть либо словом, либо кулаком. Но я всегда давал ему жесткой сдачи, которая чрезвычайно его выбешивала! Ни с кем в интернате я не дрался так часто, как с Кособряхом, но ему все было мало – чуть ли не ежедневно он продолжал нарываться на конфликты.

Искренне удивляясь идиотской настойчивости Косого, я не мог, вместе с тем, не задаваться вопросом: «А почему он, собственно, так бесился?». Скорее всего, дело в том, что я своим хладнокровным, но неотвратимым возмездием подрывал его хулиганский вес в классе, мешал наслаждаться безусловным лидерством и он делал все, чтобы убрать в моем лице эту досадную помеху.

Кроме того, многократно остававшийся на второй год, Косой высокомерно считал нас всех «мелюзгой», не заслуживающей уважения, и вдруг какой-то молокосос, на несколько лет его младше, начинает очень болезненно отбрыкиваться, да все норовит по лицу попасть – тут было от чего прийти в негодование!

Однажды Косой, подустав, вероятно, разбираться со мной своими руками, решил сделать это с помощью чужих. По его задумке, в одну из ночей ребята должны были устроить мне темную и хорошенько отметелить всей толпой! В качестве же предлога к избиению Косой не нашел ничего лучшего, как обвинить меня в том, что я «болею за коней», в то время, как «обязан поддерживать мясо»...

Дело в том, что тогда в интернате были очень сильны фанатские настроения и детдомовцы делились на тех, кто симпатизировал футбольному клубу ЦСКА и тех, кто «топил» за СПАРТАК. Было еще ДИНАМО, конечно, но большой популярностью «мусора» у нас не пользовались. Я же еще с первого класса, под влиянием моего друга Лехи Акимова, болел за армейцев, и вот это Кособрях поставил мне в вину!

В общем, искусно натравленные Косым долбоебы (это же надо еще умудриться придумать такую дурацкую причину для избиения) с истошными воплями: «Темную ему!», набросились на вашего любимого автора. «Идиоты!» – закричал я им, – Темная – это когда одеяло на голову, чтоб никто не видел, а я вас всех запомнил и урою по одному!». Драчуны в нерешии-

тельности остановились – получать в рожу по отдельности никто из них не хотел. Но тут снова вмешался Косой, который со словами: «Бей Головастого!», повел своих шибздигов в атаку.

Надо отдать мне должное – я сражался, как лев, и отправил на боковую (чтобы не соврать) по меньшей мере, пару человек! Но, как говорится, один в поле не воин. Против десятка пусть даже и маленьких, но вполне себе злобных отморозков, не попрешь. Тем более, когда один из них подкрадывается к тебе сзади и бьет со всей дури стулом по голове.

Стул, разумеется, сразу же разломался, не причинив мне никакого вреда, но наша чересчур впечатлительная воспитательница посчитала своим долгом отвести меня в интернатскую медсанчасть. Я отказывался туда идти, считая полученные в драке травмы безобидными царапинами – Лариса Валерьевна настаивала. «Ты понимаешь, что у тебя может быть сотрясение мозга?!» – озабоченно восклицала она.

В конце концов, ей удалось меня уговорить, и я нехотя поплелся к школьной врачихе. Та, увидев мою окровавленную голову, встревожилась не на шутку: «Что с тобой случилось, мальчик?!». «Воспитательница говорит, что это – землетрясение мозга», – ответил я, как водится, все перепутав. И долго еще после этого не мог понять, почему все взрослые так заразительно смеются. Наверное, они решили, что мне и вправду «встряхнули лампочку».

Честно признаться, я не любил драться, хотя мне и приходилось в интернате частенько это делать. Я был не из тех, кому нравится избивать людей, еще меньше я хотел сам получать по башке, но от опасности, при любом раскладе, никогда не бегал, хорошо усвоив завет мудрой черепахи Тортиллы, который она дала Буратино: «Драться надо – так дерись!». Вот я и дрался, тем более что в детдоме постоянно возникали ситуации, когда нужно было проявлять характер (если он есть) и защищать себя с помощью кулаков в случае необходимости.

В драке я был несколько медлителен, но стоек. Пролить свою и чужую кровь не боялся. Кроме того, меня отличала довольно жесткая манера ведения боя, неплохая выносливость и, в общем-то, при всей моей легковоспламеняющейся вспычивости – присущее любому нормальному человеку великодушие. Лежачих и побежденных я ногами не добивал, наоборот, протягивал руку, помогая подняться. Короче говоря, замечу без ложной скромности, что очень скоро с моими кулаками я заставил в классе считаться всех, в том числе и Кособрюха.

Но давайте уже поговорим и о хорошем. Например, о дружбе. Как она вообще возникает между людьми, тем более, такими маленькими, какими мы были когда-то? Наверное, у нас, как и у всех, появлялась какая-то взаимная симпатия друг к другу, основанная на схожести характеров, ведь подобное тянется к подобному! А порой случалось, что дружба до состояния «не разлей вода» наступала после серьезного конфликта и даже драки.

Скажу больше – иногда бывает полезно хорошенько начистить табло своему товарищу, дабы убедиться в том, что он достоин стать твоим другом! Нечто подобное произошло у нас и с Максом Чудаковым, по кличке Чудак. Поначалу, как это часто бывает у детей, мы умудрились сильно поссориться из-за какой-то чепухи, и сошлись в нешуточной рукопашной! Но, несмотря на победу, мне хватило ума оценить достойное поведение своего противника.

Будучи от природы невысокого роста, Максим не зассал выйти со мной один на один и очень упорно сопротивлялся, доставив мне немало проблем. Я всегда ценил в людях смелость, и такая безрассудная отвага сразу расположила меня к Чудаку. В этом маленьком сорванце чувствовался настоящий бойцовский характер! Кроме того, он не заискивал и не унижался перед Косым, вел себя независимо и ершисто – то есть, исповедовал те же самые принципы, что и я. В довершение всего, как выяснилось, Макс приехал в интернат из одного со мной детского дома, куда его поместили после трагической смерти его мамы. Понятно, что мы не могли с ним не подружиться!

Еще одним человеком, с которым я весьма близко сошелся в интернате, был Сергей Покровский, или Покров, как мы его называли. Незадолго до этого, мальчишку забрали у матери, лишенной за пьянство родительских прав, и заточили в наш «сиротник». Казалось бы

– трагедия, от которой он еще долго не сможет оправиться. Но удивительное дело: благодаря своему легкому и веселому нраву, Серега очень органично вписался в наш коллектив, как будто с самого рождения рос среди детдомовцев.

Помимо присущего Покрову обаяния, (улыбка почти никогда не сходила с его несколько хитроватого, но доброго и открытого лица) Сергей обладал и совершенно редким в наших краях умением располагать к себе девчонок. Пока мы, мрачные нетопыри, пугали их своим грубым и неотесанным поведением, он мастерски ездил им по ушам, влюбляя в себя, одну за другой, всех местных красоток...

В общем, друзья – это, пожалуй, лучшее, что дал мне детский дом! С некоторыми из них я поддерживаю отношения до сих пор. Детская дружба, на самом деле самая крепкая, искренняя и честная! «Почему?» – спросите вы? Да потому, что малыши сходятся друг с другом еще не зная, что такое выгода, корысть и прочие идиотские заморочки, которыми мы так бессмысленно отравляем наше взрослое существование.

Они дружат с человеком, поскольку он им просто нравится, а не для того, чтобы чего-то с него поиметь. Дети не унижают огромную свою дружбу мелочным расчетом – они относятся к ней, как к величайшей и неоспоримой ценности! Вот почему детская дружба так дорога нашему сердцу, и проносится, в случае если нам повезло с друзьями, а им – с нами, через всю последующую жизнь!

Сегодня понятие дружбы как бы поистерлось немного, словно бы даже устарело или вышло из моды. А в наше время не было большего форта, чем найти себе верных и надежных друзей, которые, в случае необходимости, придут тебе на помощь и которых ты, со своей стороны, никогда не бросишь в беде! Ведь с другом можно и в бой смело пойти, и на пиру повеселиться! Он никогда не предаст и не продаст тебя, подобно Иуде.

Потому что, если мы дружим – значит, мы стоим друг за друга стеной: всегда, везде и при любых обстоятельствах! Никто не смеет безнаказанно оскорблять моего друга, говорить о нем что-то дурное и унижительное. Любую подлость против него я воспринимаю так, как если бы она была совершена против меня, и горе тому, кто попытается хоть как-то обидеть моего друга!

Мой друг искренне радуется моим победам и огорчается неудачам! С ним можно говорить обо всем на свете, не опасаясь быть непонятым или ложно истолкованным. Ему не страшно доверить самую сокровенную тайну. Мой друг не завидует, не льстит и не лицемерит, он всегда честен со мной и готов указать на мои просчеты и ошибки. В конце концов, друг мне ближе любого родственника, потому что брат – не всегда друг, а друг – всегда брат!

Глава 15

Хочу все знать!
Название научно-популярного киножурнала

В новом классе учительница уже не называла детей дебилами и не ломала об их головы линейки, поэтому я прекратил швыряться партами и, что называется, взялся за ум. Причем, так резво, что Мария Дмитриевна не могла на меня нарадоваться. «Вы только посмотрите, как прибавил в учебе Олег!» – периодически восклицала она.

Неожиданно вдруг выяснилось (и в первую очередь – для меня самого) что я являюсь обладателем довольно таки редкой памяти – мне достаточно было пару раз прочитать фактически любое стихотворение, чтобы запомнить его на всю оставшуюся жизнь! Чуть более длинные произведения, типа Лермонтовского «Бородино» требовали, конечно, больше времени. Но все равно, часа через два или три не особо интенсивной зубрежки, я уже без запинки декламировал его перед оторопевшими одноклассниками – у них на заучивание аналогичного по объему стихотворения «убивалось», как правило, по несколько дней.

Отчего так происходило? Не знаю. Просто есть стихи (тут я уже не в силах удержаться от приличествующего такому случаю пафоса), которые восхищают, завораживают, потрясают! Их и заучивать не надо – прочитал, а они уже в сердце! Как очарованный странник в сказочном краю Поэзии останавливаешься ты перед этими чудными творениями прекрасной души, не понимая, как возможно написать такое?! Воистину, поэты подобны богам!

Поэтические шедевры Пушкина, мудрые басни Крылова, пронзительные стихи Есенина – все это навечно сохранено и заполировано в моей памяти еще со школьной скамьи. И, слава Всевышнему, как говорится! Но странное дело, распространялась моя хорошая память только на стихи и факты истории. Что же касается всего остального, например, математических цифр или формул, то все это я благополучно забывал, а вот поэзию почему-то помнил крепко. Спросите меня в любое время дня и ночи, и я выдам вам на ура какое угодно стихотворение из своих бездонных запасников. Да так, что от зубов будет отскакивать!

Кстати, у меня с этими стихами произошло одно, очень необычное и забавное происшествие, о котором я вам сейчас расскажу. Однажды на глаза мне попала небольшая книжка, которая стояла на полке для внеклассного чтения. Я внимательно пролистал ее и выписал себе в тетрадку ради небольшой гимнастики для ума несколько понравившихся мне стихотворений, чтобы заучить их чуть позже.

На уроке сидевшая со мной за одной партой вертлявая Катька Самохина увидела эти стихи, и, поразившись их красоте, спросила у меня: «Твои?!». Я, желая подшутить над ней, утвердительно кивнул головой, добавив при этом: «Только никому не говори!». «Да что ты, разве я балаболка какая?!» – обиделась Катька. Каково же было мое удивление, когда уже на ближайшей перемене о том, что я «пишу стихи», знала чуть ли не вся начальная школа! Вот и доверяй после этого секреты болтливым девчонкам...

Что тут началось! На меня свалилась какая-то невероятная (по меркам нашего интерната) слава! Мне даже сделалось немного не по себе. Одноклассники смотрели на меня так, будто увидели перед собой воскресшего Пушкина: «Подумать только, этот мудака пишет стихи!». Кажется, если бы я даже съел кого-то без хрена и соли, они были бы потрясены меньше. А мне уже и неловко стало отказываться от своего «авторства» – это же какое дикое разочарование постигнет всех!

На следующий день ко мне подошла взволнованная Мария Дмитриевна, и с надеждой заглядывая в глаза, спросила: «Олег, ты и в правду пишешь все эти замечательные стихи?». Я не смог расстроить любимую учительницу и скромно потупив взор, прошептал: «Да». Мария

Дмитриевна чуть не грохнулась на пол от переизбытка чувств, и я ее понимаю: согласитесь, не каждой учительнице улыбается такая невероятная удача – обнаружить в своем классе настоящего гения!

Хуже всего было то, что меня стали донимать потерявшие всякую совесть ребята с просьбой написать о каждом из них по поэме. И чтобы непременно по большой! Губа у них была, конечно, не дура! Я и сам уже стал не рад такому повороту событий, и проклял тот час, в который наткнулся на злополучную книжонку. Продолжалась вся эта катавасия до тех пор, пока Мария Дмитриевна к моему, то ли горю, то ли радости случайно не наткнулась на книгу, из которой я выписывал свои «нетленки». «Как, тебя уже печатают?!» – обратилась она ко мне. Так бесславно закончилась моя писательская карьера.

Самое удивительное во всем этом, что спустя несколько лет, уже после школы, я и вправду начал писать стихи. Причем не чужие, а свои. И баловался подобным словоблудием довольно-таки долго. Вероятно, описанный выше случай, каким-то непостижимым образом повлиял на мою способность зарифмовать нехитрые мысли.

А вообще, должен признаться, что с русским языком я всегда был на «ты», и по сочинениям в классе мне не было равных. Объяснялось это тем, что я, рано научившись читать, без разбору глотал одну книгу за другой. А бесследно подобное сумасшествие, как известно, не проходит. Помимо все более прогрессирующей близорукости, или, другими словами говоря – плохого зрения, ты вольно или невольно приобретаешь и хороший словарный запас, позволяющий тебе на отлично писать эти самые сочинения.

Вот попроси какую-нибудь среднестатистическую сироту черкануть что-то на заданную тему – она весь урок просидит, ковыряясь в носу, а потом сдаст учителю девственно чистый лист бумаги. Не так было со мной. После очередного написания контрольной работы Мария Дмитриевна сначала для контраста озвучивала плачевный результат какого-нибудь нашего отъявленного двоечника, состоящий из трех, маловразумительных предложений, которые не вызывали ничего, кроме издевательских смешков в классе, а затем брала в руки несколько исписанных красивым убористым почерком страниц.

«Ну, а сейчас дети, – воодушевленно говорила учительница, – я прочитаю вам единственное сочинение, за которое я, ни секунды не колеблясь, поставила уверенную и твердую пятерку! Оно должно стать для вас примером при подготовке к следующему экзамену. Было бы здорово, если бы все вы когда-нибудь научились писать так, как этот ваш одноклассник!».

Я сначала не понимал, о ком идет речь, но по мере того, как Мария Дмитриевна читала сочинение, мое лицо заливалось густой краской – я с чувством большой неловкости признавал собственный текст. И вроде бы – гордиться надо такой похвалой, но мне почему-то казалось очень постыдным и нескромным быть лучше всех. Так уж мы были воспитаны тогда.

В классе начинали восхищенно шептаться и гадать, кому бы могло принадлежать столь роскошное повествование. Наконец, Мария Дмитриевна, закончив чтение, ласково обращалась ко мне: «Кто бы мог подумать, Олег, что такой отпетый хулиган, как ты, может так хорошо излагать свои мысли!». Она всегда была очень добра ко мне, но что самое ценное – в ее словах проглядывало много сермяжной правды.

Если бы в нашей школе кому-нибудь пришло в голову установить две доски: почета и позора, то я бы, почти наверняка, красовался на обеих! Учиться в Младшем корпусе мне нравилось не меньше, чем хулиганить. В те незабвенные времена я представлял собой некий симбиоз из книжного мальчика, обожающего гуманитарные предметы и маленького бандита, отвратительное поведение которого вызывало неподдельную тревогу у окружающих.

В конце концов, хулиган во мне, фигурально выражаясь, задушил отличника, но это было позже, а пока я чрезвычайно настойчиво пытался приобщиться к знаниям, выработанным до меня (и как я совершенно искренне полагал – для меня!) всем человечеством. С этой целью я

буквально затерроризировал детдомовских педагогов. У меня было сотни тысяч «Почему?», и я желал получить ответы на все эти вопросы немедленно!

Люди постарше помнят, вероятно, что в советское время в кинотеатрах перед каждым показом художественного фильма на экране демонстрировали киножурнал «Хочу все знать!», который в легкой и доступной для усвоения форме рассказывал детям обо всем на свете. Вот и я хотел все знать (не ведая еще, что все знать – невозможно).

Меня интересовали, правда, все больше какие-то недетские вещи (про девочек я благо-разумно старался не спрашивать). Например, откуда в голове появляются мысли? Кто их туда направляет? Дело в том, что в течение дня в мою бестолковку залетает огромное количество всевозможных идей, дум, замыслов и прожектов, которые наведя там знатный переполох, куда-то потом исчезают. Порой встречаются среди них и довольно занятные! Вот как бы тормознуть их там таким образом, чтобы как следует к ним приглядеться? Ведь если не сделать этого сразу – сбегут, заразы! Ищи-свищи потом ветра в поле!

Или отчего люди зевают и почему делают это одновременно, как бы заражаясь друг от друга зевотой? Этот вопрос волновал меня в детстве не по-детски! Но как я не напрягал свой маленький мозг, объяснить сего феномена не мог. А ведь зевота – это единственная вещь, которая, как зараза, передается от человека к человеку. Скажем, подними я сейчас руку или тряхни головой – никто повторять за мной этого жеста не будет. Даже если я улыбнусь, не каждый поспешит улыбнуться в ответ, хоть это и приятно. Но стоит мне зевнуть, как человек, увидевший это, тоже начинает, сладко пожевывая, открывать свой рот. Чудны дела твои, господи!

Или что говорить инопланетянам, когда они захотят выйти со мной на контакт? Я помню, что еще в детском доме постоянно мучил нянечку каверзными вопросами о зеленых человечках, чем доводил несчастную женщину буквально до нервного потрясения! Теперь же, будучи школьником, я хотел доподлинно знать: станем ли мы когда-нибудь достаточно интересны братьям по разуму, чтобы они хотя бы покружили над нашими крышами на своих фантастических летательных аппаратах? Тема гуманоидов так и осталась с тех пор для меня не раскрытой, а с другой стороны – нахрена мы им вообще сдались? Как верно, уже в наше время, заметил какой-то остряк: «Люди, которые хотят выиграть «Мерседес» за лайк, вы понимаете, что это из-за вас инопланетяне не хотят с нами разговаривать?».

Я даже интересовался у взрослых, когда же, наконец, начнется ядерная война, о которой нам все уши прожужжала советская пропаганда. Чуть ли не каждый год нас учили, как действовать при атомном взрыве, куда следует бежать всем классом, чтобы надежно спрятаться от радиации, и я с нетерпением ждал подходящего случая, который бы позволил нам применить все эти знания на практике. Кроме того, мне страсть как хотелось увидеть конец света – ради такого феерического зрелища можно было (как несмышленому обалдую тогда казалось) и помучиться немного.

Одним словом, я так сильно заебал интернатских педагогов своими вопросами, что им не оставалось иногда ничего другого, как жестким подзатыльником отправить меня в глубокий нокаут, после чего я на некоторое время переставал докучать людям откровенными глупостями. Но вскоре моя неумная любознательность опять брала вверх, и я появлялся перед ними с новыми: «Как?», «Что?», «Где?», «Откуда?», «Когда?» и «Почему?».

Да уж, если бы мы и во взрослом возрасте сохранили такое же сногшибательное любопытство, каким обладали в детстве – цены бы нам не было! Но мы, по справедливому выражению Пушкина со временем становимся «ленивыми и нелюбопытными», а потом еще удивляемся: и чего это у нас жизнь такая скучная и неинтересная? Да потому и скучная, что мы сами перестали ею интересоваться...

Глава 16

В жизни всегда есть место подвигу
Максим Горький, писатель

Признаюсь честно, я долго не мог привыкнуть к удивительному мягкосердечию нашей новой воспитательницы Ларисы Валерьевны – мне казалось, что она лишь притворяется хорошей, но вскоре, как и многие интернатские педагоги, покажет свою темную сторону и тогда уж всем нам будет несдобровать! Но она продолжала, как старая благодушная бабушка, вязать на быстро мелькающих спицах свой нескончаемый шарф и водить нас по воскресениям в кино-театр «Родина», смотреть добрые детские фильмы.

Вы не представляете, какой огромной, просто ни с чем не сравнимой радостью являлись для нас, не очень-то избалованных развлечениями детдомовцев, эти походы в кино! В один из выходных дней, сразу после завтрака, одевшись в самую нарядную свою одежду (как сейчас помню – это были рубашки в кленовый листочек и синие штанишки) мы выходили в город. Прохожие удивленно взирали на нашу процессию – не часто, видать, им приходилось видеть два десятка маленьких лысых карапузов в совершенно одинаковой одежде, строем шагающих куда-то вдаль.

Несколько километров до вожаемого кинотеатра мы всегда топали пешком, экономя таким нехитрым способом интернату деньги на проезде в автобусе, но никто из нас даже не помышлял жаловаться на усталость. За возможность погрузиться в чудесное таинство кино мы были готовы всю Москву обойти несколько раз по кругу!

Добравшись, наконец, до места назначения, мы некоторое время сиротливо (вот уж точное слово) ожидали на улице, пока Лариса Валерьевна о чем-то возмущенно спорила с контролерами на входе. До нашего слуха доносилось: «Ну, как вы не понимаете, товарищи?! Это же государственные дети! Неужели «Родина» хотя бы на полтора часа не заключит их в свои объятия? Имейте в виду, что детдомовцы имеют полное право посещать утренние киносеансы за казенный счет!».

Через какое-то время, немного попрепивавшись для проформы, билетерши все-таки пускали нас в кинотеатр, предварительно пересчитав по головам. Радостно галдя, мы чуть ли не бегом устремлялись в зал, где уже плавно и медленно гаснул свет, включалось стрекотание проектора и начиналось самое настоящее, всамделишное волшебство!

Современному человеку, имеющему возможность в любую секунду посмотреть какой угодно фильм в гаджете, довольно сложно вообразить себе, с каким невероятным, почти религиозным благоговением мы следили за всем происходящим на большом экране. Это было ощущение сродни космическому! Все реальное и обыденное просто переставало для нас существовать! Благодаря искусству кино, мы словно перемещались в какой-то другой, отличный от нашего, мир!

Широко раскрыв рты и не смея лишний раз шевельнуться, чтобы не пропустить ни одной, самой маленькой детали, мы так глубоко проникались всеми перипетиями сценария, так отчаянно сопереживали героям фильма, что в зависимости от финала картины возвращались в интернат либо совершенно убитые горем, либо же настолько радостные и воодушевленные, что Лариса Валерьевна начинала беспокоиться: а не слишком ли эмоционально действуют на нас эти походы в кино?

«Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен», «Офицеры» и «Семеро солдатиков», «Приключения электроника» и «Сказка о потерянном времени», «Неуловимые мстители» и «Республика ШКИД» (любимейший фильм всех без исключения детдомовцев!) – все

эти прекрасные советские картины были просмотрены нами по многу раз и оставили глубокий след в детских сердцах.

Помимо высочайшего художественного уровня, в них было то, чего катастрофически не хватает современному кинематографу – необыкновенные, прямо-таки удивительные по нынешним временам человечность и доброта! Я до сих пор с огромным удовольствием смотрю старые советские фильмы, черпая в них то, что не дает мне возможности окончательно разуввериться в дне сегодняшнем. Ведь если мы когда-то сумели подняться на такие высоты духа, то сможем, вероятно, однажды сделать это снова!

Еще большее воздействие на меня оказывали книги! Мои одноклассники их почти не читали, я же не мыслил себе жизни без книг. Можно сказать, я буквально упивался ими, ведь чтение, по большому счету – это самый доступный способ получения удовольствия – грех им было не воспользоваться!

Причем в отличие от кино, которое само по себе выразительно и наглядно, и где не надо ничего специально додумывать, книги дают волю самому буйному твоему воображению! Другими словами говоря, читая книгу, ты можешь прокрутить в своей голове какое угодно кино! Просто поразительно, сколько всевозможных смыслов, образов, настроений, эмоций и чувств может скрываться за маленькими черными буковками, напечатанными на белой бумаге!

Я вообще не понимаю людей, которые пренебрегают возможностью читать книги. Подумать только: тебе достаточно лишь протянуть руку к книжной полке, и ты можешь открыть для себя огромное множество неизведанных ранее Вселенных, состоящих из драгоценной россыпи самых разных авторов – ну, какой дурак по доброй воле от всего этого богатства откажется?!

Чтение книг всегда казалось мне невероятным чудом! Какого-нибудь писателя, к примеру, давно уже нет на свете, но ты берешь его книгу и вот он уже, живет все живых, рассказывает тебе, как старому другу, историю своей жизни! Как верно заметил Пушкин: «Следовать за мыслями великих людей есть наука самая занимательная». А ведь и вправду, что может быть интереснее этого?!

Стоило мне разжиться где-нибудь хорошей книгой, как я забывал обо всем на свете, приходя в себя только через сотню-другую прочитанных страниц! Говорят, что лошади могут спать на ходу, так вот я наловчился читать при ходьбе и единственное происшествие, которое могло отвратить меня от этого увлекательнейшего занятия (да и то лишь на пару минут) – это когда я врезался в какой-нибудь столб по дороге! Иногда садясь в одном месте, я уже не вставал с него, пока не прочитывал всю книгу до конца!

Книга действовала на меня совершенно магически – беря ее в руки, я тут же входил в состояние какого-то удивительного транса, из которого не так-то легко было выйти! Чаще всего в интернате меня можно было увидеть согбенным над очередным романом или повестью. Нервно покусывая ногти, иногда заложив пальцами уши, чтобы не слышать своих чересчур шумных одноклассников (в инкубаторе от них нигде нельзя было уединиться) я «пожирал» страницу за страницей, понравившуюся мне книгу!

Страсть к чтению у меня была столь болезненной, буквально на грани наркотической зависимости, что без любимого дела я становился хмурым и дерганым. Иногда, если не хватало книг, я набрасывался на газету, пусть даже и мелко порезанную в сортире (она использовалась в детском доме вместо туалетной бумаги, о существовании которой мы до самого выхода из интерната даже не подозревали) и принимался жадно читать ее, безуспешно пытаясь восстановить по обрывкам всю заметку или статью.

Читал я всегда и везде, днем и ночью. В особенности – ночью, для чего мне даже пришлось обзавестись самопальной батареей с прикрученной к ней на изоленту лампочкой. Эта несложная конструкция позволяла мне читать книги под одеялом, не нарушая сон других детдомовцев, мирно посапывающих рядом. Бывало, я использовал для чтения свет Луны, люю-

пийся на меня из окна, и читал до тех пор, пока глаза мои не начинали самопроизвольно закрываться, а открыть их уже не представлялось никакой возможности!

Порой, из-за навалившейся на меня усталости, я ловил себя на том, что по несколько раз перечитываю одну и ту же простейшую фразу, не улавливая ее смысл. Это был верный признак того, что пора уже отложить в сторонку любимого автора и, хотя бы немного, вздремнуть. Нередко я засыпал только с рассветом, уже под утро, сладко предвкушая, как я проснусь через пару часов и достану из-под подушки еще недочитанную книгу...

В общем, всего этого было достаточно, чтобы я уже в начальной школе безвозвратно испортил себе зрение. Воспитатели подтрунивали надо мной: «Читай книгочей, не жалея очей!». Но ничто не могло отвести меня от дорогих моему сердцу книг – любовь к чтению так навсегда и осталась самой главной моей страстью в жизни!

Как и всякий чересчур начитанный и эмоционально неуравновешенный мальчик, в детстве я много грезил о социальной справедливости, о лучшей доле для всех людей. Я ненавидел лицемерное приспособленчество и всегда был готов рьяно отстаивать свои идеалы. Моими любимыми героями в то время были Неуловимые Мстители из одноименного фильма – четыре отважных всадника, которые на фоне восходящего солнца пели песню, ставшую для меня, без преувеличения, характерообразующей! (Вот она – живительная сила искусства!). В песне той были невероятной силы слова, которые буквально зажгли мое сердце!

«Веку не солги,
Другу помоги,
Трусить в бою не моги.
День наш не погас,
Может и не раз,
После расскажут про нас.
Песней станем мы!
Сказкой станем мы!
Будем, как правда прямы.
Жили мы не зря,
Были как заря,
В небе победно горя...»

Сколько лет прошло с тех пор, а у меня после прослушивания этой песни до сих пор по коже бегают мурашки, и замирает сердце от тоски по, увы, не сбывшемуся идеалу! Видно, не заслужили мы счастья для всего человечества, коли так малодушно утратили даже возможность сопротивления наседающему со всех сторон злу. Добро нынче терпит одно поражение за другим, а так хочется верить в победу Светлых сил!

«И над степью зловещей
Ворон пусть не кружит,
Мы ведь целую вечность
Собираемся жить.
Если снова над миром грянет гром
Небо вспыхнет огнем,
Вы нам только шепните
Мы на помощь придем...»

Как же я хотел быть таким же отважным и неустрашимым воином, который всегда приходит на помощь слабым и невзирая ни на что, отчаянно бьется за правду! Помню, я спраши-

вал у себя, маленького еще тогда: «А хватит ли у тебя, Головастик, силы духа, воли и характера, чтобы все время идти вперед и добиваться своей цели? Не смалодушничает ли ты, если противник вдруг окажется сильнее, а обстоятельства покажутся непреодолимыми? И отвечал сам себе: «Нет, я не испугаюсь никого и ничего и буду поступать только так, как подсказывает мне моя совесть!».

Непоколебимая вера в светлые идеалы добра, готовность при любом раскладе отстаивать свои убеждения – все это, по идее, должно было стать для меня настоящим противоядием против мерзостей окружающего нас мира. Как там в знаменитой песне у Высоцкого поется: «Если путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал, если в жарком бою испытал что почем, – значит, нужные книги ты в детстве читал!».

С моим обостренным чувством справедливости и отчаянной решимостью броситься в любую драку, даже если она не сулила мне ничего хорошего, я был обречен в детском доме на кучу неприятностей, но ничего не мог с собой поделать. Мне казалось подлостью промолчать там, где нужно было говорить правду или струсить в ситуации, которая требовала от меня решительных действий. Я считал постыдным отсиживаться в углу, когда надо было выходить и драться! Но моя фатальная ошибка заключалась в том, что я идеальные представления о справедливости, прописанные в книгах, пытался применить к реальной жизни, в которой они были совершенно нежизнеспособны.

Несмотря на все мои восторженные мысли и почти героические поступки, продиктованные литературой и кинематографом, меня довольно быстро стреножили в интернате и попытались выбить «всю эту ненужную дурь из головы». Потому что некоторые люди категорически не терпят в других того, чем не обладают сами! Особенно, если это касается чувства собственного достоинства и порядочности. Для подлецов подобные качества являются просто личным вызовом их мерзкой и примитивной натуре. И они не успокоятся, пока ни низведут вас до своего уровня.

Причем, происходит это не только в детстве, но и во взрослой жизни. Никакой особой разницы между ребенком и взрослым человеком нет. Кроме того, что в более солидном возрасте возможностей сподличать неизмеримо больше! Ну, и отговорок на всякие объективные обстоятельства, якобы заставляющие нас быть мерзавцами, тоже прибавляется. Помню, друзья мне всегда говорили по этому поводу: «Да брось ты переживать, Головастик! Зачем все так близко принимать к сердцу? Все равно ведь ничего не изменишь и против ветра не посышь!».

Но неужели это правда, ребята?! А как же пресловутая справедливость?! Мне всегда было искренне непонятно (я и сейчас никак не могу взять это в толк) почему кривда так сильно укоренилась среди людей? Для чего мы с энтузиазмом, достойным лучшего применения, гнобим и третируем себе подобных?

Казалось бы, у человечества есть все, что необходимо ему для счастливой и достойной жизни: согревающее землю солнце, чистая вода, вкусная еда. И если расходовать все эти блага разумно, а самое главное – честно, то радости хватит на всех! Но тогда почему вокруг нас так много горя и страданий? Откуда берутся все эти сирые, увечные и голодные?!

Будучи маленьким, я очень сильно любил и жалел людей, меня до крайности огорчало их угнетенное состояние! Я все никак не мог дождаться, когда же я, наконец, вырасту, чтобы сделать для них что-нибудь более значительное, нежели простое размазывание соплей по поводу вопиющей несправедливости, с которой им приходится жить.

Мне хотелось всячески помогать людям и быть полезным для своей страны. Я постоянно бубнил себе под нос: «День, что прожит был без пользы Отчизне, я вычеркну напроочь из собственной жизни!». Но как бы устроить все так, чтобы жизнь моя была наполнена хоть каким-то высоким содержанием, если взрослые постоянно лезут со своими дурацкими нравоучениями об учебе? Кому она вообще нужна эта ваша бессмысленная зубрежка?! В конце концов,

я давно уже не маленький мальчик – мне почти десять лет! Но еще ничего, черт бы вас всех побрал, не сделано для бессмертия!

А я мечтал драться вместе со Спартаком против рабовладельцев Рима или помогать запорожскому казаку Тарасу Бульбе рубить заносчивых ляхов! Моя душа буквально изнывала в стремлении совершить что-нибудь героическое! Я готов был даже отсидеть в тюрьме вместе с графом Монте-Кристо или провести полжизни на необитаемом острове в компании Робинзона Крузо. Все, что угодно – только бы не ходить в опостылевшую мне школу!

В зависимости от прочитанной книги я то улетаю куда-то в неведомые дали на воздушном дирижабле, то уплываю с кем-то на океанском корабле в кругосветное плавание! Меня страстно влекли новые страны и континенты, я бороздил на звездолете далекие галактики, но все это очень не нравилось нашей учительнице, которая раз за разом возвращала меня на грешную землю.

Часто сидя на уроке, я представлял себе, как спасу человека на пожаре, отважно бросившись в огонь, или вытащу утопающего из воды! Пожара я, правда, тогда еще ни разу наяву не видел, и плавать не умел. Но это было не важно. Ведь главное – помочь попавшим в беду людям, вырвать их, так сказать, из лап смерти! Мое богатое воображение в таких случаях никогда меня не подводило: презрев всякую опасность и рискуя собственной жизнью, я устремлялся на помощь терпящему бедствие человеку и, конечно же, выходил победителем в схватке с неумолимой стихией!

При этом, что характерно: случайные прохожие, ставшие невольными свидетелями чудесного подвига, начинали шумно восхищаться мною, но я со свойственной мне скромностью отвечал им, что так бы на моем месте поступил каждый, потому что: «Когда страна прикажет быть героем – у нас героем становится любой!». И, продолжая цитировать любимых классиков, добавлял: «Нет, ребята, я не гордый. Не загадывая вдаль, так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль!».

Одним словом, никогда я так не был нацелен на совершение подвига, как в раздолбайские мои, детдомовские годы. Но, как назло, ничего поблизости от нас в то время не горело и не тонуло, и мне приходилось расстроено учить скучнейшую школьную цифирь, которая не навела на меня ничего, кроме сна разума.

Глава 17

*От героев былых времен не осталось порой имен
Песня из кинофильма «Офицеры», на слова Евгения Аграновича*

Как и все мальчишки того времени я очень переживал, что мне не повезло родиться в какую-нибудь героическую и овеянную легендами эпоху! Мне казалось большой несправедливостью, что я вынужден влачить свои жалкие деньки среди самых обычных и ничем не примечательных обывателей, в то время как мои сверстники в годы Великой Отечественной войны совершали невероятные подвиги!

Еще будучи октябреньком, я взалхлеб зачитывался книгами о пионерах-героях Володе Дубинине, Лене Голикове, Марате Казее, Вале Котике, Зине Портновой и страшно расстраивался от того, что меня угораздило появиться на свет спустя лишь тридцать лет после Победы. «Как же так получилось – с грустью думал я, – что все самое по-настоящему великое прошло мимо меня?! Неужели я так и сдохну, не совершив какого-нибудь самоотверженного деяния, достойного памяти предков?!». От этих мыслей мне становилось очень грустно.

Но что оставалось делать маленькому романтику, который рос в невероятно скучное, мирное время и не имел возможности сбежать на фронт? Только читать о героях прошлого и завидовать их огромной посмертной славе! При этом я так хотел почувствовать себя заправдашним несокрушимым воином и проникнуться ощущением пусть совсем не моего, но подвига, что доходило даже до смешного.

Однажды, узнав об обстоятельствах гибели в немецком плену русского генерала Дмитрия Карбышева, я, раздевшись до трусов, потребовал от одного из своих одноклассников, чтобы он немедленно начал обливать меня ледяной водой. Когда же он с удовольствием перевернул мне на голову ведро воды, я радостно и торжествующе кричал ему в лицо: «Врешь, фашистская морда! Не возьмешь!».

История с летчиком Алексеем Маресьевым, который много дней пробирался по заснеженному лесу в расположение наших войск и отморозил себе обе ноги, заставила меня попластунски проползти несколько сотен метров по школьным коридорам, чем я до смерти перепугал детдомовских учителей! Ну, а книгу, повествующую о том, как Николай Гастелло направил свой горящий самолет на танковую колонну врага, взрослые и вовсе постарались от меня спрятать: к наглядному воспроизведению такого подвига наш интернат оказался не готов!

Короче говоря, в ту счастливую пору своей жизни я был чрезвычайно милитаристски настроен и втайне желал какой-нибудь полноценной войны, на которой можно было бы отличиться. Мне мерещились всякие боевые картины, сильно распалявшие мое воображение! Вот я отважно поднимаюсь из окопа в атаку и увлекаю за собой перетрусивших поначалу бойцов, подозрительно похожих на моих одноклассников. Мало кто из этих ребят, конечно, вернется из боя, но я не могу отказать себе в удовольствии хотя бы мысленно принести их на алтарь какого-нибудь правого дела!

А здесь меня уже ведут в плен, на неминуемый расстрел, но я держусь необычайно твердо для своего возраста. Враги, пораженные моим мужеством, предлагают мне жизнь в обмен на признание их победы: «Ты храбрый и бесстрашный мальчик! – говорят они мне, – И мы хотели бы, чтобы все наши солдаты были похожи на тебя!». Но я с презрением отвергаю их лстивые дифирамбы в свой адрес. «Вы можете меня схватить и даже убить, – хладнокровно отвечаю я им, – но захвалить себя я вам не позволю!».

Был, правда, у нас один мелкий провокатор, который всячески пытался сбить меня с героического настроя, опошлить и принизить еще не совершенные мною подвиги. Помню, с

каким негодованием воспринял я его утверждение о том, будто бы не смогу выдержать пыток противника, если таковым буду подвергнут.

«Да как ты смеешь говорить подобное?!» – чуть не задохнулся я от возмущения. Но он продолжал гнуть свою линию: «А что же ты, Головастик, терпел бы?! Вот представь, что тебе фашисты напильником начинают зубы один за другим медленно стачивать! Или загонять раскаленные иголки под ногти! Как бы ты отнесся к этому? Заговорил бы, как миленький! И выдал бы им все секреты, в том числе и те, которые не знаешь!».

Я сразу живо представил себе эту картину, и меня прямо-таки передернуло от такой безрадостной перспективы! Я даже скривился весь, как будто бы меня заставили съесть целиком самый кислый лимон! Вопрос действительно был не так-то прост, но я все равно надеялся, что мне хватило бы ума не попасть в плен. По крайней мере, в нашей детской игре в «войнушку» я бы никогда этого не допустил...

Надо вам сказать, что прежде, чем развязать в интернате эту самую войну, мы очень тщательно к ней подготовились. Несколько дней весь личный состав двух противоборствующих армий, которым еще только предстояло схлестнуться на поле боя, по моей настойчивой рекомендации изучал тактику военных действий на пересеченной местности.

Я также заставил ребят заготовить для будущей игры (которая нами игрой отнюдь не считалась – все было более, чем серьезно!) достаточное количество самого разного оружия, начиная от легких ивовых прутьев и заканчивая увесистыми дубинами, использовать которые мы решили только в крайнем случае (стоит ли говорить, что именно такой случай нам в первый же день и представился!).

Ну и, конечно, мы не могли не распотрошить туеву хучу библиотечных журналов, вырезая из них все, какие только возможно, ордена и медали, поскольку детдомовские сорванцы не шутя мнили себя выдающимися героями, а героев, по их мнению, следовало щедро и обильно награждать! Кроме того, мною была предложена целая система воинских званий, так что любой маленький солдат, при должном рвении, мог в перспективе стать генералом. Представляете, как сильно это мотивировало бойцов?!

Командиром первой армии я назначил, разумеется, себя. По-другому и быть не могло – абсолютно не склонный к повиновению, я и представить себе не мог, что кто-то будет мною командовать. Так уж повелось по жизни, что я совершенно не умел проигрывать и стремился верховодить всегда, везде и во всем. Моим же самым ярким и бескомпромиссным противником, как и следовало ожидать, стал мой старый недруг – Косой.

Итак, каждый выход на улицу использовался нами для игры в войну. Как сейчас вижу перед собой сосредоточенные лица своих маленьких бойцов, которые заняв назначенное им место в строю и замерев от чрезмерного усердия (дисциплина в нашей армии – превыше всего!) напряженно ждут от меня команды.

Как раз незадолго до этого мы ходили всем классом в кинотеатр и посмотрели там фильм, произведший на нас неизгладимое впечатление. Назывался он «Первая конная». Теперь я стою перед армейским строем, укрытым от глаз противника пышными кустами, и немного перефразируя одного из героев этой картины – красного конника, обращаюсь к бойцам:

«Видать, вроде того, что бегем мы?! А есть такая надея, что это нам ни к чему! В самый раз вдарить, когда они скопом идут!.. Почему отступаем?! Они нас – да?! А мы их – нет?!.. Ежели у вас супротив Косого кишка тонка, ежели тонка?! Тады все! Тады точка!». Ребята страшно довольные тем, что я вот так запросто цитирую целые куски из полюбившегося им фильма, радостно скалят свои зубы в улыбке и с готовностью подыгрывают мне: «Веди нас, командарм! За тобой хоть в огонь, хоть в воду!».

Впереди, за деревьями уже маячат фигуры наших врагов. Я изо всей силы разрубаю прутком перед собой испорченный кем-то воздух и ору, как оглашенный: «Шашки к бою, орлы!

В атаку за мной, марш-марш!». Мы, все десять «красных дьяволят», стремительно обрушиваемся на соперника, и начинается жаркая рубка!

Здесь надо отметить, что при игре в «войнушку» у нас часто возникали споры, касательно того, каким образом считать свои и чужие потери. Все дело в том, что никто из детдомовцев не хотел умирать и на любые крики противника: «Ты убит!», как правило, отвечал: «Сам ты убит, мудила!». При более детальном разбирательстве выяснялось, что все солдаты враждебной армии такие же косые, как и их командир, а потому попасть в наших ребят из своих ружей не могли ни при каких обстоятельствах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.